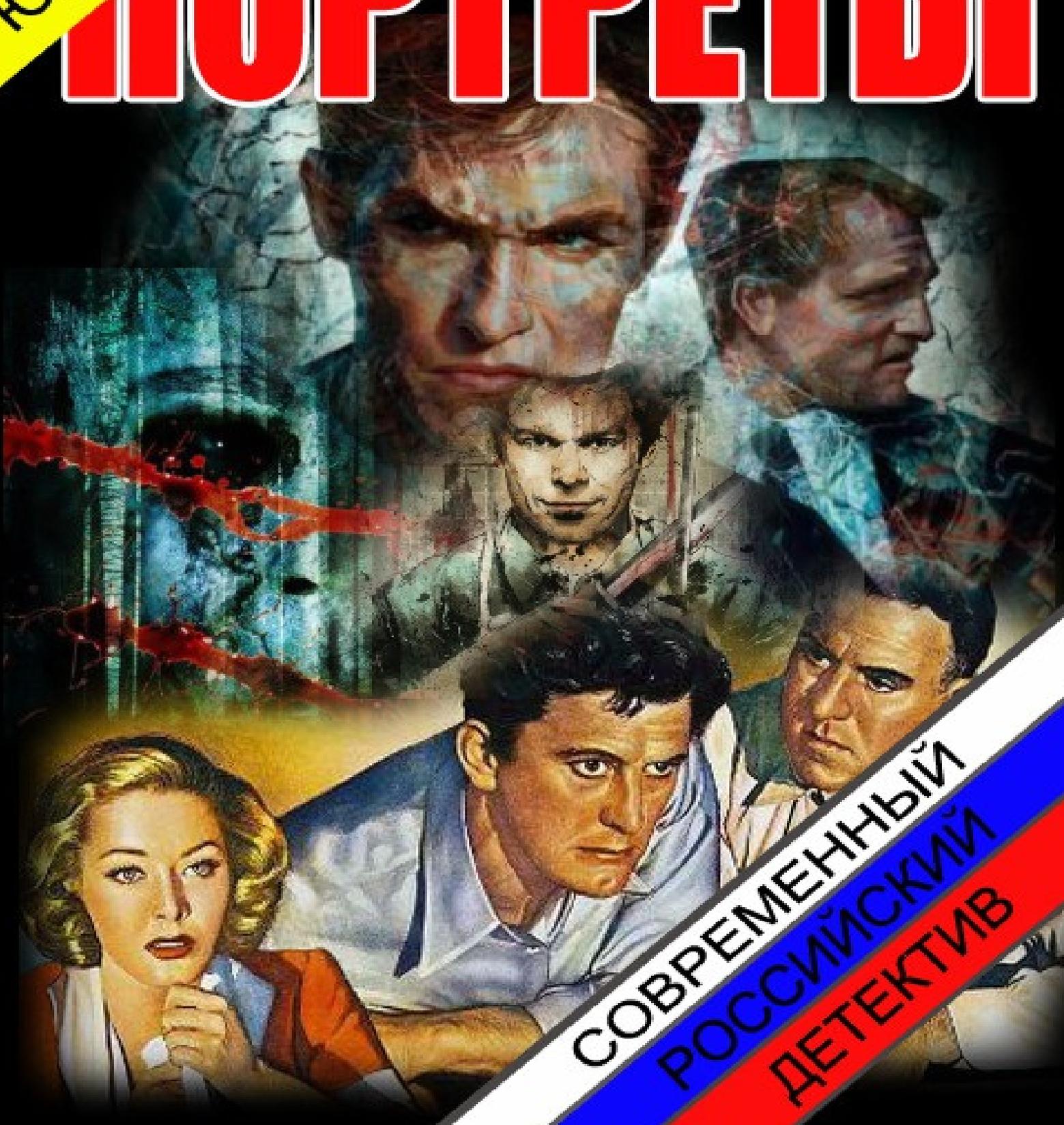

ЮРИЙ САЛОВ

ЛЮДИ И

ПОРТРЕТЫ

СОВРЕМЕННЫЙ
РОССИЙСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Май-июнь 1998. На профессионального киллера Павла Тумасова после очередного выполненного «заказа» начинается охота. Скрываясь от преследователей, Павел уезжает в родной Баку. Там он узнает, что его племянница, с которой он разговаривал пару дней назад по телефону, на самом деле уже год как погибла в автокатастрофе. Расследуя причины ее гибели, Павел погружается в криминальную жизнь города и сталкивается с каннибалами...

Юрий Борисович Салов
Люди и портреты

— Татьяна Анатольевна, что главное в творчестве художника?

— Настоящий художник должен писать картины сердцем.

— То есть должен писать картины от всего сердца?

— Каждый понимает это по-своему.

— Вы много работаете в фэнтези-стиле. Почему и как вы выбрали этот стиль?

— Большинство людей в какой-то момент своего творчества проводят четкую черту, которая разграничивает сказочных, мифических персонажей и людей, но у некоторых, таких, как я, она остается размытой. Для людей, которые любят фантастические, а особенно сюрреалистические сюжеты, это вполне естественное развитие событий. Мне кажется, что этого мало сейчас в творческом мире, но, в общем, подобный стиль хорошо прослеживается в истории искусства (например, в эпоху возрождения). Для меня лично такой стиль стал наиболее естественным выражением эмоций и духа в форме сюрреалистических средневековых сюжетов, потому что, допустим, мир живых неотделим от мира мертвых. Я вижу больше сходств, чем различий между нами. И, скорее всего, у меня есть желание поделиться этим видением с другими в надежде, что они изменят свое видение мира, сделают его более широким.

— Вы рисуете в других стилях?

— Конечно! Мое творчество многообразно, я рисую в разных стилях. Спектр моих работ простирается от живописи до графики. Стили заметно отличаются от проекта к проекту. И мне нравится, когда получается справиться с темой, которую от меня требует заказчик. Моя страсть к познанию нового всегда приносит мне много художественных открытий.

— Какой у вас любимый цвет? Скажите, почему в ваших картинах преобладают разнообразные оттенки красного?

— Потому что это мой любимый цвет. К этому цвету, всей его широкой палитре я равнодушна, каждый оттенок обладает своими преимуществами, и используется в той или иной ситуации. Но я в восторге от этого цвета, потому что чувства, эмоции, страсть доминируют в тематике моих картин и по моему мнению именно красный цвет наиболее полно отображает эти темы.

Из интервью художницы Татьяны Белявской журналу «Мольберт».

Глава первая

Телефон звучал пронзительно, настаивая, чтобы на звонок все же ответили. Павел проснулся сразу же, но подниматься не спешил. Никуда эти люди не денутся. Ну в конце концов, он им нужен, а не они ему. Ну, может просто не слышать. Зачем трезвонить без остановки.

Звонок не утихал. Даже ни разу не прервался. Он был каким-то злым и назойливым.

Павел вздохнул и стал нехотя подниматься. Тело несколько ломило. Телефон, новый, японский, с определителем номера звонящего — стоял на тумбочке в другом углу комнаты.

— Ало, — и это «ало» у него совсем не получилось.

Несмотря на то, что родился и вырос Павел в Москве, а на родине своих предков в Баку бывал только наездами и последний раз года три-четыре назад, — от легкого акцента, благополучно приобретенному от родителей, смешанной русско-осетинской пары, избавиться ему так и не удалось. Да он и не стеснялся его.

— Говорите же, — сказал он уже громче.

— Павел, — из телефона доносился тихий знакомый голос. — это Наталья.

— Наташа? — Павел безмерно удивился звонку племянницы, тем более ночному. — Ты где?

— Дома. Приезжай.

— А что случилось?

В трубке запищало. Павел недовольно поморщился.

— Приезжай.

— Так что случилось? — повторил Павел, заложив пальцем одно ухо, чтобы лучше слышать.

Однако в трубке уже раздались короткие гудки. Павел взглянул на определитель номера — номер абонента не высвечивался.

Павел присел на стул рядом с телефоном. Станный ночной звонок несколько выбил его из колеи. Свою племянницу Наталью он не видел уже несколько лет, с момента своего последнего визита в Баку. После смерти родителей она осталась самым близким ему человеком, но особых контактов он с ней не поддерживал. И тут эта просьба о приезде. Однако Павел сейчас никак ее не мог исполнить.

Он взглянул на часы. Половина третьего ночи. Но как Наталья его нашла? Эту квартиру он снял полгода назад и его номер телефона был известен только очень ограниченному кругу людей.

Павел закурил. Дым пошел в предусмотрительно открытую форточку. Нет, сейчас не было времени заниматься проблемами племянницы. Да и какими, она не сообщила. А в полдень у него важная встреча с заказчиками. Людьми важными, авторитетными, и он должен выглядеть наилучшим образом. А Наталья если захочет, то позвонит еще. А он должен быть в форме. В отличной, оптимальной, идеальной форме с хорошей реакцией и свежей головой. Для достижения успеха. Профессиональный успех — он разный, если есть стабильный результат. Особенно в его работе. С этими мыслями Павел погасил свет и пошел дальше видеть сны.

В просторном, обставленном современной дорогой мебелью кабинете на втором этаже недавно построенного подмосковного коттеджа сидело двое. Узкий плоский череп без

единого волоска и довольно крупный нос с горбинкой придавали одному из них сходство со старым, но все еще сильным грифом, грозно сидящим на высокой скале и оглядывающим подвластные ему выси и низины. Ему было уже за шестьдесят, но ни следа дряхлости не проступало на его хмуром властном лице. Напротив него сидел коротко стриженный широкоплечий мужчина средних лет с круглым тяжелым лицом, которое украшала трехдневная небритость. Время от времени он доставал из кармана брюк платок, которым вытирал вспотевший лоб.

Проделав эту процедуру в очередной раз, он деловито спросил:

— Что скажете, Марк Израилевич?

Человек, которого мужчина назвал Марком Израилевичем, не ответил. Он молчал, углубившись в какие-то свои мысли и не обращая ни малейшего внимания на взгляды, которые незаметно бросал на него собеседник.

Тот впервые увидел Марка Израилевича, или Грифа, как его величали в определенных кругах, всего две недели назад, когда несколько крупных криминальных авторитетов решили собраться и обсудить текущие дела, связанные с переделом сфер влияния. Старик очень его интересовал, но он старался не выдать своего интереса.

— Что скажете, Марк Израилевич? — повторил он и вновь не получил никакого ответа.

Гриф несомненно услышал вопрос, но мысли его были сейчас заняты другим.

Игорь Дроздов, или Толстый, один из лидеров «Тимирязевских» догадывался, чем. В этот подмосковный коттедж Гриф приехал со встречи в кафе «Журавль» с лидерами чеченской общины, прежде всего с Мовлади Акбаровым, где выяснялось, кто является настоящим хозяином столицы.

Разговор, как мог судить Дроздов, был очень тяжелым, и атмосфера этого разговора, этой встречи словно бы воцарилась и здесь, среди этой современной белоснежной мебели.

Поэтому Игорю не терпелось узнать, чем закончилась встреча, но он сдерживал себя, созерцая в модные пластиковые окна цветущие каштаны на аллеях окружавшего коттедж парка.

Наконец Гриф будничным тоном, но вполне серьезно ответил:

— Мовлади надо убирать.

— Вы думаете?

— Безусловно.

Старик неторопливо изложил свое видение ситуации. Игоря взволновал рассказ об итогах встречи Марка Израилевича с чеченцами. Он понимал, что ликвидация Мовлади может привести к большой криминальной войне с ощутимыми потерями, поэтому идея Грифа вызвала у него раздражение, которое он, однако, не демонстрировал. Вместе с тем он был особенно осторожен в словах и в проявлениях чувств, так как понимал, что эта операция может стать переломной в расстановке сил в криминальной Москве и этот выцветший старик с орлиным профилем и властным лицом был именно тем человеком, который мог решить все проблемы.

Когда Толстый аккуратно собирал по своим каналам информацию о Марке Израилевиче, то он выяснил только то, что не стоит вести об этом человеке никаких расспросов — ни явных, ни скрытых. Ходили неявные слухи, что у Грифа есть выход на нескольких людей в верхушке спецслужб и поэтому лучше сделать все, чтобы не поссориться с этим хмурым стариком. Поэтому Игорь и не стал никак возражать против намечавшейся операции, началом которой должно было стать нахождение исполнителя для этого

непростого дела.

Однако у Марка Израилевича были свои соображения на этот счет.

Он словно бы выпростал голову из плеч и посмотрел на Игоря грозным взглядом проснувшегося грифа.

— Отдаете ли вы себе отчет в том, что разработанная нами операция довольно опасна?

Дроздов жадно затянулся «Мальборо» и проговорил:

— Риск, конечно, есть, но думаю, она является наилучшим выходом.

— Согласен. Но к ней ни вы, ни я отношения иметь не будем. Ее проведут другие люди.

В прошлый раз вы упоминали одного человека, по вашим словам, специалиста высокого класса, который может согласиться на выполнение такой работы.

— Да, я давал вам его координаты.

Марк Израилевич бросил в микрофон селектора:

— Романа ко мне.

Появился высокий блондин, положил несколько фотографий. В ответ на обращенные к нему взгляды неопределенно пожал плечами:

— На мой взгляд, это хороший кандидат.

— Его сильные стороны? — спросил Гриф.

— Реакция хорошая, интеллект, скрупулезность.

— Психологическая устойчивость?

— Мне о нем говорили только в восторженных тонах.

— Так, — скрипучим голосом бросил Гриф, пролистывая записную книжку. — он воевал наемником в Приднестровье, Абхазии, Карабахе. Что же, у него богатый опыт.

Игорь кивнул головой.

— Мне говорили, он хороший исполнитель.

— Стало быть, вы уверены, что именно он нам нужен? — поинтересовался блондин.

И вновь ответ от старика последовал не сразу.

— Я ни в чем не уверен. Поэтому должен на него посмотреть.

Роман включил монитор.

— Вот, смотрите.

На экране появилась просторная приемная. Возле окна, спиной к камере, сложив руки за спиной и слегка покачиваясь на носках кроссовок, стоял молодой человек в джинсах и рубашке. Это и был Павел, так некстати вчера разбуженный непонятным ночным звонком.

— Что же, хорошо держится. Спокойный, уравновешенный, — заметил Марк Израилевич. — даже не пытается заглянуть в бумаги на столе, хотя это было бы вполне естественно.

— Он же наверняка просек телекамеру. — заявил Толстый.

— Как вы на него вышли? — обернулся к нему старик.

— Через одного хорошего знакомого. Этот парень сначала заинтересовал меня как опытный человек, прошедший горячие точки.

Но решающим фактором, конечно, стала его так сказать, всеядность, отсутствие каких-либо тормозов. Тогда я уже стал тщательнее приматриваться к нему. Думаю, он может подойти.

— Мы не знаем, согласится ли он. — задумался Марк Израилевич.

— Уверен, согласится. Вас что-то смущает?

— Конкретно — ничего. Мне он даже нравится. Да, нравится. — повторил Гриф,

разглядывая на экране монитора Павла, который уже начал нетерпеливо поглядывать на часы. — Нормальный молодой человек. Настолько нормальный, что невольно ищешь серьгу в ухе. Или в ноздре. Что ж, давайте с ним поговорим. Как его зовут?

— Павел Тумасов, — подсказал Дроздов.

На экране было видно, как в комнату быстро вошел Роман и что-то сказал Тумасову. Тот довольно равнодушно кивнул и вышел из приемной.

Дроздов взял пульт и выключил монитор.

Через минуту помощник ввел в кабинет Павла и остановился в дверях, выжидая, глядя на Марка Израилевича.

— Можешь быть свободен, — кивнул тот.

— Слушаюсь, — сказал блондин и вышел.

— Садитесь, Павел. Мне хотелось бы задать вам пару вопросов. Не возражаете?

Тумасов оглянулся на Игоря:

— Вы нас не познакомили.

— Называйте меня Марком.

— Хорошо.

— Не будем тянуть кота за хвост, — начал Марк. — мы хотим выяснить, нужны ли вам деньги.

— А они кому-нибудь не нужны? — удивился Павел.

— Кто-нибудь нас не интересуется. Нас интересуете вы.

— Нужны, конечно. Весь вопрос, какие это деньги. И за что.

— Вот мы и подошли к сути, — констатировал Гриф. — объясните, Игорь, нашему гостю, в чем будет заключаться его работа.

— Работа, так сказать, по специальности, — улыбнулся Дроздов, закинув ногу на ногу. — согласен?

— Подумаю. Я не играю втемную.

— Но бабки-то тебе нужны? Сам говорил.

— У меня есть своя фирма. Свой бизнес. Я выполняю конфиденциальные поручения. На жизнь заработаю.

— Не пудри нам мозги. И себе тоже. Фирма у него есть! — пренебрежительно воскликнул Дроздов. — Частный бизнес! Только не пытайся нас убедить, что тебе не хочется выполнить серьезный заказ и заработать много.

— Возможно, — кивнул Павел. — Но втемную на такие дела подписываются только придурки. Вы сами бы подписались?

— Если бы доверял заказчику.

— А я могу вам доверять?

Дроздов вопросительно взглянул на Марка Израилевича. Тот кивнул:

— Без конкретики. В самых общих чертах.

— Как я уже сказал, делать нужно будет то же самое, — начал Игорь. — есть человек, которого нужно убрать. Мы думаем, что ты с этой задачей справишься.

— Допустим, — подумав, сказал Павел. — дайте информацию о клиенте.

— Значит ли это, что ты согласен? — спросил Толстый.

— Пожалуй, да.

— Это не ответ.

— Да.

— Прекрасно. — слегка оживился Марк Израилевич. — Я все-таки не ошибся в вас. Когда мы примем окончательное решение, Игорь введет вас в курс дела. А нам сейчас остается обсудить последний вопрос. Размер вашего гонорара. Мы предлагаем вам за эту работу пятнадцать тысяч долларов. Плюс расходы по факту.

— Тридцать, — сказал Павел. Он уже стал смутно догадываться, кого ему предстоит ликвидировать.

— Пожалуй, мы согласимся. — подумав, сказал Гриф. — Вы правы. За риск нужно платить. Пятнадцать тысяч — аванс, остальное после выполнения задания. Продиктуйте моему помощнику реквизиты вашего банка.

— В этот раз никаких авансов. Все сразу, наличными и вперед.

— А вот так мы не играем. — заметил Игорь.

— Нет. Это был мой небольшой тест. Мне хотелось понять, как вы сами оцениваете сложность задания. И связанный с ним риск.

— И что вы поняли? — бросил на него взгляд Марк Израилевич.

— Что я мог бы запросить еще вдвое большую сумму. И вы бы все равно согласились.

— Вы собираетесь это сделать? — уточнил Гриф.

— никоим образом. Я просто назвал свои условия. Если вы их принимаете, будем считать, что контракт заключен.

— Окончательное решение мы примем чуть позже. Но думаю, мы согласимся на ваши условия.

Значит клиент очень непростой. — подумал Павел. — Из всего, что приходит на ум, скорее всего из чеченской диаспоры. И нужно его убрать. И для этого некие влиятельные люди, платят тридцать тысяч баксов. И даже были готовы заплатить вдвое больше...

Тем временем Гриф нажал клавишу селектора.

— Роман, проводи нашего гостя. — и обращаясь к Тумасову — все, вы свободны. Если мы согласимся, завтра к вам придет наш человек с авансом. Оставьте свой номер телефона для связи.

Когда за Павлом захлопнулась дверь, Марк Израилевич взглянул на Игоря.

— Ваши впечатления?

— Крутой паренек. Тридцать штук снял — и глазом не моргнул. Если у него такие гонорары, чьи же конфиденциальные поручения он выполнял? И какие?

— Незачем гадать. Для нас важно другое. Он типичный наемник. С соответствующей психологией. А кто его нанимал и для чего — дело десятое.

Глава вторая

Назавтра референт Марка Израилевича Роман с авансом и двумя фотографиями клиента встретился с Павлом в его личном тире на окраине заводского района, хорошо оборудованном и оформленном в официальных бумагах как складское помещение. Стоически преодолев горы разного хлама и мусора, которые вываливала находящиеся по соседству птицеводческая ферма, помощник добрался до мощной загородки из бетонных плит, из-за которой доносились непрерывная стрельба. Услышав столь интенсивную канонаду, вполне можно было предположить, что внутри упражняется целая команда отличников боевой подготовки.

Роман приблизился к добротной железной двери и, дождавшись паузы в стрельбе, что было сил заколотил по ней.

— Кто там? — раздался сиплый мужской голос.

— Я от Марка Израилевича. — становясь напротив глазка, ответил Роман.

— Заходите, открыто. — донесся тот же голос.

Роман зашел, закрыв за собой массивную дверь и увидел, как в торце длинного и узкого бетонного пенала висели две синие поясные мишени, а напротив них, возле стола с разложенным на нем оружием, стоял высокий худощавый длинноволосый мужчина с пистолетом в руках.

После получения инструкций от Марка Израилевича Роман был настороже, но Павел отреагировал на его появление довольно мирно — поднял руку в знак приветствия и тут же повернулся к столу с оружием.

— День добрый... — кивнул головой, приблизившись к нему, Роман.

— Привет, — едва повернув к нему голову, кинул Павел.

— Можно посмотреть? — гость показал на лежавший на столе бинокль.

— Бери, конечно, — кивнул головой Тумасов, нацепил наушники и, взяв со стола «ГТ», развернулся к мишени.

Снова раздалась выстрелы. Роман внимательно следил за мишенью в бинокль — все до единой пули ложились точно в лоб человеческого силуэта.

— М-да... Прилично стреляешь.

Блондин достал из кармана пухлый конверт и фотографию. Он положил на стол фото изображением вниз, на него — конверт и придавил бумаги биноклем.

— Работа такая... — Павел покосился на стол. — Принес?

— Угу... предпочитаем отечественного производителя? — Роман ткнул пальцем в хорошо знакомый ему пистолет.

— Да, хорошая машинка, — несколько оживился Павел. — например, когда с двух рук стреляешь, тот же «Глок» часто бьет по нервам, а «ГТ» работает по цели.

— Это как? — не понял Роман.

— Сейчас покажу.

Павел взял в руки по пистолету и, скрестив их, принялся палить по мишени сразу из обоих. При этом он постоянно двигался, перебегая из стороны в сторону. Теперь новые дырки появлялись не только на лбу, но и по всей площади мишени. Расстреляв оба магазина, Тумасов положил пистолеты на высокий стол и потянулся к конверту и фотографии под ним.

Мельком заглянув в конверт, Павел перевернул фотографию и понял, что в своих догадках он не ошибся. Теперь он узнал человека, под чьей жизнью ему предстояло подвести черту.

— Где, когда? — спросил после паузы он.

— Завтра в шесть вечера, возле Варшавских бань... Знаешь?

— Знаю, знаю, как не знать... — задумчиво покивал Павел и вполголоса добавил:

— Однако...

Жертвой был намечен тридцативосьмилетний Мовлади Акбаров, известный в преступном мире под кличкой Заза. Он был не просто авторитетом, а в течение последних нескольких лет, являлся одним из лидеров самой мощной московской этнической группировки — чеченской общины.

По своим каналам Павел знал, что чеченская группировка насчитывала пару сотен человек и придерживалась исключительно самостоятельной линии во всех спорных вопросах с другими бандформированиями. Судя по ее деятельности, это была группировка беспредельщиков, не считавшихся ни с какими авторитетами криминального мира. Специализацией группировки были рэкет, разбои, наркотики, грабежи, заказные убийства. В сферу ее влияния входили многие денежные артерии — от казино до железнодорожных вокзалов, они контролировали торговлю в ряде районов столицы.

Группировка имела четкую внутреннюю структуру и распределение ролей, разведку и контрразведку, связи в правоохранительных органах. Громкий шум был полгода назад, когда чеченцы устроили перестрелку в «Макдональдсе» на Пушкинской площади, во время которой восемь человек получили ранения, в том числе туристы из США, и после чего во всех ресторанах сети «Макдональдс» на входе поставили металлоискатели. Задержать стрелков на месте разборки не удалось, они находились в федеральном розыске до сих пор. Никакой опеки чеченцы не терпели, тем более со стороны славянских воров в законе. Это действительно были беспредельщики, наводившие ужас на всех, кто с ними сталкивался, умело подпитываемые кем-то в руководстве страны.

И вот теперь Павлу предстояло убрать столь серьезную фигуру. Деньги были хорошие, но и риск был немалый. Впрочем, Павел верил в свою фартовость — во время Чеченской войны ему удалось бежать из плена одного полевого командира, пробираясь по горам на территорию, контролируемую федеральными силами.

Назавтра уже в двадцать минут шестого Тумасов расположился на площадке под куполом строящейся церквушки между двумя зданиями напротив. Он открыл слуховое окно и осмотрелся. Лучше места не придумаешь. Обзор в три стороны на километр, до парадного входа семьсот метров. Любой входящий-выходящий на несколько секунд будет как на ладони...

За пять секунд он умел всаживать три пули. Или шесть, если стрелять из автоматической винтовки. Павел спешил. Во-первых, день начинал сменяться вечером, приближались сумерки, а хорошее освещение для его работы было очень важно. А во-вторых, Заза вот-вот должен был подъехать.

«СВД-С» — модернизированная конструкторами завода «Ижмаш» снайперская винтовка Драгунова, оснащенная оптическим прицелом «ПСП-1» трех-девятикратного увеличения с возможностью введения поправки по дальности до цели — уже стояла на месте. Павел раскатал рядом с ней небольшой поролоновый матрасик. В своей работе он не допускал ни одной мелочи, которая могла бы помешать сделать точный выстрел. Любой

некстати закатившийся под локоть камешек мог привести к промаху, поэтому Павел всегда тщательно заботился о том, чтобы ему было удобно.

Он снял солнцезащитные очки, нацепил миниатюрные наушники и нажал на плеере кнопку «пуск». В ушах зазвучала тягучая, успокаивающая мелодия. Тумасов любил работать под музыку «Энигмы» — она помогала ему сосредоточиться на стрельбе и к тому же отвлекала от неизбежных мыслей о жертве.

Вот и сейчас он подумал о человеке, которого ему сейчас предстояло убить, лишь вскользь, мельком. У этого человека были и деньги, и влияние, его воле подчинялось много людей, но все это уже не имело никакого значения — жить ему оставалось всего несколько минут.

Павел улегся к винтовке и прильнул к оптическому прицелу. И вовремя — уже приближался вишневый «Мерседес» Зазы. Акбаров и два его охранника вылезли наружу. А в это мгновение в семистах метрах от него, в окружении талантливо нарисованных изображений святых, палец Тумасова уже плавно тянул спусковой крючок снайперской винтовки.

Бах!!! Голова Зазы с каким-то треском разлетелась мелкими брызгами. Акбаров завалился тяжелым мешком на усыпанный тополиным пухом тротуар.

Ничего не понимающие охранники Зазы обвели взглядом освещенные вечерним майским солнцем строения вокруг. Кто? Откуда? Каким образом?

Павел подобрал гильзу, сложил винтовку в сумку, аккуратно спустился вниз по лесам и выйдя через черный ход, спрятал оружие в тайнике под сиденьем скромнейшего «Форда-Гранадь». Через минуту машина выехала со двора.

Глава третья

Тумасов ехал спокойно, в общем потоке, держа скорость в районе пятидесяти километров в час. Он не особо опасался планов типа «Перехват», полагая, что рядовую иномарку, припаркованную за квартал до места убийства не станут искать в этой неразберихе, которая несомненно поднимется после устранения такой крупной фигуры. Он держал свой путь за город.

Павел съехал с трассы и припарковал машину в нескольких километрах от кольцевой. Он вышел из машины и вдохнул майский теплый воздух. Осмотревшись по сторонам, он вытащил из тайника сумку с оружием и стремительно направился к видневшемуся неподалеку водоему, образовавшемуся в результате перекрытия протекавшей мелкой речушки поваленными еще с прошлого года деревьями. Расчехлив винтовку, он бросил ее в воду. Следом отравилась и сумка. Павел еще пару минут постоял над темной водой, наблюдая, как она поглощает улики, затем повернулся и направился к выходу из зарослей, выбираясь на дорогу.

Примерно в это же время совсем в другом месте города состоялась встреча двух человек — Марка Израилевича и его куратора, бывшего подполковника Пятого Главного управления КГБ СССР, а ныне начальника службы безопасности корпорации «Юг» Виктора Ивашина.

Марк Израилевич, он же Гриф, одетый в шикарный шелковый халат с драконами, лениво курил сигару. Ивашин, в шортах и майке, улыбался каким-то своим мыслям.

Встретились они на даче Грифа, возле бассейна, выложенного мраморными плитами и окруженного жасминовыми кустами и ивами, за которыми просматривались бейсбольное поле и теннисный корт. Марк Израилевич только что вылез из воды, и кожа его сверкала алмазными россыпями в лучах заката. Он сидел в плетеном кресле у столика, курил явно наслаждаясь процессом, и потягивал коньяк.

— Мне уже сообщили, — сказал наконец Гриф. — Все прошло успешно. Проблема Зазы решена.

— Этот парень — профессионал высокого класса, — убежденно проговорил Ивашин. — Боевой опыт у него большой. Все грамотно сделал.

— Ничего особенного! — отмахнулся Марк Израилевич. — Просто хорошие тренировки плюс грамотный выбор позиции. Да и жадный он очень, тридцать тысяч затребовал, половину сразу. Можно было и поговорчивее найти!

— Вы, надеюсь, заплатили все? — поднял голову Ивашин.

— Я сделал все как вы меня инструктировали.

Ивашин не возразил. Гриф взглянул на него с раздражением от сознания его превосходства. Среднего роста. Вполне благообразен. В меру мужественен. Спортивен. Наверное, нравился женщинам. Разве что блеск глаз изредка выдавал скрытое тщеславие. Но главное — он мог причинить много проблем ему.

— Ладно, есть другие срочные дела, — продолжал Виктор. — чеченцам надо жестко дать понять, пусть поубавят прыти. Акбаров — убедительный аргумент. Надо только концы зачистить.

Марк Израилевич улыбнулся: он понял намек Ивашина.

— Вы хотите, чтобы киллер исчез?

— Требую. — Ивашин выпил стакан минералки. — Если его найдут, некоторые

ненужные подробности могут всплыть наружу. У чеченцев сильные позиции в столичном правительстве. Мы пока не можем до выборов идти на открытое противостояние с мэром. Так что стрелок должен исчезнуть. Разработай операцию, потом обсудим детали. Исполнитель должен исчезнуть тихо, как роса с травы, чтобы не осталось никаких следов.

— Понял.

— Еще созвонимся.

Ивашин встал и молча исчез в доме. Марк Израилевич остался сидеть, задумчиво дымя сигарой.

Выходя около дома из машины, Павел заметил на себе взгляд какого-то молодого человека в синей рубашке, стоявшего возле «девятки» цвета «мокрого асфальта», но не придал ему значения.

Дома Павел посмотрел на себя в зеркало. У него был вид усталого, но довольного человека. Он разделся, принял душ, как следует вымыл шампунем голову, побрился, почистил зубы, протер лицо лосьоном и после всех этих операций еще раз внимательно оглядел себя. Супер. Напряжение сегодняшнего дня уходило. Он надел шорты и свежую тенниску.

Откупорив припасенную бутылку белого вина, Павел разлегся на диване и принялся размышлять над последствиями ликвидации Акбарова. Весьма сложноватая обстановочка, вероятно, будет наблюдаться в городе в последующие дни. Будут разборки? Не будет разборок? Поважут кого? Не поважут? Его ли дело?!

Нет.

Он уже взялся за пульт, чтобы включить телевизор, как зазвонил телефон. Рука, как бы подчиняясь условному рефлексу, потянулась к аппарату и подняла трубку.

— Алло! — раздался голос Натальи. — Это я.

Павел несколько опешил.

— Наталья?

— Приезжай. — голос племянницы доходил с задержкой, будто издалека.

— А в чем дело, Наташ? Да объясни ты толком! Что случилось? — Павел вслушивался, но на другом конце провода уже повесили трубку.

Тумасова растревожили эти звонки. Размышляя об этом, он постепенно осушил всю бутылку и вскоре почувствовал, что страшно хочет спать. Его не просто клонило ко сну, а навалилась невыносимая, какая-то чудовищная сонливость. Он попробовал взглянуть на часы, стоявшие на столике у изголовья, но не смог даже повернуть головы. Глаза сами собой закрылись, и он тут же провалился в глубокий бездонный сон.

Глава четвертая

Шорох... все еще сон?

Павел открыл глаза.

Нет, не сон.

Это в замке проворачивается ключ.

Кто это еще? Неужели Наташка?!

Нет, конечно. Откуда у нее ключи. А сейчас кто-то шурувал крайне аккуратно, неслышно, мягко. Тумасов вскочил и кошачьим прыжком занял позицию не за дверью, а... над ней. Это было для его спортивного тела не так уж сложно: по стенке у самого потолка тянулась труба газопровода — за нее рукой, а ногами враспорку.

Замок щелкнул. Неизвестный гость выждал длинную секунду, потом резко и плотно припечатал дверью предполагаемого противника — правда, противника там не оказалось. И ухитрился все это проделать почти бесшумно. И сделал шаг внутрь, в квартиру.

Павел разглядел густоволосую рыжеватую макушку и в следующий миг увидел бы вздернутое вверх лицо — гость учуял угрозу сверху каким-то шестым чувством. Но именно в этот миг снова зазвонил телефон резким сигналом. Гость волей-неволей переключился на новый звук, застыл, пускай буквально на мгновение. И здесь Тумасов достал его — двумя ногами, всей массой сверху. Даже не прыгнул, а просто обрушился, припечатал. Стремительным домкратом.

Хорошо, что на лестничной площадке не было никого. И лифт не гудел, никто его не вызывал. Просто было рано. Еще очень рано. В чьей-то квартире проснулся будильник. Значит, сейчас где-то шесть-полседьмого утра. Через полчаса народ зашевелится, заспешит на работу, на службу.

Павел перевернул тело на спину, лицом вверх. Абсолютно неизвестное лицо. Крепкое, сильное и... бледнеющее на глазах. Этого только не хватало! А если у него шейные позвонки сломаны?! Тогда — труп. Павел взял двумя пальцами за подбородок, повертел — да нет, в порядке у непрошенного гостя позвонки. Через какое-то время очнется. И это время необходимо было употребить с толком.

Павел в два прыжка оказался у лифта, нажал кнопку — лифт ожил, стал подниматься. Затем он обхлопал бездыханное тело по карманам: во внутреннем кармане куртки обнаружился «Макаров», с полной обоймой. Он вытащил обойму, пистолет аккуратно, не оставляя следов, выбросил в мусоропровод — левый «ствол» ему был абсолютно не нужен.

Лифт остановился, дверцы разъехались. Тумасов резво втащил неизвестного гостя в кабинку, усадил в глупую пьяную позу и для большей натуральности ткнул пальцем под ребро — моментальный рвотный рефлекс: бесчувственная кукла согнулась и гортанно хрипнула, выпустив изо рта лужицу желчной слюны. Мда... Павел оставил куклу в одиночестве и нажал на прощание кнопку верхнего этажа, дверцы съехались, кабинка пошла ввысь, там и заглохла, под крышей. Пусть теперь жильцы наводят порядок в собственном подъезде — участкового вызывают или своими силами вышвыривают подгулявшего алкаша. В любом случае с его стороны не последует повторной попытки вламываться в чужую квартиру.

Все утро лил непрекращающийся дождь. Насчет второй половины аванса Павел должен был позвонить в девять. Он успел вдоволь поколесить по городу, убедившись в отсутствии

«хвоста», и затем решил переждать разбушевавшуюся стихию в своем тире, где на всякий случай захватил с собой из тайника пистолет «ТТ» с двумя обоймами. Наконец в девять он позвонил из автомата по телефону, данному Марком Израилевичем.

— Вы получите вторую половину суммы в нашем офисе, — голос помощника Марка Израилевича Романа звучал несколько удивленно. — записывайте адрес: Самаркандский бульвар четыре, на втором этаже, кабинет двести два.

— Понятно.

— Тогда в одиннадцать.

«В одиннадцать, кабинет двести два» — повторил Павел про себя и положил трубку.

Он подъехал к условленному месту без десяти одиннадцать. Старое трехэтажное здание удивило его своей необжитостью. Павел открыл железную дверь и подошел к сидевшему в стеклянной будке высокому брюнету — охраннику:

— Простите, где здесь двести второй кабинет?

— Налево и затем по лестнице на второй этаж. — равнодушно буркнул страж и уткнулся в чтение журнала.

— Спасибо, — бросил Тумасов и скрылся за углом.

На втором этаже видимо вовсю шел ремонт, повсюду лежали остатки стройматериалов. Когда Павел в поисках нужной двери дошел до середины коридора, он краем глаза увидел, как на этаже показался вахтер с проходной.

— Да я найду все сам! Спасибо... — начал Павел и запнулся, увидев у того в руке пистолет-пулемет «Узи».

Тумасов стремглав бросился к обозначенному нарисованной масляной краской стрелкой на стене запасному выходу, перепрыгивая через несколько ступенек.

Грохот раздался ужасный, Павел боялся, что пули отскакивая от стен, могут срикошетить в него. Напрягая все мускулы, он, коснувшись пола, прокатился по нему под дождем пуль, к счастью, пролетевших выше.

Он услышал шум сверху и заметил еще одного бандита — усатого юнца с бритым черепом, который собирался спуститься. Павел полулежа, упершись спиной в стену, достал пистолет, выстрелил в его направлении, и тот пропал.

Вскочив, Тумасов в несколько прыжков оказался возле двери черного хода. Павел открыл замок и распахнув дверь, выскочил наружу. Обернувшись, он увидел, что усатый присел на лестнице, целясь в него из автомата.

Павел, спрятавшись за мусорную урну, пальнул в ответ дважды, особо не прицеливаясь.

Пуля оказалась не такой уж душой, и вошла точно в правый глаз бритоголового.

Тот коротко вскрикнул, конвульсивно сжал свое оружие, продырявив очередью стену, и упал навзничь. «Вахтера» нигде не было видно. Павел побежал к машине. Из здания показался наконец «Вахтер» с пистолет-пулеметом в руке. Павел выстрелил, тот спрятался внутрь дома.

Тумасов выругался и открыв дверь машины, почти ползком залез в салон.

Кое-как сумев завести машину, Павел стал выезжать со двора и тут-то возник второй боевик. Он выскочил на крыльцо, приготовившись расстрелять Павла несколькими очередями.

Очередь! «Узи»! Лобовое стекло расколосось и брызнуло крошкой в лицо. Тумасов инстинктивно зажмурил глаза. Но руки же инстинктивно резко рванули руль влево и тут же вернули его обратно. Газ! Павел бросил машину вперед, прямо на стреляющего. Удар! На

Павла обрушилась неимоверная тяжесть, и он на какое-то время отключился.

Очнулся Павел тут же. На него что-то навалилось и прижало. Мотор «Форда» заглох. Павел заворочался, наткнулся на ручку дверцы, дернул — вывалился на асфальт.

Только тут Павел понял, что произошло. При столкновении «вахтера» подбросило вверх, и он, словно снаряд, влетел в кабину сквозь разбитое лобовое стекло, припечатав Павла к сидению. Правая рука кровоточила, видимо задело пулей. По лицу струилась кровь — его или стрелявшего? Осколки от лобового стекла наверное, изрядно посекали.

Сирена. Вой сирены. Видимо, услышавшие выстрелы обитатели соседних домов вызвали милицию.

Павел колебался не более нескольких секунд. Можно было остаться и подождать милицию, он же не превысил мер необходимой самообороны. С другой — если его пытались убрать столь влиятельные люди как заказчики ликвидации Акбарова, то они постараются достать его и в СИЗО, куда его вполне могут посадить для выяснения всех обстоятельств перестрелки.

Милицейский «Уазик» еще только въезжал в подворотню, а Павел уже бежал к решетчатой ограде. Легко ее преодолев — успевай только не зацепиться за вензеля-завитушки, он скрылся в ближайших переулках.

Надо ложиться на дно. Вернее, сматываться из Москвы как можно дальше и чем скорее, тем лучше. Но куда?

Эти мысли одолевали Павла на его старой квартире в одном из спальных районов столицы, ключи от которой он постоянно носил с собой. В принципе, для путешествий у Павла лежал спокойненько в укромном уголке паспорт. Настоящий, не фальшивый заграничный паспорт с настоящей многоразовой визой в замечательную северную страну Норвегию, которая никого никому не выдает. Отличная виза, купленная через надежных людей за приличные деньги. Дождался паспорт своего часа, который наступил. И как раз в час «X» Павел уже сильно сомневался, стоит ли им пользоваться — в «Форде» остались его водительские права и его вполне могли объявить в розыск.

Наконец, основательно все взвесив, Павел выбрал пресловутый план «Б».

У Тумасова был еще один паспорт — запасной. Увы, без каких-либо виз. Замечательно сделанный местными умельцами документ, на имя Сулова Дмитрия Ивановича. С ним и надо было выбираться из Москвы. А лучше из страны. На неопределенный срок.

Павел занялся своей раной. Собственно говоря, это и не рана была, а так, кровоточащая царапина, пуля и близко не задела кость, по сути дела только кожа была рассечена. Тумасов залил рану йодом, зашипев как тысяча гадюк и перевязал ее. Затем он стал собирать вещи.

Уже одетый, Павел сидел на кухне и пил крепкий растворимый кофе без сахара. Он не любил есть перед дорогой. Эта привычка у него была еще со студенческих лет.

По-прежнему шел нескончаемый дождь. По радио звучала песня «На недельку до второго». А мне может и на более долгий срок предстоит отбыть, подумал Павел.

Приезжай...

Племянница...

А почему бы действительно не поехать на родину предков?

Так получилось, что когда однажды в геологическом поселке где-то в Якутии Павла разыскала срочная телеграмма от отца о том, что мама умерла, он из-за нелетной погоды, поменяв по пути несколько самолетов, смог прилететь лишь на следующий день после похорон. А менее чем через год и отец отправился следом за мамой.

Старший же брат Павла Петр, отец Наталья, по профессии инженер — технолог еще середине восьмидесятых развелся с женой и уехал куда-то в Белоруссию, а после распада Союза вместе с новой семьей и на ПМЖ в Польшу. С родителями и Павлом он не поддерживал никаких контактов, хотя вплоть до недавнего времени регулярно высылал переводами определенные суммы денег на имя своей дочери.

А если еще точнее, то Робинзона.

Тяга к самостоятельным путешествиям у Натальи проявилась еще в девятом классе, когда она убежала из дому с компанией каких-то хиппарей, каковую братию Павел, например, никогда не уважал. Родители нашли ее где-то в Прибалтике, со скандалом вернули домой, она снова сбежала, теперь в Москву, потом еще куда-то — вот так она окончательно стала Робинзоном.

Сразу после окончания школы Наталья просто послала свою мать, алкоголичку с многолетним стажем на три буквы и переехала жить в Питер, поступив в Лесгафт. На присылаемые отцом средства она снимала однокомнатную квартиру на окраине города, где она жила-поживала беззаботно в гордом одиночестве, лишь время от времени с треском выгоняя очередного любовника-нахлебника — характер у Натальи был тот еще: вспыльчивый, неуступчивый, точь в точь как у дяди. А вообще-то Павел считал ее во всех отношениях симпатичной, хоть и непредсказуемой временами.

Изучала же Наталья в университете теорию и методику спортивных игр, что соответствовало ее пытливому характеру и стремлению разобраться в устройстве любой игры, в которую она сама когда-либо играла. Но и здесь сказался ее непредсказуемый характер — получив диплом, она вернулась домой и стала вести еще более активную личную жизнь со своими многочисленными приятелями. Они, в большинстве своем, были или спортсмены или коммерсанты и все хоть немного, но в Наталью были влюблены. А потом Павел как-то потерял ее из виду, да и ему в то время было не до этого.

И вот сейчас эти настойчивые звонки. Зачем? Приезжай... и не объяснила ничего.

Эта мысль мигом вернула Тумасова в сегодняшний день, и Павлу опять стало настолько не по себе, что он резко выдернул шнур радио из розетки.

На окне кухни висели пыльные желтые шторы. Они давали желтоватый отблеск на стену, где висел большой плакат с Сильвестром Сталлоне.

Это был старый, подаренный одной из подруг Павла постер. Несмотря на то, что он висел уже много лет, Павлу нравилось смотреть на него, словно подзаряжаясь некоей энергетикой, исходившей от портрета.

Рядом с постером болтался на гвоздике пожелтевший лист плотной меловой бумаги. На нем рукой Павла, в несколько кривоватых столбиков были написаны трехзначные и четырехзначные числа. Некоторые из них были зачеркнуты. Рядом висела привязанная за ниточку шариковая ручка.

Павел, помедлив, протянул руку и одним рывком содрал листок. За ним оказался замаскированный тайник, в котором лежала некоторая сумма в рублях и долларах на случай непредвиденных обстоятельств.

Вот и наступили непредвиденные обстоятельства.

Большую часть своих гонораров Павел хранил в двух серьезных, солидных банках. Проценты в них были не сверхвысокие, но Павел предпочитал стабильность. Кстати, вот еще нарисовалась проблема, подумал Павел — деньги лежат на срочных вкладах, а их надо будет резко вынимать перед тем, как исчезнуть. Тут будут финансовые потери, конечно. Ладно,

это надо будет как следует обмозговать попозже.

Тумасов твердо решил ехать в Баку. Учитывая полученный ранее аванс от Грифа, в общей сложности на руках у него было более двадцати тысяч долларов. Он чиркнул спичкой и поджег листок. Его стало быстро пожирать жадное желтое пламя. Павел бросил листок в пепельницу и подождал, пока он не сгорит дотла. Все. Пора собираться.

Он взял с полки пачку «Мальборо», распечатал ее и закурил первую за день сигарету. Надо будет по прибытии, освоившись, все-таки постараться узнать подробнее о Дроздове и лысом старике, сделавшем ему заказ на Акбарова. А затем потихоньку решать эту проблему. Тут нужен сильный покровитель, вопрос сам по себе так просто не решится. Тумасов надеялся на помощь от знакомых отца, в прошлом обкомовского работника среднего звена.

В то время, как Павел собирал вещи в дальнюю дорогу, Дроздов приехал на встречу с Грифом.

Марк Израилевич ждал его в доме на Варшавском шоссе, в квартире, в которую можно было попасть только через кишкообразный коридор с десятком дверей, принадлежащих жилищно-эксплуатационной службе района. Несмотря на то, что на нужной двери висел увесистый замок и табличка: «Очистительная. Посторонним вход воспрещен», она открылась сразу же, как только Игорь подошел к ней вплотную. Явочное помещение было оборудовано очень солидно, в том числе и телекамерами и компьютерной системой охраны.

Марк Израилевич, в черной рубашке и джинсах, пожал руку Дроздову и пригласил его к журнальному столику с напитками. Сели в кресла, поглядывая друг на друга. Толстый налил себе пива.

— Говорят, ваши люди упустили Стрелка. — начал без предисловий Гриф.

Дроздов хлебнул пива, икнул, поморщился.

— Говорят, он уложил двоих бойцов, которые были посланы за ним, — продолжал Марк Израилевич будничным тоном, — и исчез.

— Я никак не ожидал... — начал Дроздов, но осекся.

— Говорят, он протаранил одного из них машиной, возможно был ранен при этом, — неторопливо продолжал Гриф. — а еще он утром выкинул вашего человека из своей квартиры. Это любительство, знаете — ли.

Игорь допил пиво, глянул в проницательные иронично — спокойные глаза Марка Израилевича.

— Да, это все так, но мы ищем, паспортные данные его у нас есть.

— Ищут пожарные, ищет милиция, — сердито отчеканил Гриф, — если милиция его найдет раньше нас, может все дерьмо всплыть.

Он крякнул, откинулся в кресле.

— Я направил людей на вокзалы и в аэропорты. — Дроздов отчитывался словно прилежный ученик перед учителем. — Пробиваем его контакты здесь, в Москве.

Марк Израилевич покачал головой:

— Чеченцы тоже ищут..., в том числе и через свои связи в милиции.

Дроздов молча выпил еще бутылку пива, закусил бутербродом с сыром, отодвинул тарелку.

— Марк Израилевич, вы знаете меня достаточно хорошо... это дело нескольких дней.

Гриф налил себе минералки, залпом выпил и посмотрел на Дроздова сквозь бокал.

— Вообще-то, если Стрелок заговорит, можешь и сойти с дистанции. У меня — то будут только не слишком большие неприятности, а вот тебя могут вообще сдать чеченцам с

потрохами. Сбросить балласт, так сказать. Думаю, они захотят по душам переговорить с человеком, причастным к убийству их земляка.

Дроздов вздрогнул, затем кривовато улыбнулся:

— За пару дней управимся... тем более если он ранен...

— Будешь звонить мне по этому телефону, — Марк Израилевич протянул листок бумаги, — но только из автомата. Сорок восемь часов тебе сроку. А дальше как говорится, тишина.

Глава пятая

Собираясь в дорогу, Павел переоблачился в одеяние попроще: черно-зеленый «адидасовский» спортивный костюм, поверх — жесткая кожаная куртка, ну и кроссовки «Найк». Так сподручней, судя по тому, что произошло сегодня утром и что могло ожидать впереди. Надо же! Уже вечер! — взглянул в окно Павел.

Из города Павел на всякий случай выбирался на попутках. Многие, правда, уворачивались, визжа покрывками, стоило ему попасть в свет фар.

Наконец, благодаря одному разбитному дальнобойщику, Павел добрался до Твери, где сел на проходящий поезд в Санкт-Петербург.

Посадка в аэропорту Пулково на рейс до Баку прошла без проблем. Удобно устроившись в кресле, Павел какое-то время смотрел в окно иллюминатора, а затем у него стали слипаться глаза — сказывалось нервное напряжение последних суток.

... Он оказался внезапно в незнакомой ему, но вполне реальной комнате с цементированным полом. Тусклая лампочка над потолком... Тумасов услышал за спиной чье-то хрипкое дыхание, а потом и глухой звук. По полу тащили нечто тяжелое... И вдруг увиделась ему рука с топором. Рука была мужская, крепкая и мускулистая. Длинными пальцами своими она цепко держала топориче — старое, лопнувшее, обмотанное синей изоляционной лентой.

— Кр...рак! — опустил топор. И под ноги Павлу с низкого широкого пенька свалился большой кусок розового мяса. На белой шкуре окорока Павел отчетливо увидел татуировку — ящерицу. Кр...рак! — снова ухнуло где-то, и Тумасов проснулся.

Что это было?

«Наш самолет заходит на посадку. Пожалуйста, пристегните ремни.» — прозвучала стандартная фраза мягким женским голосом откуда-то сверху.

Павел провел по лицу рукой, словно пытаясь отогнать невесть откуда взявшееся видение.

Самолет относительно мягко приземлился. Южное солнце яркими лучами било в окна салона. Тумасов не спеша поднялся с кресла, взял свои вещи и в потоке пассажиров спустился по трапу.

Он достаточно быстро преодолел паспортный контроль и очутился в здании аэропорта. Ностальгии по городу, где он провел некоторую часть своей жизни Тумасов особо не испытывал и хладнокровно отогнал нахлынувшие воспоминания. Сумку с вещами Павел в багаж не сдавал, поэтому сразу двинулся к выходу.

Из ближайшего телефона прямо из аэропорта Павел позвонил Рустаму. Друзей в Баку у Павла было много, всех объехать — навестить — месяца не хватит, но в первую очередь это были Рустам Фархадов и Николай Столяров. Вместе в армии, потом в институте, потом Николай ушел в какое — то СП, а Павел с Рустамом отправились на вольные хлеба — один на север в экспедиции за длинным рублем, другой остался в Баку, открыв с приятелями какой-то кооператив.

Николай и Рустам были давними друзьями Павла. Познакомившись много лет назад, они вместе выросли и постигали жизнь, с распадом Союза быстро изменившуюся не в лучшую сторону. За все эти годы, порой бывав в весьма щекотливых ситуациях, они ни разу не подвели друг друга и были уверены, что так будет и дальше.

— Рустам?

— Па-а-аша! Ты в Баку?! Ты где?! Стой где стоишь! Я как раз выхожу! Молодец, что застал!

Павел вышел на крыльцо здания перекурить. Он равнодушно наблюдал за очередью на такси, на прилетевших, с увесистыми чемоданами штурмующими рейсовый автобус из аэропорта, на разомлевших от полуденного солнца носильщиков...

Пока он размышлял, буквально к его ногам подъехали темно-зеленые «Жигули», взвизгнув тормозами.

— Вы что, охренели, смотреть же надо! — вырвалось у Павла, очнувшегося столь бесцеремонным образом от раздумий.

Водитель тут же распахнул дверь.

— Ты это чего сказал тут, а? — громко воскликнул он. — Ты кого это хренами обкладываешь? А ну-ка, иди сюда!

Водитель, без малого двухметровый ухоженный блондин в добротном цвета бутылочного стекла костюме, гладко выбритый с короткой прической, которая ему не совсем шла — уши казались оттопыренными, резво зашагал к Павлу, как-будто высказывая свои агрессивные намерения. Но лицо его озаряла довольная улыбка. Подойдя к Павлу, который уже узнал столь напористого водителя и стоял расслабившись, сбросив дорожную сумку на землю, он заключил его в крепкие объятия.

— Привет, Коля.

— Здравствуй, Паша, здравствуй.

Николай хлопнул пару раз Павла по спине от переполнявших его чувств.

— Привет, Рустам!

Павел крепко пожал руку смуглому, худощавому, но весьма жилистому и крепкому мужчине среднего роста в широких брюках и спортивной куртке, с такими же, как и у Павла, желтоватыми мозолями на костяшках костлявых кулаков.

Рустам буквально только что вернулся из Нахичевани, куда ездил навестить свою девушку Фирузу, которая, в прошлом году закончив мединститут в столице, вернулась к себе домой.

Николай требовательным взглядом оглядел Павла с ног до головы:

— Гляжу, уважает Москва тебя!

— Не без того. А у вас что, хуже?

— Куда нам, провинциалам!

— Сам виноват. Я тебе сколько раз звонил, предлагал к нам перебраться?

— Да у меня своих дел невпроворот. Так что сижу в своем болоте.

— А я, как видишь, приехал.

— Ну да! Насовсем?! Молодец! Пока у меня поживешь, в два счета прописку сделаем, квартиру подыщем! С работой — никаких проблем. Хочешь, ко мне? Мы сейчас та-акие контракты заключаем...

— Погоди, погоди! Не гони лошадей. Я пока на пару недель только...

— Да? — где-то даже трогательно было наблюдать за искренним огорчением Николая. — А зря. Оставался бы уже. Жениться тебе пора, эх!

Рустам прервал этот диалог, по-дружески ткнув Павла кулаком в плечо.

— Бери вещи и пойдем в машину. Поедем, покажем тебе твою квартиру.

Машина резко взяла ход, обогнув группу прилетевших пассажиров, смотревших на них с

завистью.

— Вот была бы хохма, если бы вы меня раздавили. — лениво заметил Павел, развалившийся на заднем сидении.

— Это все из-за него, — оглянулся Николай. — пока я за ним заехал, — он кивнул на Рустама, — все время ушло.

— Эх, ребята. Надо личную встречу отметить, — улыбнулся Рустам, откупоривая шампанское.

— А где цветы? — сострил Павел.

— Обойдешься.

Николай включил музыку в машине. Голос Элвиса Прэсли заполнил салон.

— Держи. — Рустам протянул Павлу пластиковый стакан с пенящейся жидкостью.

— Я рад, что мы снова вместе. — Павел сделал большой глоток. — Как там Наташка?

Рустам с Николаем переглянулись.

— Наталья? Давно ее не видел. — бросил Фархадов.

— Нет, меня положительно радует, что ты наконец решил навестить свой родной город! — громко воскликнул Николай, явно решив сменить тему.

— А что за квартира? — с интересом спросил Павел, глядя в окно.

— Двухкомнатная квартира в Наримановском районе, хозяин, мой друг, сейчас за границей. Это, конечно, отнюдь не люкс, но жить вполне можно.

— Да мне люкс-то и не нужен. Главное, чтобы там было где спать и на чем готовить.

— С этим без проблем. Там есть пара старых диванов, телевизор, холодильник, газовая плита, вполне приличная ванная, в общем, все удобства.

Через пару кварталов Николай резко свернул в один из дворов и остановился у трехэтажного кирпичного дома.

— Приехали. — весело бросил он.

Друзья со смехом поднялись на верхний этаж и Николай открыл дверь квартиры номер пятнадцать.

— Прощу. — пропустил он вперед Павла. То же самое он пытался проделать и с Рустамом, но Фархадов буквально животом, смеясь, втолкнул его в квартиру.

Тумасов осмотрелся по сторонам. Двухкомнатная квартира и впрямь оказалась вполне ничего. Даже балкончик есть. Палас по всему полу. Ковры на стенах. Телек корейский. Хрусталь в югославской «стенке». Книжек — минимум. Больше, пожалуй, для декора: мол, и мы грамотные, не отстаем. Библия на самом видном месте. Библия? Почему не коран? Ну, ясно, почему! Друг Николая просто не из местных, только и всего. Да, так оно и было, вероятно. Пыль в хатенке, конечно лежала уже толстым слоем.

— Ого! Да тут как в пещере, ребята. — вырвалось у Рустама при осмотре квартры.

— Только летучих мышей нехватает. — отозвался Павел.

— Я все понимаю, но откуда в квартире песок? — хмыкнул Рустам.

— Просто здесь уже год никто не живет. Используем квартирку по своим нуждам, — протянул Николай. — все необходимое имеется в наличии.

— Так ты сюда приводишь своих подчиненных женского пола? — с хитрым выражением лица ткнул пальцем в его сторону Рустам.

Николай вместо ответа вышел на балкон.

Рустам схватил телефон и стал быстро вертеть диск.

— У меня приятель работает в кабаке, сейчас ему позвоним, вот такой стол

организует. — заговорщицким тоном доложил он.

— Да... так жить нельзя. — Павел зашел на кухню, закрыл за собой дверь и осмотрелся. Затем он взял из ящика стола длинный хлеботорезный нож, встал на табуретку, поддел ножом прямоугольник вентиляционной решетки и стал просовывать лезвие вперед, двигая им из стороны в сторону. Решетка на удивление легко поддалась, после чего Павел достал из барсетки полиэтиленовый пакет с купюрами. Несколько зеленых бумажек он положил к себе в бумажник, остальные деньги упаковал в пакет и засунул назад в барсетку, которую аккуратно засунул в вентиляционный проход. Оставалось установить на свое место решетку, но и эта задача оказалась успешно решена. Как оказалось вовремя — в кухню вошел Николай.

— Ты где прячешься?

— Да вот, осматриваю свои новые владения. — Павел для отвода глаз открыл холодильник.

— Пошли. — Столяров поманил друга за собой.

— Ало! Сашу пригласите, пожалуйста. Саша! — донесся возбужденный бас Рустама из комнаты.

А через минуту прозвучало обнадеживающее:

— В общем короче, Сашок! Хорошо. Через двадцать минут. Через двадцать минут мы будем.

— Ребята! — повернулся к друзьям довольный Рустам. — Столик по высшему классу. Ну что, едем?

— Едем. — согласился Павел. Ему показалось, что даже усы Рустама встали торчком.

— Мы едем, едем, едем в далекие края. — Фархадов обнял друзей за плечи и они отправились в путь.

Глава шестая

Вскоре Павел, Николай и Рустам подъехали к небольшому полуподвальному ресторанчику, носившему необычное название «Караван», который находился в центральной части города, рядом с театром. Внутри ресторана их уже ждал обильный стол.

— Садимся, друзья, угостимся, чем бог послал.

— Да, бог нас сегодня явно не обидел, — ответил Павел с усмешкой обводя глазами аппетитно дымящееся жареное мясо, разнообразные салаты и закуски. — что ж, друзья, пусть это будет самый бедный наш стол в этой жизни.

— Ладно тебе, Паша, хватит разглагольствовать, мы и так знаем что язык у тебя здорово подвешен. Тут, слава богу, не митинг. Лучше садись и лопай быстрее. Наверное, знаешь пословицу — среди друзей таблом не щелкай, а то моментом все со стола сметут, пока ты изощряешься в красноречии, — вгрызаясь крепкими белыми зубами в сочное мясо, подколот его Рустам, снявший неуместную в ресторане спортивную куртку и закатавший рукава рубашки.

— Пожалуй, он прав. — подмигнул Рустаму Николай, занимая предложенное ему место. — Пока мы с тобой менжуемся, такие троглодиты сожрут все до костей.

— И косточек не оставим. — громко добавил Рустам.

За столом на некоторое время установилась тишина, нарушаемая только звоном рюмок и бокалов...

...В какой-то момент Тумасов на своей тарелке вместо спагетти, крабового салата и отбивной в сухарях увидел среди кровавого месива обрубок человеческой кисти. Он отшатнулся и помотал головой, стремясь отогнать нахлынувшее видение.

— Ты чего, Паш, дергаешься? — хмельным голосом протянул Николай. — разольешь же все. Давай лучше выпьем!

Они опрокинули в себя еще по пятьдесят грамм «Смирновской», а затем Николай нагнулся к Павлу, заставив того ощутить запах дешевого мятного одеколона:

— Слушай, так я не понял — чем ты в своей Москве занимался, если это не военная тайна?

— Да какая военная тайна, — Павел старался предать словам безразличный тон, хотя взвешивал каждое слово. — работал в обычной фирме, на месте одного военного НИИ сделали СП с австрийцами по изготовлению мебели.

— Конверсия. — протянул Николай.

— Ну а как оплачивалось? — встрял в беседу Рустам.

— Да нормально, — пожал плечами Павел. — ну вы как, рассказывайте.

— Да все по-прежнему, — отозвался Николай, вытирая салфеткой масляные губы. — я женился, двоих детей нарожал. Рустам бедняжка, все один, — он улыбнулся. — со своими фирмачами крутится. На миллионы нахапал, верно?

— Слушай, сам ты фирмач, да? — сердито отстранился от него Фархадов.

— А что не так, да? — распалился Николай. — А кто мне недавно немецкий холодильник по двойной цене предлагал, кто?

— Раньше по двойной, а теперь ты хрен у меня что получишь. — вскипел Рустам и бросив скомканную салфетку в свою пустую тарелку, вышел из-за стола.

— Подожди! — Николай бросился ему вдогонку.

— Друзья! — засмеялся Павел, откинувшись на стуле. — Ну куда же вы!

— Ну и чего ты дуешься? — на ходу спросил у Фархадова раскрасневшийся и веселый Николай, выйдя из душного прокуренного помещения на лестницу, ведущую в туалет, где было посвежее. — Что, шуток не понимаешь?

— Знаешь, — Рустам засунул руки в карманы. — мне это надоело.

— Да я пошутил, Рустам. — виновато приложил руку к сердцу Николай.

Рустам легонько оттолкнул его плечом и пошел наверх, в зал.

— Да подожди...

Павел выпил еще рюмку. Его немного повело. И картина перед ним закачалась, запрыгала, стала расплываться. И нечеткая фигура посередине зала у оркестра закувыркалась, расплылась. Женская фигура.

— Наташа? — оживился Павел.

Девушка была в легком летнем платье синего цвета, которое чуть выше колен открывало ее стройные загорелые ноги, а пышные черные волосы как струи водопада ниспадали на открытые плечи. Она смерила его равнодушным взглядом и продефилировала к выходу из ресторана.

— Наташа! — Тумасов резко встал из-за стола. — Наталья!

— Наталья! — Павел выскочил на крыльцо ресторана. — Наталья! — Он бросился к одинокому такси, стоявшему рядом, но машина была пуста.

— Нет, не проходила. — развел руками швейцар.

— Как не проходила? Куда она могла деться? — Павел напирал на швейцара, мешая тому фильтровать нежелательных клиентов.

— Я не знаю. Я никого не видел здесь. — страж дверей с тяжелым широким лицом упрямо качал головой.

— Ты мне скажи, она на улицу вышла или нет? — не сдавался Павел.

— Что случилось, Павел, что, что, что? — подскочил к Тумасову Николай и взял друга за рукав.

— Она только что была здесь! Я ее видел здесь! Где она? — не унимался Павел, швейцар еле сдерживал его.

— Кого ты увидел? — не понял Николай.

— Наташу, Наталью! Я встретился с ней в зале! Она прошла через зал, посмотрела на меня. А этот кретин говорит, что никого не видел!

— Потом разберемся. — Николай уводил Павла от швейцара. — Пойдем, пойдем.

— Дайте мне выйти!

— Успокойся. Да успокойся ты! — осадил Павла Николай.

— Все будет нормально. Пойдем. — Рустам, дыша смесью табака и алкоголя, аккуратно вытеснял Павла из прохода.

— Пойдем. — уговаривал Николай.

— Да уведите же его. — обомлевший швейцар не понимал причины «наезда».

— Спокойней, Коля. — друзья повели Павла в зал. — Давай поговорим не здесь.

— Извините. — Николай махнул швейцару рукой.

— Ты обознался. — говорил на ухо Павлу Рустам.

— Да ладно тебе, я не такой пьяный. — уже за столом объяснял товарищам Тумасов.

— Спокойнее, ребята. — Николай разлил водку по рюмкам, жестом заказал еще бутылку.

— Успокойся, Паш. — Рустам чуть ли не силой влил в Павла порцию спиртного, тот поморщился.

— Она это была, я не мог обознаться. — Павел убеждал друзей, видя, что с их лиц не сходит скептическое выражение.

Николай нагнул голову и что-то зашептал на ухо Павлу. Павел слушал и вдруг ошеломленно отстранился, уронив вилку на стол:

— Этого не может быть!

— Рустам, скажи ему пожалуйста. — с мольбой посмотрел на товарища Николай.

— Это так, Паша. — нехотя признался Рустам. — Дело в том, что она попала в автокатастрофу и разбилась. Это случилось примерно год назад.

Павел непонимающе уставился на него.

— Она звонила мне два дня назад! И я только что ее здесь видел! — возмущенно воскликнул он.

— Да не мог ты ее здесь видеть и не могла она тебе звонить! — горячо возразил Рустам, эмоционально прижав руку к груди.

— Извини, мы хотели тебе потом обо всем рассказать. — Николай досадливо смотрел перед собой.

На некоторое за столом установилось тягостное молчание, которое прервал чуть захмелевшим упадническим голосом Павел:

— Давайте помянем.

— Давайте.

— Рустам, закажи еще. — распорядился Павел.

Они выпили, не чокаясь, и он по мере действия спиртного углублялся в воспоминания многолетней давности, безнадежно канувших в лету...

Вся троица вышла из ресторана в вечернюю прохладу, разомлевшая от выпитого. Николай спросил Рустама:

— Поехали по домам?

— Да рановато еще. Тут есть одно местечко...

— Тогда мы с Павлом поедem.

— Ну да, ты как всегда, пасуешь, — подмигнул другу Рустам. — ладно, я не против. Завтра увидимся.

Друзья обнялись, Николай и Павел сели в машину, такси сорвалось с места, оставив на асфальте отчетливый след жженой резины. Рустам махнул рукой вслед удаляющейся машине. Потом он перешел дорогу и не спеша пошел в ночь.

Этой ночью Павлу опять снились кошмары. Топор с обмотанной синей изоляцией рукояткой. Лезвие, вонзающееся в мясо... среди окровавленных кусков плоти Павел увидел обрубок руки. Это была женская рука с фиолетовым маникюром на ногтях.

Тумасов стонал и ворочался во сне, будучи не в силах отогнать жуткое видение.

Как-будто издали зазвонил телефон.

Дз-дзинь... дз-дзинь... дзинь...

Телефон настойчиво продолжал звонить. Павел открыл глаза. Наконец он откинул одеяло и потопал к надрывающемуся телефону.

— Ало. — вялым голосом выдавил он из себя.

— Здравствуй, Павел. — донесся откуда-то издали женский голос.

— Ало, кто это говорит? — насторожился он.

— Это я.

— Кто я? — с недоверием спросил Павел, взглянув на часы на стене.

— Это я, Наталья.

— Слушай, девочка, я прошу тебя, не звони больше! — рассердился Павел. — Я тебя очень прошу! Если ты еще хоть раз позвонишь, я тебя найду и крепко отшлепаю по одному месту! Ты все поняла?!

Он шмякнул трубку и ушел в спальню.

Минут через десять телефон зазвонил снова.

Тумасов заставил себя не обращать на непрерывную раздражающую трель никакого внимания.

Утром Павел, как обычно, сделал зарядку. После контрастного душа, он принялся выдавливать из себя похмелье с помощью комплекса упражнений, включавшего в себя отжимания, подтягивания на двери в кухню за неимением турника, приседания и упражнения на пресс.

Он едва успел выпить чашку кофе, как услышал со двора знакомый сигнал клаксона. Павел выглянул в окно и увидел вчерашнюю темно-зеленую «Девятку», которая стояла прямо у него под окнами. Николай, сидевший в машине, увидел друга, высунувшегося в окно, и нетерпеливо поморгал ему фарами. Павел чертыхнулся про себя, быстро оделся и выскочил из квартиры.

— Ты чего с утра пораньше заявился? Я даже позавтракать не успел. — недовольно пробурчал он, сев в машину.

— Сам же сказал к девяти! — удивился Николай. — Я и поел, и к тебе с другого конца города успел приехать, а ты, оказывается, только глаза продрал.

— Да, после вчерашнего встать было непросто.

— Ладно, теперь к делу, — Николай плавно повернул в замке ключ зажигания и тихонько тронул машину с места. — ты вчера просил меня узнать, где живет один человек. Сейчас мы поедem к нему. Я тебя там оставлю, а сам по своим делам — меня работа ждет.

Павел зашел в здание бывшего кинотеатра «Прибой». На входе он предъявил документы охраннику, который бегло взглянул на фото на паспорте и разрешил пройти дальше. По узковатой лестнице, выложенной разноцветной китайской плиткой, он поднялся на второй этаж, и постучал в дверь с занятой табличкой «Pharma SSC Ltd.».

— Входите! — раздался густой бас.

Тумасов вошел и оказался в большом и светлом кабинете.

За столом сидел бывший преподаватель Павла в институте — Али Хамраевич Зейналов. Он был одет по-домашнему — в легкие туфли, синие просторные брюки, и застиранную белую рубашку, рукава которой распирала крепкие бицепсы.

— А-а, кого я вижу. Никак Павел Тумасов собственной персоной.

— Здравствуй, Али Хамраевич.

— Здорово, здорово. Рад тебя видеть. Как дела?

— Да так.

— Говорят, ты теперь в России обитаешь?

— Да, обитал. В Москве. Так... — у Павла не еще не прошли последствия вчерашних посиделок в ресторане.

— Хорошо, что ты приехал. Поговорить надо.

Зейналов очень обрадовался ученику, отсутствовавшему в городе несколько лет и сразу

же достал из стола чашки, налив Павлу свежесваренного ароматного чая. Чай был любимым напитком Али Хамраевича. Он знал в нем толк и умел правильно его приготовить. Многочисленные друзья, зная его пристрастие, всегда привозили из различных поездок новые сорта чая в подарок этому гостеприимному человеку. Павел вспомнил это и с досадой подумал, что из-за последних событий он так и не догадался поискать в магазинах какой-нибудь особо экзотический сорт чая для бывшего любимого преподавателя.

— Ну, в общем, нам удалось более или менее раскрутиться. — продолжал Зейналов. — То, чем мы когда-то занимались из хулиганства, мы поставили на промышленную основу. Теперь японцы у нас покупают.

— Да вы что?

— Американцы... но я думаю, ты там в Москве более интересными вещами занимался, не так ли?

— Да так сразу и не расскажешь, — смущенно улыбнулся Павел и осторожно, чтобы не обжечься, отпил чая из фарфоровой чашки, украшенной восточным, скорее всего японским орнаментом. — меня засосали мутные воды частного бизнеса. Я только два дня как приехал из Москвы, и не все гладко там у меня складывается. Поэтому мне и придется задержаться здесь на некоторое время, чтобы уладить возникшие проблемы.

— Ясно. — задумчиво протянул Зейналов. — Тогда так: давай выпьем за твое возвращение.

— Не-е... не могу я... перебрал вчера. — скривился Павел.

— Да наоборот, надо повторить. — знающим голосом безапелляционно заявил Зейналов. — Это же спирт, он всю муть снимает. Чистейший, нашего производства.

Али Хамраевич достал из шкафа литровую бутылку.

— Производство спирта это один из родов деятельности нашей фирмы. У наших партнеров есть небольшой ликеро — водочный цех за городом. Там они производят и разливают в двухлитровые графины водку и коньяк и гонят фуры в Турцию. Связи налажены очень хорошие.

Он вырвал из сети телефон, поставил на стол бутылку, два фужера, блюдца с нарезанными толстыми кусками копченой колбасой и сыром; отдельно лежал длинный хлеб — ловаш.

— Ну что, давай за встречу. — Зейналов поднял свой фужер, наполненный до краев, чокнулся с фужером Павла.

— За встречу.

Встреча продолжалась до позднего вечера, потому что закончившему свой рабочий день Николаю пришлось развозить пьяных друзей по домам.

— О-о-о... — Павлу, не без труда открывшему дверь машины и вышедшему покурить, порыв свежеего весеннего воздуха ударил в лицо. — Наконец-то...

— Паша... иди ко мне, Паша... я тебя обниму! Паша, дорогой ты мой! — пьяненький Али Хамраевич полусидел-полулежал на скамеечке у собственного дома, Николай гремел связкой ключей, открывая дверь. — Паша, ты главное, духом не падай! Теперь ты дома...

— Не надо, не надо, Али Хамраевич! Я его сам доведу. — Николай аккуратно взял под руки слабо соображающего Али Хамраевича и несмотря на его протесты потащил в дом.

— Куда же ты, Пашка... посиди со мной, Пашка... — доносился голос Зейналова.

— Пашка уже ушел! — отрезал Николай и жестом показал Павлу, с помощью пару выкуренных крепких сигарет более — менее пришедшего в себя, садиться в машину.

Николаю пришлось взять на себя роль няньки — на квартире, раздевая пьяного Павла. Когда он снял с Павла туфли и попытался уложить на диван в комнате, Тумасов внезапно схватил его за руку.

— Она достанет меня.

— Кто? Кто она? — не понял Николай.

— Какая-то сука выдает себя за Наташу. Звонила вчера всю ночь... — заплетающимся голосом сокрушался Павел. — звонила и звонила... сегодня, наверное, тоже будет звонить... она меня достанет.

— Не беспокойся. Больше не позвонит. — Николай вышел в гостиную, вытащил штепсель из розетки и положил рядом с аппаратом. — Спи спокойно! — заверил он друга.

Однако посреди ночи вновь раздался телефонный звонок. Павел со стоном заворочался. Телефон продолжал надрывно звонить. Тумасов приподнялся на кровати и горестно завыв, обхватил голову руками.

Наконец он собрался с мыслями и подойдя к аппарату, снял трубку.

— Я здесь. — раздался знакомый голос, тут же сменившийся короткими гудками.

Павел ошалело повертел в руке вырванный штепсель с проводом. Откуда взялись эти звонки? Уж не мерещится ли ему? Алкогольные галлюцинации? Он машинально снова включил телефон в розетку.

«Я здесь». Где здесь? Повинуясь внезапному порыву, Павел надел тапки и вышел на лестничную площадку. Как и ожидалось, та была пуста. Павел заглянул в лестничный пролет.

— Эй! — окликнул он в пустоту.

Никто не отозвался.

Павел повернулся, чтобы пойти назад в квартиру и остолбенел: под проводом звонка была вложена небольшая фотография. На ней была изображена его племянница с незнакомым Павлу молодым симпатичным брюнетом спортивного телосложения. Фотография была сделана на берегу моря солнечным летним днем.

К восьми часам утра пепельница в комнате Павла была полна окурками, счет выпитому кофе пошел уже на литры, зато в голове Тумасова созрел план. Он набрал номер приятеля.

— Ало? Николай, привет. Разбудил?

— Да нет, почему? Старик, как дела? — голос Николая звучал совершенно буднично.

— Николай, слушай, тут есть такая идея... хочется как-то отдохнуть, проветриться... может, за город съездим, а? Выходные на носу.

— Давай! — оживился Николай. — Есть одно отличное место! Море, солнце, переночевать есть где. Отель «Летучая мышь» называется. Мы с женой туда очень часто ездим. Хорошо?

— Рустик не забудь позвонить.

— Все! Мы за тобой заедем.

— Окей, жду.

Павел затянулся новой сигаретой.

На следующий день веселая компания, состоящая из Павла, Рустама, Николая с женой и примкнувшей к ним Марины — подруги жены Николая, загрузилась в черную «Тойоту» Рустама и отправилась на пикник на побережье. В придорожном ресторане были взяты пироги и шашлык, которые распространяли по салону одуряющий аромат, заставляющий всех давиться голодной слюной.

Через два часа машина съехала с асфальта и, протрясшись по грунтовке еще пару сотен метров, остановилась в очень живописном месте у самого моря, явно пользующемся популярностью у любителей отдыха на природе. Здесь кем-то уже был сооружен небольшой деревянный столик, вокруг которого стояли разошедшиеся от времени круглые деревянные чурбачки. До воды — всего метров пятнадцать — двадцать.

— Вы гляньте, друзья, на какое место я вас привез! — жилистый и крепкий Рустам, выйдя из машины, сладко потянулся, напоминая при этом толстого и сытого домашнего кота, раскормленного сердобольной хозяйкой. — Давайте располагаться и быстрее приступать, а то у меня от этих аппетитных запахов уже в животе бурчит.

Женщины, пересмеиваясь, разложили заказанную в ресторане еду на столе, расставили тарелки и открыли бутылки.

— И что? Это и есть летучая мышь? — оглядел полуразвалившуюся хибару Павел.

— Да, мы это так называем. — Галина, жена Николая, отложила в сторону опорожненный пакет с яблочным соком. — А вам, что, здесь не понравилось? Жаль.

— Что, холодно, да? — похлопал Павла по плечу Николай. — А мы порой и с ночевкой приезжаем.

— Нормально. — пожал плечами Павел.

— Здесь раньше был рыбачий поселок. — лениво потянулась Марина.

— Когда это было? Здесь уже лет пять никто не живет. — с трудом прожевав большой кусок мяса, ответил ей Рустам.

— Ну скажем не пять лет... — рассудительно заметил Николай.

— Да не слушайте вы его! А то опять что-нибудь соврет. — Галина залпом осушила бокал и прижалась к мужу.

— Ребята, надо шашлычки сделать. Пойду за дровами. — Николай взял топор и наравился к другой полуразрушенной хибаре метрах в двадцати.

— Подожди, я с тобой. — Павел вытер салфеткой губы и руки и поспешил за ним.

— Эта, кажется, подойдет. — Столяров был высоким, немного нескладным, но физически весьма сильным. В свое время он выполнил норматив первого разряда по боксу.

— Коля, ты говорил, Наташа погибла в автокатастрофе.

— Да, говорил. — Николай стал рубить одно из креплений хибарки.

— Как это произошло?

— Зачем тебе это? Плюнь и разотри, прошлого не вернешь.

— Мне это важно знать, племянница как-никак.

Столяров молча нарубал деревянные ошметки для костра.

— Ну а все-таки, Николай?

— Говорят, она погибла сразу, а он остался живой. — словно нехотя, ответил Николай.

— Что за парень?

— Не знаю. Слышал кое-что.

— Познакомить можешь?

— Он крутится с байкерами. Бандит средней руки. Рустам эту публику хорошо знает, вот у него и спроси.

— У него?

— Да. — Николай собрал нарубленные дровяшки и пошел сооружать костер.

— Рустам, как дела? — Павел наблюдал, как Рустам, скинув ружье, палит в пролетающую стаю птиц.

— А-а... есть почин. — сразу расцвел Рустам, подбирая тощую тушку и довольно осматривая ее.

— Поздравляю! — Тумасов толком не знал, как начать важный для него разговор. — Слушай, Рустам...

— Да. — Фархадов деловито перезаряжал ружье.

— Мне Николай сказал, что ты знаешь того парня, ну, с которым Наташа в катастрофу попала.

— Он слишком много говорит, твой Николай. — Рустам прицелился, выстрелил, раздосадованно покачал головой — мимо.

— Хватит. — Павел положил руку на оружие. — Ты их всех знаешь.

— И ты как он, да? — Рустам закатал рукава светлой рубашки, обнажив крепкие мускулистые руки — они были испачканы в порохе и оружейном нагаре.

— Поговорить надо с человеком обязательно.

— Паш, на черта он тебе сдался? — Рустам изподлобья взглянул на Павла. — Это очень дрянной человек. С ним лучше не связываться.

— Короче, где я его увижу?

— В баре на Водонасосной. Они там все опиваются. Дэн его зовут.

— Дэн?

— Да.

— Спасибо.

— Паша! — Фархадов взял товарища за рукав. — Только я тебя прошу — не ввязывай меня в это дело.

— Договорились. — есть Павлу больше уже не хотелось.

Довольно просторный бар был оформлен в восточном стиле, с цветастыми коврами на стенах и бутафорскими кинжалами, саблями и щитами на этих коврах. Людей в баре было немного, и Павел уже несколько минут оглядывался по сторонам. Он безуспешно пытался найти человека, изображенного на фото вместе с его племянницей. В общем зале Дэна точно не было.

Рядом присела симпатичная брюнетка, проявившая явный интерес к Павлу:

— Угостите меня сигаретой.

Павел протянул ей пачку, стал хлопать себя по карманам куртки.

— Вот зажигалка.

Он нерешительно посмотрел на собеседницу. Она заметила его взгляд.

— Что-то я тебя здесь не видала раньше.

— Мне нужно найти парня, его зовут Дэн.

— Чего его искать, он там стоит.

Разливавший коньяк по рюмкам бармен бросил внимательный взгляд на Павла и что-то шепнул плечистому брюнету, стоявшему рядом за стойкой. Брюнет скрылся за дверьми, ведущими на кухню, через пол-минуты вернулся и поманил пальцем Тумасова.

— Ты хотел видеть Дэна? Пошли.

Павел допил остатки коньяка, расплатился и последовал за брюнетом.

Они оказались на лестничной площадке черного хода бара. Рядом в стене было открыто окно, образовавшее естественный прилавок. Рядом с прилавком стояли Дэн, типичный качок, широкоплечий, с короткой стрижкой, ростом около ста восьмидесяти, с загоревшим холеным лицом, на котором выделялись перебитый нос и горящие черные глаза. Вокруг него

вертелось еще трое, двое из которых таких же мощных, с развитой мускулатурой, правда длинноволосых, в кожаных куртках. Третий же, в очках, ухоженный, в добротном сером костюме в полоску и портфелем из черной кожи, контрастировал на их фоне. Они пили коньяк и громко общались.

— Скажи тост, Дэн. — попросил один из качков.

— Чтобы у меня было столько же друзей и еще в десять раз больше.

— Молодец, хорошо сказал. Ну, будь здоров. — первым поднял рюмку человек в костюме.

— Ну давайте, ребята. — Дэн залпом выпил, принял от повара длинную вилку с куском жареного мяса, заработал челюстями. — Спасибо, Амир.

Увидев Павла, вся компания повернулась к нему. «Интеллигент» смерил его недоброжелательным взглядом.

— Это ты меня искал? — самодовольно расправил плечи Дэн.

— Да. — Павел внимательно осмотрел всю компанию, мысленно отмечая, от кого могут быть проблемы.

— Ну и что тебе от меня нужно? — Дэн окинул Павла равнодушным взглядом.

— Поговорить нужно наедине.

— Поговорить наедине? — Дэн переглянулся с приятелями. — Даже так.

Тумасов спокойно стоял, ожидая решения.

— Ну пошли. — Дэн жестом пропустил Павла вперед.

— Пойдем. — Павел стал спускаться по лестнице черного хода, заставленного по бокам ящиками и коробками.

— Я сейчас. — Дэн кивнул приятелям, один из них поплелся за ними и остановился, глядя вниз.

Павел и Дэн прошли два лестничных пролета.

— Тормози. — Дэн остановился на ступеньках. — Ну и что ты хотел?

— Я хочу поговорить с тобой про Наталью. — начал Павел.

— Про кого? Про Наталью?

— Да.

— Я не знаю никакой Натальи, ты что-то путаешь, парень. — Дэн побледнел, но тут же взял себя в руки.

— Ты ее не помнишь? — Павел почувствовал замешательство оппонента.

— Я не знаю никакой Натальи. — упорствовал Дэн.

— У меня есть фотография, где вы вместе.

— Ты кто, мент?

— Нет, я был с ней знаком когда-то. — Павел пристально смотрел на Дэна.

— Тебя как зовут? — насупился Дэн, размышляя о чем-то.

— Павел.

— Так вот слушай сюда, Паша, — Дэн поднял голову и на выдохе продолжал: — давай договоримся так: ни ты меня не видел, ни я тебя.

Он потопал вверх:

— Иди домой.

— Мы не договорили. — Павел схватил Дэна за рукав куртки.

— Иди домой.

— Я пойду когда ты скажешь, что случилось с Натальей!

Дэн, решив быстро покончить с надоедливым гостем, без разведки начал жесткую серийную атаку руками. Павел принял все удары на подставки локтей, немного отступил под напором противника, затем попытался контратаковать скоростным ударом ноги в голову — маваша гери, но споткнулся о деревянный ящик, валявшийся под ногами. Дэн резко крутанулся и нанес в ответ с разворота кинжальный удар пяткой в прыжке. Удар получился на славу, пятка правой ноги точно по прямой воткнулась снизу вверх в живот Тумасову, который напоролся на этот коварный удар, раскрывшись, чтобы сохранить равновесие. Павел остановился, как будто наскочил на бетонный столб, схватился обеими руками за живот и упал на пол, от сильной боли рефлекторно подогнув колени. Видимо, удар ногой пришелся ему точно по печени.

— Уберите эту тварь. — приказал Дэн сподручным.

— Хорошо.

Павла выволокли словно мешок картошки через черный ход и бросили на улице у мусорных ящиков.

— Пошел отсюда.

— И что б ноги твоей здесь больше не было. — добавил один из качков.

Глава седьмая

Тумасов, разувшись в коридоре, зашел в ванную и стал рассматривать в себя в небольшое порядком облупленное зеркало, висевшее над раковиной. Вид у него, конечно, был потрепанный. Один глаз заплыл, губа разбита, на скуле синяк.

Николай, увидев потрепанного Павла, многозначительно хмыкнул и прикрыл за собой дверь в ванную.

— Ну и рожа у тебя, Паша! Какого черта ты туда пошел?

— Отстань.

— Я тебя предупреждал? Предупреждал.

— Ничего страшного, — Павел смазывал ссадины одеколоном, шипя от боли. — я привычный. На мне все заживает как на собаке. Сейчас синяки помажу, утром буду как новенький.

— Ты посмотри на себя! На кого ты сейчас похож.

— Ты лучше дай мне свою машину.

— Зачем? — подозрительно спросил Николай, чистя щеткой куртку Тумасова.

— Я собираюсь завтра перехватить этого гада, когда он выйдет из бара.

— Нафиг тебе с ними связываться. — Николай яростно тер налипшую и вьевшуюся в куртку грязь.

— Ты лучше скажи — машину дашь или нет?

— Если очень нужно, если очень нужно — Николай многозначительно направил указательный палец на Павла. — я тебя сам отвезу.

— Ты настоящий друг.

— Но зря, зря ты с ними связываешься.

— Посмотрим. — Павел направился в комнату переодеваться.

— Ладно. — донесся из ванной голос Николая. — Ужинать будешь? Я тут, пока ты на разборки ходил, картошку пожарил и сардельки сварил.

— Конечно буду. Вот только душ приму.

За столом проголодавшийся Павел налегал на еду, уплетая все, что было приготовлено.

Николай, бросив очередной взгляд на синяки на его лице, еще раз ехидно поинтересовался:

— Значит, навалили там тебе?

— Ну, как тебе сказать, — Павел неспеша прожевал кусок хлеба с сыром и запил все это зеленым чаем. — мне навалили, потому что мне не повезло. А впечатление от Дэна паршивое. Он что-то знает, что именно произошло с Натальей, но скрывает.

— Понятно, — Николай поднялся со стула, снял закипевший чайник с плиты и налил кипятка в свою кружку. — ладно, завтра моя машина в твоём распоряжении.

— Слушай, а твои знают, что ты у меня?

— Ну, они привыкли, что я могу после работы сильно задержаться. Не впервой. Так что не беспокойся.

Назавтра, когда на улицы уже давно спустилась чернильная южная ночь, Дэн, беззаботно насвистывая, вышел из своего «офиса», располагавшегося на втором этаже бара «Прибой». Настроение у него было прекрасное. Красавица Алина, с которой его несколько месяцев назад познакомил директор ресторана Ахундов, была настоящей мастерицей по

части любовных утех. Дэн, памятуя о том, что за добро нужно платить добром, щедро одаривал свою новую пассию. То дубленку на зиму купит, то модную блузку или золотую цепочку, а то и просто, не мудрствуя лукаво, денег на жизнь подкинет. Всяк талант, а особенно по этой части, он ведь поддержки требует, а не то запросто перебежит на сторону. Бац, и нет таланта.

У дома напротив, в «Жигулях» с погашенными огнями сидели Николай и Павел. Столяров зевал, мял руками лицо, чтобы взбодриться и совсем не глядел своими бледно-серыми сонными глазами на выход из бара. Бросив в очередной раз взгляд на часы он спросил:

— Три часа ночи. Ну что, будем ждать?

— Да. — напряженно отрезал Павел.

— А если он вообще сюда не приходил?

— Он здесь, я уверен. — Тумасов нервничал, предвкушая серьезное дело. — А вот, кстати, показался, как-будто.

— Не торопись, дай ему отойти подальше от бара.

— Пошли.

Дэн ни капли не встревожился, увидев две темные фигуры, неторопливо бредущие ему навстречу. Газовый пистолет придавал ему уверенности. К тому же он находился не где-нибудь в лесу, а в обычном городском квартале. Поэтому Дэн на всякий случай небрежным движением лишь чуть приспустил молнию кожаной куртки, чтобы быстро достать оружие в случае необходимости, и неторопливо продолжил свой путь.

Тревожный звоночек прозвенел у него в голове только тогда, когда в одном из парней, целеустремленно шедших ему навстречу, он узнал вчерашнего соперника. В следующий момент он увидел смазанное от скорости движение Павла, но не успел ничего понять и предпринять, провалившись от полученного прямого в челюсть в вязкую темноту.

Все это произошло буквально в одно мгновение, и посторонний наблюдатель, если бы таковой вдруг оказался поблизости, увидел бы только в свете уличных фонарей, как две неприметные темные мужские фигуры помогли мужчине, которому внезапно стало плохо, добраться до машины. Павел и Николай аккуратно усадили Дэна, который все еще находился в отключке, на заднее сиденье «девятки». Тумасов забрал пистолет у Дэна.

Негромко клацнули замки синхронно закрываемых дверей, раздался стрекот стартера, сменившийся мерным звуком четко работающего двигателя, и «девятка», мягко шурша шинами, тихонько выкатилась со двора на проспект, не потревожив никого из местных жителей.

Пробуждение Дэна было пугающе страшным. Очнувшись, он ощутил себя со связанным изолентой руками в быстро едущей куда-то машине. Павел сидел рядом с ним, а Николай вел машину. Пистолет в наплечной кобуре из сырой буйволиной кожи, только что приятно отягощавший его плечо, теперь куда-то исчез.

Запаниковав, Дэн начал дергаться.

— К-куда вы меня везете? — стараясь не выдать животного страха, прохрипел он.

— Заткнись, сука! — задушевым тоном тихо посоветовал ему Павел, и Дэн почувствовал мертвенный холод стали охотничьего ножа возле своей, мгновенно покрывшейся гусиной кожей шеи.

— Вы что с ума сошли, чего вы в самом деле? — Дэн перестал вырываться и перешел на испуганный шепот.

Павел ошутимо врезал ему локтем по ребрам.

— Заткнись, гнида, тебе сказали. Еще раз пикнешь — убьем на хрен.

Вскоре машина выехала за город. В салоне царило ледяное молчание, нагонявшее на пленника еще больше жути. Дэн понимал, что его везут в сторону брошенных песчаных карьеров.

Приблизительно через сорок минут быстрой езды по шоссе машина свернула и затряслась по разбитой грунтовке. Вскоре в окнах уже начали мелькать ветки деревьев. «Девятка» проехала еще метров двести и остановилась на проселочной каменистой дороге.

Дэна они выволокли из машины с криком и ругательствами. Они прислонили его к раскидистому дереву, одиноко торчавшему на обочине.

— Будешь говорить, где Наталья? — Павел ударил Дэна под дых.

— Да... — простонал тот.

— Что с ней случилось?

— Парень, ты обознался и она давно мертва... поими ты, мертва! — по лицу Дэна было видно, что тот изрядно напуган.

— Врешь! Я с ней разговаривал недавно!

— Слушай, хоть ты втолкуй этому идиоту, что та девка, которую он ищет, давно мертва! — Дэн истерично выпалил стоявшему рядом Столярову, который на всякий случай стоял рядом с монтировкой в руке.

— Ты можешь показать, где она похоронена? — задумался Николай.

— Конечно могу.

— Тогда поехали, покажешь.

— Он морочит нам голову! — не унимался Павел.

— Если он морочит нам голову, ты сделаешь с ним все что захочешь. — видно было, что Николай не жаждет крови.

— Садись в машину! — Павел поволок Дэна назад, в «Девятку».

На кладбище они приехали, когда начало светать. Николай поставил машину на пустыре, совсем рядом с невысокой грубо оштукатуренной оградой кладбища. Они все вышли из машины и стали молча рассматривать унылый пейзаж. Было достаточно прохладно, низкие облака стелились над самой землей, тоскливо моросил противный утренний мелкий дождик. Через дорогу напротив виднелись серые и угрюмые коробки панельных новостроек. Справа от кладбища высилось недостроенное жилое здание, огороженное высоким забором из широких бетонных плит, из-за которого, высунув лобастую морду в щель, на них злобно лаял здоровенный пегий кобель, совсем одуревший от скуки. С левой стороны вдаль уходило чистое незастроенное поле, служившее когда-то аэродромом военной летной школе.

— Однако местечко, скажем прямо, мрачноватое. — заметил Павел.

— Да уж, не лучшее. — ответил ему Николай, поежившись от холода.

У него под курткой была одета только тонкая рубашка с короткими рукавами.

— Да ладно тебе, — ободряюще подмигнул ему Павел, одетый чуть теплее. — это просто поганая погода на нас так угнетающе действует. И обращаясь к Дэну — ну так где ее могила? Давай, показывай!

Дэн со скованными изолентой руками пошел вперед, огибая могилы. Он шел уверенными быстрыми шагами по лабиринту кладбища, словно пытаясь скорее все закончить. Через несколько минут он остановился на дальнем конце кладбища, где свежие

могилы поглощали поросшее густой весенней травой поле.

— Вот здесь она лежит. — кивнул он головой на небольшой памятник из белого камня.

— Наташа... — прошептал Павел, упершись глазами в нанесенную масляной краской через трафарет надпись «Тумасова Наталья Петровна 1973–1997». -как это произошло?

— Мы возвращались в город. Быстро ехали, она куда-то спешила. — сбивчиво стал рассказывать Дэн. — Вдруг прямо на нас выскочил грузовик, «КАМАЗ». Я еле успел затормозить, машину развернуло, тут он в нас и врезался. Она на месте скончалась, а я в больнице очнулся.

— Хорошо, если все было так, как ты говоришь, почему тогда не было суда, а? Здесь что-то не то. — покачал головой Столяров.

— Я ведь тоже поддатый был. — с вызовом ответил Дэн. — И если бы начали копать, мне бы не подфартило.

— Мразь. — пробормотал Павел.

Дэн с ненавистью взглянул на него.

— Надо что-нибудь поприличнее сделать. — почесал затылок Николай.

— Сначала ограду поставить надо. — Павел присел на корточки и закурил.

— Эй! Павел, он уходит! — Николай указал на Дэна, быстрым шагом удалявшегося с кладбища.

— А черт с ним. Мне от больше не нужен. — досадливо бросил Павел.

Глава восьмая

Павел и Николай сидели на диване в гостиной на квартире Тумасова, пили кофе, смотрели новости и перебрасывались редкими фразами. Время приближалось к полудню.

— Да, старик. Здорово тебя разыграли. Интересно, кому это понадобилось? — криво улыбнулся Николай, в его голосе прозвучало удивление.

— Не знаю. — Павел переключил программу и налил себе еще кофе.

— Ну и все-таки, Паш? Как ты относишься к предложению Али Хамраевича?

— Никак.

— То есть? Перегонять фуры со спиртным в Турцию ты не хочешь?

— Я уеду. — Павел пересел в кресло, достал сигарету из пачки, повертел ее в руке и положил назад.

— Слушай, я тебя не понимаю. Непыльная работа, хорошее место. Что тебе еще надо?

— Воздух здесь не тот.

— Ах, воздух тут не тот? Ну-ну. — Николай хмыкнул, оценив реплику. Он жил в своем мире, с работой в лаборатории с восьми до шести, мире радиотехники, электроники и автоматики, не пересекавшемся с миром улиц и подворотен, в котором намного увереннее себя чувствовали себя Павел и Рустам. Он задумчиво всмотрелся в фотографию Натальи и Дэна, затем отбросил фото в сторону.

Зазвонил телефон. Николай взял аппарат с тумбочки, снял трубку.

— Ало! Это Рустик. — подмигнул он Павлу.

— Слушай сюда, — Рустам, судя по голосу, был чем-то чрезвычайно взволнован. — ты на машине?

— Да.

— Садитесь в нее немедленно, с Павлом и смывайтесь.

— Что? Что ты сказал? Возьми-ка трубку. — Николай протянул телефон Павлу.

— Зачем? — рассеянно спросил Тумасов.

— Он сказал, что Дэн натравил на нас свою банду. — Николай встал и направился к окну.

— Да. — Павел вслушивался в возбужденный голос Рустама в трубке. — И что? Слушай Рустам! Передай Дэну и его шестеркам, что плевать на них хотел! — Павел буквально взорвался эмоциями.

— Не будь идиотом, Павел. — голос Рустама стал спокойнее, отрезвляющее. — Ты даже не можешь себе представить, насколько это серьезно. Их придет человек двадцать и что вы сможете против них сделать? Да они вас просто перережут.

Николай приоткрыл окно и присвистнул.

К дому подъехала серая «Тойота» и остановилась, прямо под окнами квартиры Павла. Двери синхронно распахнулись, и из машины картинно, как в кино вышли пять человек в наглухо застегнутых кожаных куртках. Это были боевики из бригады Дэна. Тут же притормозила и остановилась красная «БМВ». Из нее вышло еще четверо таких же однотипных, плотно сбитых, рослых, с боксерскими стрижками. Двое подошли к пассажирам первой машины и как старые знакомые, поздоровались с ними за руку. Остальные остались стоять возле своей машины.

Столяров остолбенел. Тем временем напротив их дома припарковалась белая «Волга»

из которой появилось еще трое братков, среди которых выделялись два здоровяка — именно они пили позавчера вместе с Дэном в подсобке бара.

— Иди сюда. — наконец он очнулся и подозвал Павла.

— Ты что замолчал, Павел? Ало! — из трубки доносился обеспокоенный голос Рустама. — Ало, Павел!

— Да тут Николай показывает, какие-то ребята перед домом собираются. — оценивал ситуацию на улице Павел.

— Это они. Сейчас они вас обложат и все! Послушай, Паша, садитесь в машину и прямо ко мне! Все, давай! — голос Рустама не оставлял сомнений в крайней серьезности положения.

— Все понял, Рустам, сейчас будем, сейчас будем! — Павел шмякнул трубку и бросился к дверям. — Уходим, Коля, сейчас они нам все ходы перекроют.

Они выскочили на лестницу, Павел захлопнул дверь.

— Свал, свал, свал. — приговаривал Николай, стремглав устремляясь по лестнице вниз.

— А-а! — Павел вспомнил про барсетку с деньгами в вентиляции и бросился назад, к дверям.

— Что?

— Телевизор забыл выключить!

— Брось, бегом! Убьют! — крик Николая звучал уже где-то внизу, у самого выхода.

У Рустама на квартире за обильным столом друзья смаковали обстоятельства побега из-под носа бойцов Дэна и многое другое. Рустам и Николай нашли две общие темы — машины и женщин и принялись смаковать достоинства и недостатки тех и других. Павел участия в разговоре почти не принимал. Он равнодушно потягивал коньяк и изредка вставлял реплики в разгоревшуюся дискуссию.

Мысли его в данный момент витали далеко от темы беседы. Он думал о Наталье, вспоминая общение с ней и ощущение мягких теплых губ на своей щеке.

— Ты представляешь, он мне говорит — телевизор забыл выключить, — со смехом рассказывал Николай. — а ему говорю: жизнь или кинескоп!

Часы пробили три.

— Так, три, — сверил свои наручные часы со стенными Рустам. — сейчас они уже вовсю на твоей хате бушуют. Оттого, что они ворвались, а его дома нет! И хрен догадаются, что ты у меня!

Еще через полчаса компания, уже в расслабленном настроении от спиртного, стала травить анекдоты. Павел тоже как-то оттаял.

— Слушай, Паша, позвони им, передай им привет, как они там кайфуют. — предложил Николай.

— Позвони, позвони им, точно! — поддакнул Рустам.

— Позвони, позвони! — подбивал друга Николай. — Предупреди их, «Ребятки, не сильно веселитесь, ха-ха!»

— А что, забавно будет. — смеялся Рустам. — скажи: «Не бушуйте там особенно».

— Тс-с. — приложил палец к губам Павел.

Набрав номер, он прислонился к стене и стал ждать.

— Ало, ало. Это говорит хозяин квартиры. Вы там не очень-то балуйтесь, ребята. — довольно произнес он заговоренную фразу но после ответа на другом конце провода насторожился:

— Это кто? Это опять она, — сказал он уставившимся на него друзьям. — ты! Слушай, ты немедленно убирайся оттуда, ты поняла? Я говорю — немедленно убирайся оттуда, там опасно оставаться! Нет, стой! — от нервного крика Павла Рустам взволнованно вскочил. — Не открывай никому! Я тебя умоляю — никому не открывай дверь! Это смертельно опасно!

Он бросил трубку.

Это она! Она! Там! Сейчас! Она! Она одна! — Павел был чрезвычайно возбужден. Он бросился к дверям.

— Постой, Паша, — пытался урезонить друга Николай. — это может быть их ловушка.

— Паша, Паша! Да подожди ты! — направился за ними в коридор Рустам. — Я еду с вами!

Столяров на большой скорости вел свою «Девятку». Встречные водители уворачивались, гудя клаксонами.

— Только никаких эксцессов, ребята. — нервно повторял Рустам. — Я сам с ними договорюсь. Они меня уважают, все будет нормально.

Друзья вошли в квартиру и остолбенели. Погром в квартире был знатный. Переломано все, что ломается. Изрезано все, что режется. Разбито все, что бьется. Разорвано в клочья все, что рвется. Даже ванна — и та расколота. На стенах — азербайджанские и русские ругательства. Обои, шторы — подожжены.

— Никого. — Павел злобно отшвырнул ногой мусорное ведро.

— Я так и знал. — Рустам поднял упавшую пластинку.

— Надо вызывать милицию.

— Другого выхода нет. — согласился Николай.

— Милицию... да ты понимаешь, что ты говоришь? Вас же первых там и посадят! — убежденно заметил Рустам.

— Заткнись! Не хочешь, чтобы имя твое называлось, не бойся, не будет! — Павел отвернулся.

— А ты оказывается, пацан, Паша. — покачал головой Рустам. — Ты думаешь, я тебя пугаю. Да там они все завязаны. Я очень хорошо знаю этот мир и отвечаю за свои слова. И здесь ты ничего не докажешь!

— Не может быть, чтобы все так прогнило. Должна быть хоть какая-то власть.

— Пац, ты не знаешь наши реалии? Власть есть. Но она у них в руках! А теперь подумай о Николае — у него дети, — посмотрел другу в глаза Рустам. — ты отвечаешь, что все будет нормально?

— Ты все сказал?

— Все.

— Пошел вон отсюда! — рявкнул на Рустама Павел, взмахнув рукой. — До свиданья!

— Спокойно, дядя. — сквозь зубы процедил Рустам и сунув руки в карманы, вышел из разгромленной комнаты.

— Ты не прав, Павел, — Николай что-то прикидывал в уме. — неправ.

Он развернулся и вслед за Рустамом покинул квартиру.

Павел вошел на кухню, сразу проверил тайник в вентиляции — деньги на месте? Опасения оказались напрасны — барсетка с долларами, замаскированная ветошью не стала наградой неудачливым охотникам за Павлом. Тумасов отбросил упавший ящик, сел на кухонный стол у батареи и стал думать, потихонку превращая в дым начатую пачку

«Мальборо».

Павел позвонил на следующий день в девять утра, когда Николай должен был уже быть на работе.

— У телефона. — буркнул Николай, сцапав трубку аппарата со второго захода.

— Привет, Коля, — раздался в трубке веселый голос Павла. — дуешься, наверное, за вчерашнее?

— Хэлло, Павел! — отозвался Столяров, разбирая бумаги на рабочем столе. — Ты вчера был неправ, старина. Да еще, как всегда, звонишь в самый неподходящий момент. Что снова приключилось?

— Мне тут пришла в голову мысль — Наталья может быть жива. Надо вскрыть могилу. Обязательно. Ты можешь помочь мне в этом?

Николай присвистнул.

— Знаешь, старичок, — Николай на всякий случай закрыл дверь в лабораторию. — хватит с меня вчерашнего. Такие приключения не в моем стиле.

— Могила на окраине, никто там не ходит, ничего и не заметят.

— Нет, за это я не возьмусь. Тут я пас.

— Коля, если ты мне не поможешь, то тогда я сам. Как в старые времена.

— Постой! Вот зануда! Так дела не делаются.

— Ладушки, прослушал утренние новости и иди к своим приборам, а приключения оставь мужчинам.

— Ты, мужчина! Хочешь один все на себя взять? Я тогда приволоку что-нибудь с работы...

— О, узнаю старого авантюриста Николая. Сможешь сегодня вечером?

— Пожалуй, смогу. Но один ничего не предпринимай!

Павел и Николай шли быстрым шагом, не разговаривая друг с другом. Столяров был насуплен, а Тумасов что то насвистывал. Вскоре они подошли к могиле. Столяров опасливо заозирался по сторонам.

— Никого нет, можешь не бздеть. — насмешливо сказал Павел.

Он положил лопаты на траву.

— Да я и не боюсь, — отозвался Николай. — И все равно, неправильно это — могилу разорять.

— Опять двадцать пять... Чего же соглашался?

— Я хочу тебе помочь.

— Помощничек какой выискался!

— Ладно, тише. — снял куртку Столяров. — Не место для шума.

Он взял лопату и стал копать, а следом за дело взялся и Павел.

Ничего себе как шурует, — пронеслось в голове у Павла. — Прямо экскаватор.

Столяров закурил и сделал несколько затяжек, глядя в вечернее небо.

Павел работал все с большим остервенением. Казалось, мысль о том, что племянница может быть жива, прибавляет ему сил и энергии. Наконец лопата стукнулась о крышку гроба.

— Есть! — воскликнул он.

— Уберем землю, чтобы чисто было, — предложил Николай. И, когда гроб оказался полностью очищен, наклонился над могилой.

— Как же крышку снять? — забеспокоился Павел. — Ломать много времени займет.

— Инструмент у меня есть, — ободряюще сказал Столяров. Он извлек из сумки изогнутую буквой «S» массивную железку с привязанной к ней длинной веревкой. — Паш, цепляй!

Тумасов зацепил крюк за крышку и вылез из могилы. Друзья подхватили веревку и дернули ее с такой силой, что крышка вылетела на поверхность.

— Легко как пошла, — прокомментировал Столяров. — Вроде и не забивали.

Павел кинулся к краю могилы и заглянул внутрь.

Гроб был пуст.

— Я знал!! — заорал Павел.

— Не ори, — растерянно произнес Николай, — да уж, действительно странно.

— Вот так, — задумчиво сказал Тумасов. — как я и предполагал. Это значит что? Надо будет Дэна повторно навестить — взять его за жабры. Что же он скрывает? — обратился он к Столярову. — Что скажешь, Коля?

Столяров пожал плечами, закурил новую сигарету.

— Ты же помнишь, что вчера произошло. Это очень непросто...

Первую половину следующего дня Павел потратил на поиски одного телефонного номера.

Гасанов. Вот кто теперь был нужен. Рустам — не тот уровень. Нет, тут нужен человек посерьезней.

Да, Хамид Вахидович Гасанов.

История была давняя. Почти пятнадцать лет прошло. Еще до армии Павел захаживал в редакции различных тонких научно-популярных журналов, где студент Тумасов немножко подрабатывал переводами импортной фантастики. Еще в паре мест он был оформлен «подснежником» — денег требовалось все больше и больше: на одежду импортную, на кабаки, на дам, в конце концов. Словом, «подснежник» — оформляешься липовым сторожем за сотку, на работу приходишь раз в месяц деньги получать: половина себе, половина тому, кто оформил. И все идет по плану. Больше сотни ежемесячно за так — не мелочь в андроповские времена. У Павла было много знакомств с самыми неожиданными и интересными людьми. Хамид Вахидович познакомился с Павлом при обстоятельствах, не слишком благоприятных для Тумасова: тот в сильном подпитии пытался поменять какие-то доллары. В те времена это еще подпадало под серьезную статью о незаконных валютных операциях, валютчиками занималось ГБ, и, попадись Павлу на месте майора Гасанова кто-то другой, Павлу было бы несдобровать. На счастье Павла, Гасанов был одноклассником его отца и общими усилиями милицейский протокол был аннулирован. Отец Павла никогда не забывал этого и, если нужно было, помогал Хамиду Вахидовичу, чем мог.

В дальнейшем Гасанов перешел на работу в городскую прокуратуру, но уже в годы независимости во время острой политической борьбы допустил оплошность — поддержал не те силы, в результате чего оказался в оппозиции действующей власти. Он был отправлен на пенсию и коротал свои дни в загородном доме в курортной зоне, ведя неброский образ жизни.

После нескольких длинных гудков в трубке послышался уверенный, прямо-таки стальной мужской голос:

— Слушаю.

— Здравствуйте. Можно Хамид-аку к телефону?

— У аппарата. А кто это?

— Это Павел. Вы меня узнали?

— А, Паша, дорогой, — сразу потеплел стальной голос в трубке. — ну, как у тебя дела?

— Хотел бы с вами встретиться, когда у вас будет свободное время.

— Знаешь, Паша, давай заезжай ко мне, расскажешь обо всем. Давненько я ни с кем не встречался, хоть от тебя узнаю, как там в Москве жизнь складывается.

— Да я с удовольствием, а куда ехать то?

— В Новханы.

— Вы меня простите, пожалуйста, но я совершенно не помню, где это и как туда добраться.

— Это не страшно, столько времени дома не был. А добраться сюда проще простого. Ты как, на машине или пешком?

— Пешком.

— Тогда дуй на вокзал, там садись на автобус в сторону побережья. Записывай адрес, — собеседник продиктовал Павлу адрес и объяснил, как найти его дом. — все понял?

— Ага. Если вы не против, то я к вам сегодня часикам к пяти заеду.

— Хорошо, приезжай.

Этим же вечером по тихой, пыльной улочке приморского поселка Павел подошел к солидному частному дому, огороженному бетонным забором, аккуратно выкрашенным бежевой краской. Он постучал по металлической двери и принялся терпеливо ждать. Буквально через несколько секунд откуда-то сверху показался человек лет сорока в спортивном костюме, но почему-то на цепи.

— Эй, Хамид-ака здесь живет? — окликнул его Павел.

— Хамидыч, тебя спрашивают. — сиплым испытанным голосом позвал хозяина сторож.

— Кто там?

— Кто спрашивает? — повернулся человек к Павлу.

— Хамид-ака, это я, Паша Тумасов. Я звонил вам сегодня утром.

— Джульбарс, а ну-ка открой калитку, — донесся повелительный голос.

— Я же на цепи!

— Ничего, падла, дотянешься. — процедил тот же голос.

Дверь на удивление тихо, без единого скрипа, открылась. За ней стоял низкий лысоватый мужичок в тренировочном костюме и кепке на гладко выбритой голове. На ногах у него были короткие сапоги. Но главное — на одной ноге у него была закреплена массивная железная цепь, как поводок у собаки.

— Проходи. — поманил он Павла рукой.

— А-а, мне ли дядю Пашу не помнить, заходи, заходи. — во дворе стоял крепкий темноволосый мужчина на вид лет около пятидесяти пяти или шестидесяти, с короткой ухоженной бородой и очень внимательными, цепкими карими глазами. Он был одет в широкие штаны защитного цвета и клетчатую рубашу с короткими рукавами, вылинявшую от частых стирок. На ногах у него ладно сидели легкие серые летние кроссовки.

Павел крепко пожал руку хозяину.

— Здравствуйте, Хамид-ака.

— Здравствуй, здравствуй. Ох ты, как вырос.

Павел улыбнулся и расправил плечи.

— Не думал, что когда-нибудь встретимся. Иди на место. — скомандовал Гасанов слуге на цепи.

— Проходи, что ж мы у входа встали-то, — деловито загудел хозяин. — пойдём вон в ту беседочку, посидим на свежем воздухе, попьём с тобой чайку, пообщаемся.

Павел по небольшому, чисто убранному дворику, прошёл вслед за хозяином в красивую деревянную беседку, стоящую в небольшом саду, среди яблонь, на которых уже висели маленькие зелёные шарики будущих наливных плодов. К беседке вела дорожка, посыпанная гравием и аккуратно выложенная по краям округлыми камнями среднего размера.

Войдя в беседку, сложенную из обработанных деревянных панелей, покрытых лаком, хозяин пригласил гостя за столик, на котором сгрудились несколько пузатых чайников. Рядом с ним стояли белые чашки на блюдцах, сахарница с кусками рафинада, тарелка с печеньем и маленькие розетки с вареньем и мёдом. Повсюду чувствовалась рука умелого хозяина, любящего свой дом и умеющего поддерживать в нём порядок, но это был порядок, созданный только мужскими руками, без сантиментов, жесткий, рациональный и даже немного казарменный.

— Садись, садись. Говорят, уезжал куда-то?

— Вернулся вот.

— Что, плохо?

— Обстоятельства так сложились. Да и где сейчас хорошо?

— Правильно говоришь, правильно. Оно все-таки дома немного лучше чем на чужбине, так?

— Ко мне тоже кореша приходили, уговаривали уехать, я отказался — мне и здесь хорошо. — бурчал под нос странный человек на цепи, лежа на раскладушке на добротно сколоченном высоком деревянном помосте, стоя на котором, можно было обозревать, что происходит рядом с домом.

— Ну что, пришел просто так, поведать старика или по делу? — положил локти на стол Гасанов.

— По делу. — выдохнул Павел.

— Тогда пошли в дом.

Гасанов достал из буфета графин.

— Выпьешь?

— Спасибо, не хочу.

— Нет, так нет. — легко согласился с ним хозяин.

— А вот чаю я бы еще с удовольствием. Меня к нему Али Хамраевич приучил. — предложил Павел.

— Точно, я помню, чай — это его страсть. Ему постоянно кто-нибудь из друзей привозил из дальних поездок разные сорта чая. Кстати, как он там поживает?

Разговаривая с гостем, хозяин с необычной для его возраста и комплекции принес с веранды чайники, неторопливо разлил чай по чашкам и сел напротив.

— Все нормально. — осторожно подув на горячую янтарную жидкость, ответил Павел.

— Эй, хозяин! Время-то обеденное! — донесся голос с крыльца.

Хозяин вышел во двор, снял цепь с ноги странного помощника и дал тому несколько купюр.

— Ну смотри, чтобы через час вернулся. Сегодня допоздна будешь работать.

— Понял...

Странного обритого наголо человека звали Иван Болтнев или Болт.

Надо сказать, что Болт начал работать у Хамида Вахидовича еще в середине 90-х.

Несколько раз тот его выгонял, а два раза Болт уходил сам: первый раз, когда стал употреблять наркотики и потом, когда решил искать счастье то в Питере, то в Крыму. От наркомании он чудесным образом исцелился... при помощи алкоголизма, а от страсти к путешествиям его избавили неприятности на чужбине. Но, как блудный сын, Болт всегда возвращался. «Без него скучно, — думал Гасанов, — куда же без шута-то?»

Совершенно спокойно Болт мог позвонить в офис фирмы, принадлежащей Хамиду и плаксивым голосом заявить дежурному: «Это Иван Болтнев говорит, я только что из больницы, у меня обнаружили гонорею, передайте Сергею Прохорову, чтобы он тоже проверился». Когда же он сам брал трубку в доме Хозяина, то часто говорил какую-нибудь чушь, например: «Двенадцатый причал боевых катеров-охотников слушает». За это Гасанов часто гонял его «боккэном» (деревянным самурайским мечом), который всегда держал под рукой для физической разрядки и время от времени сажал на цепь.

Надо отметить, что у Болта была неплохая память, удивительно высокий для пьющего человека интеллект, хорошее чувство юмора, преданность и исполнительность. А еще он неплохо водил машину.

— Красиво живете, Хамид-ака.

— А ты думал, я на ментовскую пенсию живу? — удивился Гасанов. — Ну, рассказывай, что за дело у тебя ко мне.

— Да я даже и не знаю, с чего и начать.

— А ты давай с конца. — отпил крепкого чаю Гасанов.

— Кажется, я попал в нехорошую историю, Хамид-ака. — Павел с трудом подбирал слова, чтобы максимально полно выразить события последних дней.

Послышались длинные гудки со стороны моря, перекрывающие все остальные звуки — это сухогруз заходил в бухту.

— ...квартиру разгромили, друзьям моим угрожают, я не знаю, что мне делать с ними! — Тумасов хлопнул себя по колену и уставился в окно.

— И драться бессмысленно и уехать гордость не позволяет, так? — осторожно начал Хамид-ака.

— Да.

— Но что ты от меня хочешь? Чем я могу тебе помочь? — спрашивая, размышлял Гасанов.

— Хамид-ака, у вас остались связи, пистолет помогите достать.

— Нет, нет, Паша, нет у меня никаких связей. — покачал головой Хамид Вахидович.

— Хамид — ака... я заплачу, если надо...

— Как говорится, я вышел из этого возраста на заслуженный отдых. Так что ты здесь дал маху. Я ничем не могу тебе помочь.

— Ладно, ну тогда я пошел. Извините, если что не так. — Тумасов резко поднялся и направился к дверям.

— Извини...

— Извините, Хамид-ака, я думал, это для вас просто. На нет и суда нет.

— Я думаю, прощай. — вздохнул Гасанов. — Ты уедешь?

— Нет. Я остаюсь. — твердо заявил Павел.

— Уезжай, Паша! Мой тебе совет — уезжай, ты не знаешь этих шакалов. Они родную мать не пожалеют.

— Я учту.

Тумасов направился к выходу, сидевший в своем закутке Болт поднялся, чтобы проводить гостя.

— А ну-ка стой! Постой, Паша. — окликнул его Гасанов.

— Зачем?

— Заходи в дом. — Хамид сделал пригласительный жест рукой.

— Мы уже поговорили, мне надо идти, Хамид-ака. — Павел взглянул на часы.

— Заходи в дом, когда тебе говорят! — уже сердито произнес Гасанов.

Павел прошел в помещение.

— Вот характер, весь в отца. — шепотом проворчал Гасанов, закрывая за ним дверь на ключ.

Хамид-ака заварил свежий чай, по запаху — с жасмином. Предварительно обдал посуду кипятком, налил первый раз в пиалу, опрокинул содержимое назад, в чайник.

— Чойни кайтаринги, — механически прокомментировал Павел. — мне нужно знать, что случилось с моей племянницей.

— Я, Паша, не лезу в твои московские дела, но... кстати, а это не ты Зазу завалил? — отстраненно, глядя в пространство, внезапно спросил Хамид-ака.

— Всякое люди говорят... — Павел опешил сначала от неожиданности, но затем решил не опровергать слова хозяина дома.

— Все это, конечно, меня не касается, — медленно ронял фразы Гасанов. — но ты пойми и меня. Я не хочу, чтобы московские разборки распространились на нашу республику. Приедут всякие, еще стрелять начнут... зачем?

— Хамид-ака, вы реально можете помочь? — немного с надрывом обратился к старому знакомому Павел.

Глава девятая

Назавтра ровно в девять утра к бару на Водонасосной подошел бритоголовый работяга среднего роста. На плече он нес истертую спортивную сумку, в уголке рта была зажата вонючая болгарская папироска. Работяга выглядел заспанным, небритым, поношенная одежда на нем была здорово помята, как будто, наспех выстирав, ее забыли разгладить. Мятый пролетарий постучал в закрытую стеклянную дверь.

Этим работягой был Болт.

— Командир!

— А?

— Есть?

— Что есть?

— Ну это... с утра ни грамма не было. — Болт выразительно провел рукой по горлу.

— Иди отсюда. — недовольно произнес человек по ту сторону двери.

— Позарез нужно!

— Иди отсюда!

Болт негромко, но настойчиво продолжал стучаться.

— Иди отсюда, здесь не забегаловка. Приходи после одиннадцати. — несколько заколебался швейцар.

— Ты что, сдурел, что ли? До одиннадцати я богу душу отдаду. — напирал Болт.

— Нельзя.

— Пусти, дай хоть каплю! Смотри, баксы!

Работяга прислунявил к оконному стеклу десять долларов.

— А чтоб тебе... ну давай быстро. — сдались на той стороне.

Болт подошел к прилавку и свистнул. Подошедшему бармену он сунул еще две зеленые бумажки и стал обладателем пары заветных бутылок.

— А закусить? — он развязно сгреб бутылки в руки.

— В столовке отоваришься. — с презрением заметил бармен, моя стаканы. — Дуй в столовую, туда, направо, ясно?

— Приходи Маруся с гусем, а потом закусим. — весело подмигнул Болт толстому повару.

Приобретя пакет со снедью, Болт не ушел из бара, как это сделал бы обычный работяга, а по извилистым коридорам выбрался на лестницу черного хода. Держа в руке бутылки и еду, он огляделся по сторонам — никого. Переведя дыхание, чтобы унять волнение, он поднялся по лестнице и быстро обследовал второй этаж. Вскоре он нашел искомую дверь, из-за которой доносились голоса.

Собравшись с внутренними силами, Болт рванул ручку двери и тут же увидел то, что искал. В просторной комнате за широким, покрытым черной скатертью столом сидело четверо мужчин, которые увлеченно играли в карты. Еще один стоял рядом, облокотившись на шкаф и листал какой-то журнал. Среди играющих был Дэн. По комнате с плотно закрытыми шторами, из под которых все-же пробивались тонкие лучики солнца,плыли сизые облака дыма. Лежащие в большом количестве денежные купюры на столе и бокалы со спиртным не оставляли сомнения, что игра идет уже не один час.

Очевидно, они были заняты настолько серьезной работой вроде подсчета вистов, что

даже сначала не заметили непрошенного гостя. Зато гость кое-что заметил. Прекрасно, на это он надеялся. Именно то, что надо! В пьяного, но не агрессивного, они уж палить не станут...

Болт подскочил к ним, держа в широко распахнутых руках бутылки, набрал в грудь побольше воздуха и весело прокричал:

— Привет, братва! С утра и врезать не грех, правильно говорю?!

Бандиты опешили.

— В чем дело, Дэн? — брезгливо спросил один из них, в сером костюме.

— Какой мурак его сюда пустил? — всколыхнулся тот.

— Парни, мы же с вами кенты! — дурацким пьяным голосом верещал Болт, пытаясь приобнять Дэна.

— Да уберите вы от меня эту мразь! — Дэн сильно врезал Болту по уху. Двое помощников схватили за шиворот упавшего от удара на них Болта и резво потащили из комнаты.

— Парни, б-бутылки верните! — упирался Болт в руках дюжих конвоиров, — Р-ребята, вы чего?

Наконец Болта выволокли за дверь.

— Пускают тут сюда всякий сброд. — Дэн брезгливо сбросил со стола остатки еды, вывалившиеся из пакета, полученного Болтом в столовой.

Двое подручных Дэна, конвоируя истощенного визжащего Болта, после недолгой борьбы выкинули его за дверь черного хода. Через секунду за ним последовали его сумка и кепка. Приземлился Болт весьма удачно, ничего себе не отбив. Пошатываясь, он неторопливо подобрал сумку и засаленную кепку, как мог, почистился и вышел из негостеприимного двора.

Через несколько часов он уже сидел в прохладном просторном гараже дома Хамида Гасанова в компании хозяина дома и Павла. При этом Болт ничем не напоминал утреннего забулдыгу в поисках дозы алкоголя.

— Так, ребята. Вот это — кухня. — На маленьком низком столике лежал вырванный тетрадный лист с планом бара, не слишком умело нарисованным Болтом от руки фломастером и усеянного различными пометками. — Все окна зарешечены. Рядом сортир, я там сумел подготовить окошечко. А вот там по коридору вверх по лестнице — их гнездышко.

— Хамид-ака, я не понимаю, зачем все это. — Павел вглядывался в рисунок.

— Так вот, Паша. — Гасанов откинулся в кресле, сложил руки на груди. — Дэн в городе не один, на данный момент их тут две банды. Они конкурируют между собой. Обычно у них война, но сейчас мир. Правильно, Болт?

— Да, уже два года.

— Вот видишь, мы в курсе событий. Ну так вот, наша задача — сравнить их между собой. Может повезет, и банда Махмуда покончит с Дэном. Теперь понятно?

— А чем банда Махмуда лучше?

— Я Махмуда в свое время от тюрьмы спас, он мне очень многим обязан.

— И вы вместе с ним хотите увеличить свое влияние в городе?

— Паша, Дэн намного хуже. За последний год он многим встал поперек горла. Он нарушает равновесие, если можно так сказать.

— Нас будет только двое?

— Я же тебе объяснял, Паша: в городе собираются кончать с Дэном. А это, по сути,

настоящая война. Пойми, что любая война нуждается в подготовке. Пока не все командиры в сборе, оружия у нас маловато. Поэтому пока обойдемся малыми силами.

— Хозяин дело говорит. — просипел Болт.

— Так вот. Давайте готовиться: бутылки, газы, взрывчатка — все, что в этом деле полагается.

— Хозяин, может врежем для храбрости? — предложил Болтнев, доставая бутылку.

— Убери, падла, дело серьезное. — сердито отмахнулся Хамид.

— Перегибает, хозяин.

— Действовать только по плану. На весь этот шухер — не больше пяти минут. Потом по-тихому уходите.

— По-тихому. — хмыкнул Павел.

— А это что такое? — спросил Хамид у помощника, деловито запикивавшего в сумку увесистый пакет, перевязанный бечевкой.

— Подарочек для них!

— Не можешь без этого. — поморщился Гасанов. — Паша! Подойди-ка сюда. Так вот... бери.

Хамид молча протянул новый, пахнущий заводской смазкой «ТТ» Павлу.

— Спасибо.

Глава десятая

Тем же вечером Болт припарковал старую желтую «Семерку» на свободном месте во дворе рядом с каким-то сараем и заглушил двигатель.

— Паша, пошли!

До бара было не более ста метров, и Павел с Иваном прошли их неторопливым шагом, придирчиво осматривая окрестности.

Неподалеку от входа в бар они увидели подозрительную вишневую «девятку» с тонированными стеклами. Это могли быть боевики Дэна, находящиеся, так сказать, на «подхвате». Когда Павел, изображая беззаботного прохожего, подошел ближе, он увидел, как опустилось стекло задней двери, оттуда по дуге вылетел дымящийся окурочок и шлепнулся на дорогу рядом с машиной. Стекло снова поднялось, но Павел успел заметить двух молодых мужчин на заднем сиденье.

«Значит, это люди Дэна. Ну что же, значит, скорее всего, без стрельбы не обойдется», — подумал он, вслед за Болтом обогнув здание и войдя в подворотню. Они поднялись по железной лестнице и пройдя вперед по широкому крытому железными листами карнизу, остановились перед окном.

— Это я подготовил, — Болт показал пальцем на стоявший рядом невесть откуда взявшийся деревянный кругляш. — помоги пододвинуть.

Он встал на него и присмотревшись, толкнул раму вперед. Окно практически бесшумно распахнулось. В нос им ударил запах хлорки.

— Заползаем. — сказал Болт, протискиваясь в узкое пространство.

Осторожно выглянув из туалета в коридор, Болт поманил Павла пальцем:

— Пошли, пошли.

Иван с усилием открыл дверки электрораспределительного щита и стал там возиться отверткой.

— Что ты делаешь?

— На обратном пути салют устроим.

— Пошли. — тихо потянул товарища за рукав Павел.

Они пошли вперед по узкому коридору. Проходя мимо двери с надписью «Служебное помещение», Павел прислушался.

— Ну что там?

— Тс-с.

Из-за закрытой двери доносились охи, приглушенные стоны и женский смех.

— Ну что ты, давай! — Болт побежал вперед, держа в одной руке бутылку с «коктейлем Молотова».

Они вышли на лестничную площадку.

— Куда?

— Туда. — показал бритой головой Иван, доставая из сумки пакет.

Парочка быстро поднялась вверх по лестнице и оказались перед массивной, обшитой черным дерматином дверью, из-за которой слышались деловитые голоса.

— Так. — Болт передал бутылку с горючей смесью Тумасову, надорвал пакет, из которого тут же с шипением повалил какой-то искрящийся дым и распахнув дверь, бросил взрывпакет на стол к увлеченно игравшим в карты бандитам:

— Привет от Махмуда! — и спрятался за стенку.

Раздался оглушительный взрыв, внутри помещения полыхнуло сильным огнем, казавшимся особенно ярким еще оттого, что комнату освещала только настольная лампа. Раздались крики, вопли, рев раненых и обожженных бандитов.

— На! — Павел метнул в комнату два «коктейля Молотова», не особенно целясь.

— Уходим! — Болт стремглав побежал вниз. — Быстрее, быстрее.

Они устремились по коридору просторной кладовой, установленному ящиками и поломанной мебелью. Павел уже почти скрылся за поворотом, как дверь с надписью «Служебное помещение» открылась и из нее показался... Дэн.

Павел резко остановился. Дэн прислушивался к шуму и крикам этажом выше. Наконец он повернулся и оказался лицом к лицу с Павлом и Иваном, лихорадочно копавшемся в электрораспределителе.

— Что вы здесь делаете? — он ошеломленно уставился на незваных гостей.

— Иллюминацию! — пробормотал Болт.

Павел сделал несколько шагов вперед и достал пистолет.

— Я убью тебя, гад.

Дэн трясся. На лице его был написан ужас. Путей к бегству у него фактически не было. Павел поднял руку с пистолетом — и в этот момент из щита полыхнул сноп искр и погас свет.

Дэн метнулся в сторону, выстрел Тумасова пришелся в стену.

— Сматываемся! — крикнул, наколько позволял ему испитый голос, Иван.

Павел отпихнул его и бросился назад, за Дэном. Болт ринулся в туалет, к спасительному окну.

— Ну! Где ты, иди сюда! — взбешенно крикнул Павел.

Куда спешить, Дэник, думал он. Теперь уже тебе некуда спешить... Трясущийся Дэн тем временем прятался под стойкой бара, боясь даже шевельнуться.

— Ну! Где же ты! Выходи! Хватит убивать людей, настала твоя очередь!

Дэн бросился под столы, стоявшие посередине темного пустого зала. Павел выстрелил практически вслепую — если не считать тусклого отблеска на полированных столах в зале от уличных фонарей — просто на звук.

Дэн кубарем перекатился за стулья, Павел выстрелил еще дважды. Ну где же он?!

— Кто стрелял, Дэник? — откуда-то из двери сбоку, у прохода, появился рыжебородый качок, которого Павел заметил еще в свою первую встречу с Дэном.

— Ты? — за бородатым показался еще один боевик, из тех, что сидели в машине у входа. В руках у него был «Калашников» с укороченным прикладом.

Дэн, скрючившийся за толстым дубовым столом для торжественных церемоний истерически завизжал:

— Козлы! Вон он, там, у стойки!

Боевик открыл шквальный огонь по стойке, взорвавшейся от пуль брызгами дерева и стекла. Бородач выхватил пистолет и «Магнум» тяжело загрохотал в его руках, превращая рабочее место бармена в мишень в тире. В дверях подсобки показался третий бандит, молодой, с узким смуглым лицом. Он вскочил на стол и стал палить из «Калаша» в проем, где должен был находиться Павел.

Слишком поздно Павел, спрятавшийся за колонной, осознал, что помимо бандитов на втором этаже, спокойно игравших в карты и не подозревавших о ночном визите Ивана с

Павлом, в «шпаб-квартире» банды Дэна находилось еще достаточно бойцов, чтобы отразить любое неожиданное нападение.

Он применил натренированный еще на абхазской войне прием — бросив в одну сторону несколько монет, громко звякнувших на кафельном полу, он переметнулся в другую, выстрелив несколько раз в откликнувшихся автоматными очередями на звон бандитов.

Рыжебородый схватился рукой за горло и упал навзничь, увлекая за собой скатерть с тарелками. Все произошло в считанные мгновения, а Павел уже бежал по лестнице наверх, на третий этаж. Вдогонку ему зазвучали выстрелы.

— Быстрее, уйдет же гнида. — двое боевиков, вооруженных автоматами, ринулись за ним.

— Никуда не уйдет.

— Только не вздумайте его пристрелить! Теперь я сам с ним рассчитаюсь! — отошедший от шока Дэн выскочил на лестничную клетку, желая принять личное участие в расправе над врагом. — Дай автомат, — скомандовал он бойцу рядом и метнулся к выходу.

Бандиты тем временем рассредоточились на третьем этаже, который пустовал.

— Ну где же он, падла?

Павел, обернув руку в подобранную рваную скатерть, разбил стекло под потолком и стал протискиваться в окно. Подтянувшись, он оказался на ровной, покрытой жестяными листами площадке.

— Вот он! Все на крышу, быстро! — донеслось у него за спиной.

Павел отскочил и достал из кармана пистолет. Выстрелы автоматчика загрохотали сразу, но уши или в стену или в «молоко».

Тумасов был более успешен: грянули два выстрела, сделанные за одну секунду: обе пули нашли цель, смуглый боец завалился ничком. Второй бандит выстрелил в ответ, Павел хотел сделать то же самое, но...

Обойма была предательски пуста.

Десять патронов «тэтэшника» закончились в самый неподходящий момент. Новая пуля ударила совсем рядом, Павел побежал к парапету крыши.

Тем временем Дэн с двумя сподручными стоял у бара. Он жадно затянулся сигаретой.

— Только не упустите его! — И выпустив столб дыма — Ох, как я теперь буду его убивать...

Своей авантюрой Павел потерял самое ценное — время и теперь все пути к отступлению были ему перекрыты боевиками Дэна.

— Его нигде нет! — боец с «Калашниковым», растерянно ходил по крыше.

— Ищите, ищите, он никуда не мог деться! — крикнул Дэн.

— Он там, на лестнице! — донесся голос одного из бандитов.

Павел сбежал по парапету вниз, перелез на пожарную лестницу, спустился до уровня первого этажа, где она обрывалась и раскачавшись на руках, спрыгнул на землю.

Раздались жидкие аплодисменты.

Павел обернулся.

Дэн с двумя здоровенными подручными держали его на мушке. Один из них был в обгорелой одежде — по видимому он отведал на себе пиротехнического изделия Болта и «коктейля Молотова» от Павла.

Все. Никакая помощь не придет. Стрельбу в баре слышали единичные ночные прохожие. Что с того? Кто из них поспешит сообщить? И о чем? «Стреляли...» — словно

Саид из хрестоматийного фильма. Мало ли в нынешнее время стреляют?! В кого стреляли? Не в тебя? И будь счастлив. А то настучишь кому не надо, и в следующий раз — в тебя. Тем более здесь. Только дураки набитые суют нос куда не надо, вот и получают по носу. Да, признался себе Павел, дурость несусветная. В данной, конкретной ситуации. Надо было уходить вместе с Иваном, вот и все. А теперь...

— Привет, парень! Давно не виделись!

Дэн словно по-приятельски ударил прикладом автомата Павла в лицо.

Павел упал, из носа и рта у него потекла кровь.

— Ты думаешь, я тебя сейчас пристрелю? Нет, это будет слишком просто для тебя. Я люблю убивать красиво. Сначала тебе отрежут уши. Потом вырвут язык. Потом выколят глаза. А вот потом я буду убивать. — предвкушающе пообещал Дэн лежавшему на земле Павлу.

— Давай работай, Костик, — кивнул он плюгавенькому длинноволосому бандиту с дегенеративной физиономией. — сделай его.

Бандит подошел к Павлу, продолжавшему лежать, выхватил нож-бабочку и закрутил перед собой с характерными щелчками.

— Давай, Костя, ты мастер! — слышались одобрительные возгласы бандитов. — Почирикай его маленечко, сучонка.

Павел отодвигался сколько мог и когда длинноволосый наклонился над ним с ножом, ринулся вперед и пнул его между ног. Нож выпал у плюгавого из рук. А затем, вскочив, добавил скрючившемуся бандиту коленом в лицо.

— Ух ты! — цокнул языком Дэн. — Боевой петушок!

Они загнали Павла в тупик, где располагались гаражи. Боевики наставили на Павла оружие.

— Молодцы ребята! И ты тоже молодец! — веселился Дэн. Видно было, что ему не очень хочется прерывать это занятие. — Ты молодец. Ну во-первых, это было красиво. Потом это было сильно. И в третьих, нужна большая доза мужества. Да, мужества! — засмеялся он, а за ним остальные бандиты.

Павел молча стоял у стены гаража. Положение его было безнадежным: слева и перед ним его держали на прицеле боевики, да и у самого Дэна был в руках пистолет. Плюгавенький бандит тоже приковывал к ним.

В моей смерти прошу винить мою жизнь... — вспомнилось Павлу.

— Ладно, пора кончать с ним. — перестал смеяться Дэн. — С этим «героем».

Вспыхнули фары, взревел мотор. Это верный Болт направил свою машину на полной скорости на бандитов.

— Огонь! — еще успел крикнуть Дэн.

Боевики открыли беспорядочную стрельбу по несущемуся на них автомобилю, но «Семерка» просто снесла бойца в обгоревшей одежде и изрешеченный пулями Болт буквально впечатал Дэна в стену гаража. Тот упал грудью на бампер, изо рта у него полилась кровь.

Бандит, стоявший слева, продолжая стрелять по врезавшейся в стену и гудящей машине — мертвый Болт уронил голову на клаксон — направил автомат на Павла. Тумасов метнулся к стоявшему в оцепенении от увиденного плюгавенькому бандиту и вцепившись в него, развернул того на себя, используя в качестве щита от пуль.

Щит понадобился сразу: после очередных выстрелов бандит захрипел, обмяк и

навалился на Тумасова.

Марш-бросок на тридцать метров. До переулка. С трупом боевика на плечах. Парочка «пчел» прожужжала над ухом, когда Павел уже нырял в переулок, но и только.

Павел скинул с плеч ненужный уже груз и задал такого откровенного стрекача, какого не помнил за собой со времен, наверное, Карабахского конфликта с его вылазками на сопредельную территорию. Хорошо, что автоматчику пришлось вставлять новую обойму — фора в секунд пятнадцать — двадцать: пока, болезный, перезарядишь оружие, Павел уже растворится в южной ночи... Бегом!

Павел выскочил на дорогу — вдали маячили огни милицейской машины и гудела сирена. Видимо кто-то из жильцов ближайших домов все-таки услышал выстрелы у гаражей и вызвал милицию. Тумасов снова метнулся в темноту ближайшего двора. Так, дворами, он и добрался до своего дома и закрыв дверь за собой, подперев ее еще и шкафом.

А во всем остальном Павел поступил сегодня, вернее уже вчера, как последний идиот.

Глава одиннадцатая

Павел разделся и встал под душ. Болела нога после всего происшедшего. Издержки марш-броска? Ладно, сейчас примем душ и спать. Спать... Спать...

Он грезил во сне: в какой-то бухте он прыгал вместе с Натальей со скал в море, затем прыгал в воду один, выныривал и звал ее, стоявшую наверху, на камнях... А Наталья смеялась и махала ему рукой...

Павел с трудом открыл глаза, лицо Натальи растаяло, вместо нее возле двери на стуле сидел аккуратно стриженный человек с короткими усиками в халате, просматривал газету. Тумасов скосил взгляд — белым-бело. Больничная палата?

— Эй, мужик... Ты кто? — еле проговорил Павел.

— Расул! — отозвался сторож. — Отдыхай, герой. Я от Хамида Вахидовича.

А что произошло? Поподробней нельзя? Поподробней попозже, когда шеф придет.

После обеда пришли гости. Гостей было несколько, и одного из них Павел знал: Хамид-ака!

— Я что, ранен? — спросил Павел.

— Молодец! — откликнулся Гасанов и сел рядом на кровать. — Только пришел в себя, а уже разбираться начинает. Лежи-лежи. Рано. Лечись. В ногу тебя ранило.

— В ногу?

— Да, ты много крови потерял, но кость не задета. Поправляйся.

— Как вы меня нашли?

— В скорую звонила какая-то девушка, — вмешался один из пришедших с Хамидом, судя по солидному внешнему виду — врач. — назвала ваш адрес, сказала, что человек лежит при смерти. Мы приехали, входная дверь была открыта, а вы лежали на диване без сознания. У вас нога была сильно задета, опоздай мы минут на пятнадцать — вы бы кровью истекли.

— Какая девушка? — встрепнулся Павел. — Она назвала себя?

— Да, она представилась Натальей, сказала, ваша племянница.

— Как?

— Так и сказала, племянница. Мы вас сюда и привезли, пулю вытащили, а потом ваши друзья приехали.

Павел выразительно посмотрел на Хамида. Тот кивнул и все остальные покинули палату, в том числе врач.

— Эх, Паша, Паша, бедовая еврейская голова. — сокрушенно покачал головой Гасанов. — Таких дел натворил и сам чуть не погиб...

— А почему еврейская, Хамид-ака? У меня же отец осетин!

— Не осетин, а тат, Паша! То есть горский еврей. А девичья фамилия твоей мамы кстати, — Бердичевская. Вот и выходит по всем данным, что ты у нас гордый еврейский парень. Мы планировали средней руки провокацию, просто чтобы стравить две банды — но тут дилетант вмешался, все напортачил, моего помощника и себя под пули подставил. Знаешь этого дилетанта? Тумасов фамилия... Ну-ну-ну, не взбрыкивай, ведь все правильно, Ивану ты теперь по гроб жизни обязан... В общем, почестей от меня не жди.

— Наталья жива! Она ко мне приходила сама.

— Ты уверен в этом, Паша?

— Да. Она же разговаривала с врачом.

— Ну тогда я вообще ничего не понимаю.

— Мне нужно найти ее. Обязательно нужно найти. Помогите мне в этом, Хамид-ака.

«Интересно, когда и кто открыл дверь и оттащил шкаф», — мелькнуло в голове у Павла.

— Но где я тебе ее возьму? — удивился Гасанов. — Где мы будем ее искать?

— Где, где, где! — нервно передразнил его Павел.

Гасанов недоуменно уставился на него.

— Хамид-ака, мне очень нужна машина. — смягчив голос, подал назад Павел. — Она ушла сегодня утром, значит она где-то рядом и ее надо найти, понимаете, обязательно надо найти!

— Успокойся, Паша, — спокойно излагал Хамид Вахидович. — я скажу своим людям, чтобы они поискали ее.

— Спасибо. Кстати, как вы меня нашли-то?

— Мне мои люди сообщили о перестрелке у кинотеатра «Ашхабад», я сразу понял, что это с вашей парочкой связано. Более ценные сведения я получил от своих старых знакомых в главном управлении. Тебя не оказалось среди убитых, поэтому мы прошерстили все морги, все больницы в городе и нашли тебя. Вот еще, Паша, — доверительно сообщил Хамид Вахидович, — тебя в этой больнице как-бы официально нет. Это я сделал для того, чтобы тебя не донимали расспросами по поводу твоего огнестрельного ранения. Поправляйся, Паша.

— Я бы хотел уже сегодня выписаться.

— Не стоит Паша. Тем более, что тебя могут искать. Отлежись здесь пару дней, мои люди поищут твою Наталью.

— А я что, под охраной?

— Расул присмотрит, чтобы никакие посторонние люди к тебе не сунулись, мало ли.

Прошло еще два долгих, наполненных ожиданиями дня. Павел коршуном кружил по палате, не находя себе места. Визит Хамида Вахидовича не привнес успокоения.

— Мы не обнаружили никаких следов твоей сестры. Она словно растворилась в воздухе.

— Спасибо, Хамид-ака, я ее сам буду искать.

— Как твоя нога?

— Да заживает вроде, хожу без проблем.

— Не хочешь проконсультироваться у специалиста? Это Эрик Белявский, классный хирург, я тебе скажу...

— Хамид-ака, я хочу долеживаться дома. Муторно мне тут.

— Ну, Паша! Я покажу тебя все-таки ему.

Гасанов вышел из палаты и через несколько минут вернулся с блондином средних лет, правильные черты лица которого немного портил шрам на губе, уходящий в подбородок. Блондин первым делом нахмурился, оглядев Павла, и командно потребовал всем посторонним выйти из палаты — здесь врач распоряжается, а не кто-то там, пусть даже такие авторитетные люди. Можно, конечно, усмехаться, но даже Хамид Вахидович степенно покинул палату. Блондин усмехнулся и велел Павлу показать больную ногу. После чего достал из широкого кармана халата тонкую книжку, похожую на историю болезни и пролистав ее, невозмутимо скомандовал:

— Против выписки не возражаю. Долечиваться будете дома. — и развернувшись, скрылся в дверях.

Павел последовал за ним. Он увидел как блондин разговаривает с Хамидом

Вахидовичем, рядом почтительно держится брюнет с борцовской фигурой, приземистый, с квадратной физиономией и короткой стрижкой — наверняка шестерка Гасанова, как и Болт.

Увидев Павла, блондин ткнул в его сторону карандашом:

— Я-то думал, что-то серьезное, а у вас тут, считай, царапина. Да он через неделю бегать будет! Да, против выписки не вижу препятствий. — он сделал карандашом какую-то пометку в книжке. — И вообще, вы отняли у меня десять минут времени на такой пустяк.

— Это дорогой для меня человек. — важно заметил Хамид Вахидович.

— Хорошо. — блондин вместе с Гасановым пошли вперед по коридору, борец последовал за ними. — За здоровье пациента можно не беспокоиться... — донеслась до Павла фраза.

— Послушайте, — обратился он к высокому врачу в очках, до этого молча стоявшего у стенки и глядевшего в окно. — это случайно не Эрик Белявский?

— Да, это он.

— А что, он классный специалист?

— Да, высокого уровня.

— Хирург?

— Эрик специализируется на тяжелых и острых травмах, заработанных при разного рода несчастных случаях, вроде вашего. Всех побитых, порезанных, поломанных сшивает. Он вообще не здесь работает, пару лет назад его перевели в центральную клиническую, там он больших людей оперирует — чиновников из министерств и ведомств. — в голосе врача чувствовалась некоторая зависть. — Ну и некоторых наших военных, кого привезут из зоны боевых действий. Кстати, он в Питере стажировался, в академии имени Мечникова.

— Ясно...

Через пятнадцать минут Павел уже сидел в просторной «Тойоте» рядом с Хамидом Вахидовичем, а за рулем сидел тот самый борец-вольник. Переезд длился почти два часа, и все два часа пассажиры от души прикладывались к бутылке коньяка — нужно было снять стресс последних дней.

Они продолжили застолье на даче у Хамида Вахидовича, правда ворота открывал уже, увы, не Иван, а коротко стриженный загорелый молодой человек спортивного вида в светлых брюках и рубашке с закатанными до локтя рукавами.

— Хамид-ака, а откуда вы знаете этого Эрика?

— У нас с ним свои отношения, еще со времен, когда на него ребята Бека наехали и... отъехали — с моей помощью. Пришлось Беку даже из республики отправляться куда подальше. Но и он в свою очередь помог мне пару раз, когда оперировал в больнице моих парней, подстреленных в разных переделках. А знаешь, что интересно? От денег за эти операции он отказывался наотрез. У него свой кодекс чести.

Они выпили еще по одной рюмке.

— Напрасно ты тогда остался в баре, Паша... — вздохнул Гасанов — Я при любом раскладе со своими друзьями не хотел «светиться». А теперь пришлось влезть. Да ладно, не обо мне речь, да и Дэна уже нет! Другое дело, что теперь остальные предупреждены: началось!

— Извините, Хамид-ака. Я решал свои вопросы. Никак не хотел нарушать ваши планы.

— Кто знает, может, и к лучшему. Если так посмотреть, Дэн всем мешал в последнее время.

— Кстати, вы через своих людей тоже ведь наверняка прокачали мою фамилию, откуда

вы узнали об Акбарове?

— Да, это так.

— Ну и насколько она, информация, совпадает с той, что нашел нужным сообщить вам о себе я сам?

— Вот поэтому-то я и спрашиваю Пашу: не нужна ли ему какая-нибудь помощь?

— Машина разве что. И доверенность на нее.

— Хорошо, Паша. Завтра будет. По последней? — выверенным неверным жестом Гасанов плеснул очередную дозу коньяку.

— По последней! — согласился Павел.

— Ты думаешь, у тебя на квартире безопасно будет? — спросил Хамид, когда они с Павлом вышли во двор.

— Думаю да. Эти бандиты лишились своего главаря, теперь им не до меня будет.

— Хорошо. Аслан, отвези гостя! — махнул рукой шоферу Хамид.

Глава двенадцатая

Павел был снова дома. В своей разгромленной квартире, но своей. Он вскоре задремал в скрюченном, неудобном положении, даже толком не раздевшись. В этот раз кошмары его не мучали, не появлялась в его сне и племянница. Но как-будто к нему явился во сне некто и указал: вот он! Павел проснулся. Дэн! Вот кто ему был нужен! Точнее, уже не сам Дэн, а та информация, которая осталась после него.

Павел открыл глаза. Ничего себе! Он думал, что вздремнул на полчаса, а оказалось — уже без пяти семь утра.

Павел умылся, быстро размялся — отжимания на кулаках и пальцах, приседания, тренировка пресса, затем отправился на кухню. Деньги были на месте.

Хоть до кофе не добрались бандиты Дэна, когда громили квартиру — и на том спасибо. Эх, еще бы чего покрепче!

Выпив вторую чашку, Павел набрал номер Хамида.

— А-а, Паша, — в трубке раздался сонный голос Хамида Вахидовича. — почему ты так рано звонишь? Что-то случилось?

— Хамид-ака, вы можете по своим каналам узнать домашний адрес Дэна?

— Зачем тебе, Паша?

— Нужно.

— Ты опять что-то затеял, нет?

— Хамид-ака, это мое дело. Я просто разобраться хочу.

— Ищешь ты свою голову приключений, Паша. Ладно, я перезвоню тебе через пару часов. Устроит?

— Конечно!

А еще через час к Павлу заявился Николай.

— Привет, дружище! — Павел стиснул протянутую руку и обнял Николая.

— Здорово, кабан. Тише, не жми так, ты же меня раздавишь, — охнул от боли в ладони Столяров. — ну ты и поздоровел за эти дни! Не рука, а просто клещи какие-то. Ты что, все это время грузчиком подрабатывал, что ли?

— Каким там грузчиком. — и Павел рассказал историю последних дней.

— Значит и в баре тоже ты был. — протянул Николай.

— Она была у меня, — сказал Павел, рассматривая в окно проезжавшие мимо машины. — она приходила сюда.

— Ты так считаешь?

— Да. Ее голос слышал санитар в трубке. Что я тут лежу раненый.

— М-да, мистика какая-то. — Николай вздохнул.

Зазвонил телефон. Это был Гасанов.

— На, держи адрес этого Дэна.

— Спасибо! Записываю...

— Ты насчет машины спрашивал.

— Да, очень нужно.

— Все готово. Приедешь сегодня?

— Приеду.

— Хорошо.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Они снова пили чай — в этот раз зеленый. Павел сидел на веранде, в тени раскидистого дерева. Хамид накинул покрывало на крышу веранды, чтоб чуточку рассеять зной. Стояла жаркая парная духота.

— А это права, Паша... — Гасанов протянул карточку. — Можно было бы в ГАИ подскочить, доверенность в один момент нарисовать, но... тебе нужно в ГАИ? Или — так?

— Мне не нужно в ГАИ. — Павел щелкнул языком, помотал головой. — Мне — так.

Тумасов повертел документ в руках. А права, кстати — на Костина Алексея Константиновича. Хорошая фамилия, простая, незапоминающаяся... Что ж, он постарается, чтобы не было неприятностей у Костина Алексея Константиновича — и у мнимого, и у натурального.

Гасанов потянулся к бутылкам с минеральной водой.

Он налил в стакан минералки, бросил туда же щепотку соли, медленными глотками выпил, прищурив и без того узкие щелочки глаз, и со стороны нельзя было понять — жмурится он от удовольствия или не спеша разглядывает собеседника.

— Градусов тридцать пять сегодня, не меньше, — заметил Хамид и, наклонившись к Павлу: — пойдём, машину твою покажу.

— Пойдемте, Хамид-ака.

Они пошли к новому помощнику Хамида, который, звеня связкой ключей, возился у ворот гаража. Замки были защищены от взлома мощными стальными кругами, наваренными на одну из створок.

Наконец помощник снял замки и отпер протяжно заскрипевшие ворота.

— Прошу любить и жаловать. — сказал Хамид, приглашая Павла пройти внутрь.

Гасанов вошел в гараж первым, обходя по кругу стоявшую там синюю «трешку» «БМВ», Павел потянулся следом за ним. Помощник зашел последним, включил свет и прикрыл пронзительно скрипнувшую створку ворот. При неярком свете лампочки, качавшейся у низкого потолка, гости с интересом рассматривали хорошую машину, покрытую тонким слоем пыли.

— Ну как? — поинтересовался Хамид Вахидович. — Доволен?

— Спасибо, Хамид-ака. — довольно пробормотал Павел, заглянув в салон.

— Так вот, Паша... — сказал Гасанов.

За все надо платить. Сейчас Хамид налаживает контакты с людьми, которые занимаются темными тачками в столице и Питере. Они уводят их на месте и отдают по бросовым ценам. Можно будет очень выгодно брать темные машины у этих людей, ставить их в отстойники, перебивать номера, оформлять документы, а потом перегонять их сюда и продавать их как совершенно чистые. Паша согласен быть в деле?

Трудно было отказать. Все-таки Хамид втягивал Павла в свои дела.

— Хамид-ака, левые машины — не слишком удачная затея. Лично я против. — возразил Павел. — Я собирался заняться более легальным бизнесом.

— Паша, — Гасанов жестом приказал помощнику выйти. — по сравнению с тем, чем ты занимался в Москве, это — невинные шалости. Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Наше дело маленькое — купили, оформили документы и быстренько перепродали, в чем же здесь криминал? Это только бизнес, ничем не хуже, чем любой другой.

— Ладно, Хамид-ака, дайте мне десять дней. Я все-таки намерен найти Наталью. Надеюсь, за десять дней мне это удастся. А тогда мы вернемся к нашему разговору.

— Хорошо, Паша. Понимаешь, в наше время одному очень трудно не то что делать бизнес, а даже просто выживать. А в Москве мне про тебя очень хорошо говорили. Так что, обдумай все и присоединяйся.

— Хамид-ака, у меня еще одна просьба к вам.

Уже к семи вечера Павел, в компании Расула, того самого, что охранял Тумасова в больнице, подъехал на «БМВ» к дому Дэна. Дэн, он же Денис Тамразов, судя по информации, предоставленной Хамидом Вахидовичем, обитал в улучшенной «хрущевке» на окраине города. Никакого заранее обдуманного плана у Павла не было. Стоило посмотреть, что за хата у покойного Дэна.

«БМВ» Павел остановил за пол-квартала от пятиэтажки Тамразова. Расул пошел вперед на разведку, а Павел остался ждать в машине. Ждать долго не пришлось. Прошло примерно десять минут, когда появился Расул и пожав плечами, произнес:

— Я ничего подозрительного не обнаружил.

— Приготовим на всякий случай стволы. — заметил Павел, выбираясь из машины.

Двое мужчин в джинсовых куртках перешли через улицу, зашли в подъезд, поднялись по лестнице на третий этаж, остановились у входной двери, один из них, с тонкими усиками, надел перчатки и достал нечто похожее на универсальную отмычку.

Расул аккуратно двигал отмычкой. Наконец раздался долгожданный щелчок. Дверь отворилась почти бесшумно. Павел с Расулом вытащили оружие и аккуратно вошли в квартиру. Их опасения оказались напрасны — в жилище никого не было. Расул аккуратно прикрыл за собой дверь.

— У нас десять минут. — предупредил он.

Это была двухкомнатная квартира, небольшая. Лежбище. Большой стол в гостиной был уставлен бутылками, стаканами и тарелками с воткнутыми в остатки еды окурками. Было видно, что никто не заходил в квартиру примерно с неделю. На полу лежала тигровая шкура, а с потолка наблюдал за всеми немалых размеров нарисованный глаз, зрачок которого был в действительности лампой.

Кровать с неубранной постелью, на полу рядом с кроватью — пепельница, полная окурков. Боксерская груша в углу. Телевизор, видеомаягнитофон. Обрывки газет на полу. Осмотрев всю комнату, Павел заглянул под кровать, осмотрел ящики секции, заглянул в шкаф, затем встал на стул и провел рукой по верхней панели шкафа. Под руку попались какие-то прямоугольные картонки. Павел сгреб их к себе — это оказались несколько фотографий. Отряхнув их от пыли, Павел спрятал их в карман куртки.

— Что мы ищем? — спросил Расул.

— Информацию. — процедил Павел и подойдя к тяжелому, старомодному, не сочетающемуся с остальной обстановкой комоду, поверхность которого была усеяна разнообразными пятнами и кольцами от кружек, бросил отрывисто:

— Помоги отодвинуть.

Расул подошел, переложил стоявший на комодe телефон на кровать и навалился плечом. Коллективными усилиями задача была решена и солнечные зайчики уже играли по пустому углу комнаты с пожелтевшими обоями. Павел нагнулся и пошарил по полу. Взметнулось облачко пыли.

— Вот. — Павел выпрямился, держа в руке потрепанную средней толщины записную книжку в красной обложке.

Расул равнодушно взглянул на нее.

— Все?

— Пожалуй. — Павел пролистывал в книжке страницу за страницей. — Нам здесь делать больше нечего.

— Тогда бери полотенце, отпечатки везде сотри. — Расул куда-то позвонил по сотовому.

Вернувшись домой, Павел устроился на своем порезанном, но накрытом пледом диване в гостиной, рядом со столиком, на котором лежала принесенная Николаем спелая дыня с дачного участка. Тумасов просмотрел найденные фотографии — на них была изображена его племянница вместе с Дэном, на пляже, в ресторане, на улице. Затем он достал записную книжку Тамразова, полистал ее помятые, а местами разорванные страницы с номерами телефонов, переваривая полученную информацию. Собственно говоря, толку было никакого, так как сокращения Дэна могли быть понятны только ему самому.

Павел переписал все телефоны на отдельный лист. А что теперь? Какой из них может помочь в розысках Натальи? Похоже, придется пробивать все номера. Впрочем, деньги, хранящиеся в пакете в вентиляции, должны были помочь.

На Тумасова навалил сон и это был хороший сон. Он парил в космосе среди звезд вместе с племянницей, огибал планеты, уворачивался от комет и метеоритов. Потом племянница отделилась от него, взлетела немного вверх и появившейся у нее в руке кистью, словно дирижерской палочкой, стала рисовать ему какой-то образ, раз за разом, еще и еще... Павел силился понять знак, поданный ему, образ напоминал цифру... да, это была цифра... племянница рисовала одну и ту же цифру... много раз... Одну и ту же, перед самым его лицом...

Суббота. Утро. Павел и Николай сидели за столом, и завтракали, поглядывая на чистое голубое небо и жаркое майское солнце. Приближалось знойное бакинское лето.

— Ты хочешь помочь мне найти племянницу? — жевал бутерброд Павел.

— А как ты себе это представляешь? — Николай возился с омлетом. — Двое неравнодушных граждан?

— Примерно так. Рустик еще.

— Клуб самоубийц. — мрачно хмыкнул Столяров. — Спасибо за приглашение.

— Боишься? Я тебя понимаю. У тебя семья... — налил себе чай Павел.

— Боюсь... тебя самого едва не убили.

— Так тебе все равно?

— Надо ставить перед собой реальные цели, Паша. Ну не хочет она тебя видеть и все. Радуйся, что она жива.

— Тут что-то не то. Она пытается сказать мне что-то важное, но я не понимаю. Если бы я сам мог понять свои сны, Коля...

— Какие сны?

— Вот уже больше недели мне снятся очень странные сны. Когда ужасные, а когда приятные. Вот и в эту ночь...

— И что же ты видел?

— Видел... мы среди звезд... в космосе среди звезд... я парил в космосе, вместе с Натальей, которая рисует один и тот же образ.

— В космосе... Наталья... рисующая один и тот же образ... вот бред, так бред.

— Не образ, а цифру. Именно цифру и много раз. Одну и ту же.

— Ну может пояснишь? — Столяров явно выражал сомнения в психическом здоровье

Павла.

— Самое интересное, что я почувствовал, проснувшись, что где-то я уже видел эти цифры.

— Какие, где?

— Номер телефона. — Павел сбегал в комнату и вернулся с листом бумаги, исписанным в столбик телефонами. — Да, такой номер действительно существует! Представь себе, в одном номере есть целых четыре восьмерки! И именно эту цифру так настойчиво рисовала Наталья в моем сне!

— И это все? У тебя с мозгами все в порядке?

— Мы найдем, кому принадлежит этот номер! Он как-то связан с Наташей, я это чувствую!

Николай внезапно выпрямился.

— Ты с ума сошел, — сказал он. — нет, тебе положительно машиной башку задело тогда, у бара. — и допив чай, продолжал: — Собери-ка остатки разума, Паша. Взгляни правде в лицо. Тебя, похоже, ранило не в ногу, а в голову! Факт!

— Мы сейчас же поедem в справочную и узнаем все об обладателе телефона с четырьмя восьмерками! — не унимался Тумасов.

— У которого может находиться Наталья? Нет, ты совершенно спятил. Уже со времени приезда с тобой что-то творилось. — нехотя обувался Николай.

— Ворчишь? Узнаю старого доброго Николая. Поехали!

Глава тринадцатая

Используя несколько купюр из своей барсетки, Павел стал обладателем информации о владельце телефона с четырьмя восьмерками в шестизначном номере: Татьяна Анатольевна Белявская, художник — портретист, преподаватель графического дизайна в частной художественной академии.

— И что?

— А сейчас мы ее навестим.

— Как?

— Газеты надо читать.

— Пац, ты о чем? Какие газеты?

— У нее выставка в художественном музее неподалеку. — Павел достал вчерашнюю газету.

— А она там будет?

— «В том числе творческая встреча с автором» — процитировал Павел заметку.

— Знаешь, Паша, иди один. — хлопнул дверцей машины Николай. — Извини, но я не верю. Это все равно, что искать иголку в стоге сена. Созвонимся еще.

Он зашагал по направлению к автобусной остановке.

Приехав по указанному в газете адресу и припарковав свой «БМВ» на автостоянке в первом ряду, Павел обнаружил широкий автомобильный спектр. Можно было найти полную палитру от новеньких «Тойот», «Опелей», «Ниссанов», «Мерседесов» до «Жигулей» и «Москвичей» весьма древнего происхождения. Музей располагался рядом с вещевым рынком, который посещала публика самых разных социальных слоев и достатка. Два черных «Мерседеса» были, по-видимому, авторитетных людей, и один из шоферов профессионально-подозрительным взглядом зыркнул на Павла. Расслабься, дружок, подумал Тумасов, здесь все свои. Да и творческие люди не ходят с оружием. Нетворческие, правда, могут приходить и с ним (хотя Павел оставил оружие в машине).

Все эти размышления привели Павла к главному входу в музей, который был даже украшен какими-то сомнительными гирляндами. На том месте, где обычно висел план экспозиции, сегодня развевалось рекламное полотнище с надписью крупными буквами на азербайджанском «ВЫСТАВКА». Из открытых дверей доносились приглушенные голоса — по-видимому водили экскурсию. На входе Павел поинтересовался у пожилой женщины, читавшей журнал:

— Скажите, а где здесь выставка работ Татьяны Белявской?

Женщина подняла голову и равнодушно произнесла:

— Пройдете прямо, потом свернете налево по коридору во второй зал. Выставка там, где вывешены работы авангардистов...

Павел понятия не имел, кто такие авангардисты, но вежливо поблагодарил.

Тумасов прошел вперед по коридору, затем, как и было ему сказано, повернул налево. Творческая встреча с художником проходила по часто встречающемуся сценарию: сначала представление работ и рассказы автора о творческих поисках, а потом — неофициальная часть с ответами на вопросы зрителей. В такой последовательности был свой резон, так как гости имели более-менее определенное представление о работах художника и задавали относительно осмысленные вопросы.

Когда Павел появился в зале, встреча плавно подходила к концу. Гости выставки, которых набралось несколько десятков, из них большую часть составляли студенты, пригнанные преподавателем художественного училища, сидели в одном конце зала на расставленных полукругом деревянных стульях, что-то спрашивали, записывали и переговаривались. Часть посетителей бродила по залу, внимательно рассматривая картины на стенах. Перед сидевшими выступала сам автор экспозиции, расхаживая перед ними, словно по импровизированной сцене с указкой в руке. Рядом с ней на высоких подставках находилось еще несколько полотен, очевидно избранных произведений. Павел тихо подошел к ближайшей картине на стене.

— Как вы оцениваете эту работу? — вдруг резко поинтересовался у Павла стоявший рядом длинноволосый шатен лет сорока с несколько безумным взглядом. Одет шатен был в рубашку и легкие летние брючата, которые носят в домах отдыха почтенные отцы семейств. Брюки были светлые и держались на серых помочах. Он по-видимому составил определенное мнение и желал его подтверждения от других.

Павел замялся. Картина изображала огромную кухню, где большая часть ее была занята огромным котлом с многочисленными устьями под ним, из которых выбивалось пламя.

Главное было то, что в котле варились живые люди.

Некоторые пытались выбраться, другие хватались за своих соседей, кричали, корчили ужасные гримасы. Отчаянный страх, неслыханная мука запечатлелись в их лицах. Все было исполнено в ярких красно-оранжевых тонах с оттенками коричневого.

Ей-богу, подумал Павел, драться с Дэном и его подручными было для него куда более легким делом, чем вести разговоры о живописи.

— Так как? — требовательно повторил шатен, по-видимому, тоже из художников.

Павел оглянулся на сидящих в другом конце просторного зала. Встреча с автором, похоже, подходила к концу.

— Ну так... в общем... — неопределенно промямлил Тумасов.

— И что скажете? — не отставал нежданный собеседник.

У Павла на языке вертелись услышанные ранее «авангардисты», однако он осторожно произнес:

— Э... М-да уж... Оригинально... Э-э... Глубоко... Очень, знаете ли, жизненно... — сообщил он. Шатен бросил на него зверский взгляд, и Тумасов понял, что сморозил что-то совсем невпопад.

— В каком это смысле — жизненно? — угрожающим тоном поинтересовался шатен, дико оглядев Павла. — Не хотите ли вы сказать, что эстетика этой работы...

Спасло Павла окончание официальной части. Гости выставки встали со своих мест, заскрипели стульями, создав изрядную суету.

— Извините, зовут... — Павел юркнул в толпу, в центре которой царила Татьяна.

В толпе, сквозь которую Павел продирался, было много молодых лиц, очевидно студентов. То ли это было у них вместо лекции, то ли это были подопечные самой Татьяны. Аккуратно поработав плечами, Павел протиснулся в тесный кружок, где раздавала автографы сама художница.

— Татьяна, извините, — Павел придумывал фразу на ходу, чтобы привлечь к себе внимание. — мне кажется, что в ваших работах чувствуется влияние авангардистов.

— Авангардистов? Вот как? Интересно! — смеясь, воскликнула Татьяна и повернулась к Павлу.

Наконец-то Павел смог рассмотреть ее внимательно. Блондинка, особенно резко контрастировавшая на фоне окруживших ее местных слушателей, любителей живописи. Ее вполне можно было принять за жительницу прибалтики, латышку или эстонку. Короткая стрижка, серые глаза, тонкие губы, чуть-чуть кривоватый рот... словно слегка ухмыляется, подумал вдруг Павел.

— Просто у меня сложилось такое мнение... — добавил он.

— Дилетантская точка зрения. — кто-то перебил его.

— Вообще я много слышан о вашем творчестве... — пытался выкрутиться Павел.

Татьяна оценила его попытку познакомиться — стрельнула ему глазами, улыбнулась.

Павел наблюдал, как она подписывает какие-то буклеты и плакаты, понимая, что сказать ему больше по теме толком нечего. В живописи Павел был явно не силен. В общем, он ощущал себя по-дурацки.

Наконец Татьяна закончила раздавать автографы и сказав что-то стоявшему за ней высокому парню в очках, неожиданно сама подошла к Павлу, стоявшему неподалеку.

— Вам понравилось? — спросила она. — Рисуя портреты, я обычно работаю маслом, но иногда предпочитаю акварель. Я бы вам порекомендовала начать знакомство вот с этого...

Она подвела Павла к картине. На ней была изображена женщина, сидевшая за длинной скамьей и задумчиво грызущая карандаш. Рядом с ней были нарисованы какие-то книги.

— Студентка? — попытался угадать название картины Павел.

— Угу. Позавчера закончила. — любезно отозвалась Татьяна, по-прежнему улыбаясь. — Андрей, все готово? — обернувшись, спросила она у парня в очках, упаковывавшего картины с подставок.

— Сейчас, последняя осталась. — Андрей аккуратно сворачивал полотна краской вверх и упаковывал их в тубусы.

Павел внимательно поглядел на художницу. Она — на него. Как-то незаметно они сместились куда-то в сторону, подальше от хаотичной толпы посетителей. Возможно, его увела сама Татьяна: чтобы познакомиться лучше, к обоюдной пользе. Павел мельком подумал, что неслучайно ее телефонный номер оказался у Дэна в записной книжке: похоже такой мачо как Дэн не пропустил подобный экземпляр мимо себя. Павел всегда считал себя настоящим знатоком общения с женщинами. Противиться его натиску мало кто мог, и он таким вот образом умел найти подход почти к любой даме.

— Я в самом деле о вас слышан, Татьяна, — проговорил Павел. — ваше творчество оставляет неизгладимое впечатление.

— Каждому свое. — ответила она, сложив тубусы с картинами в «Найковскую» спортивную сумку.

— А остальные? — кивнул на стены Павел. Студенты за их спинами довольно быстро разошлись и в зале оставалось человек десять. Очевидно, наиболее стойкие ценители искусства.

— Остальные будут висеть еще несколько дней, — задумчиво сказала Татьяна. — для здешних мест народу ходит достаточно. Кстати спрос на картины есть, хотя почти исключительно в России и кое-где в Европе.

— Татьяна, — начал Павел довольно бодро. — я на машине... если вы не возражаете... могу вас подвезти. Если вы конечно, согласны...

Татьяна скосила голову набок:

— Я похожа на женщину, которую вот так вот сразу можно подвезти?

— Нужно подвезти. — вырвалось у Павла.

Они вышли из музея и направились к автостоянке. Павел сложил Татьянины картины в багажник.

— Меня, кстати, зовут Павел.

— Очень приятно, Татьяна.

— Вы в каком районе города живете?

— Я на побережье живу, в Загульбе. Довезете?

— Запросто.

Они приближались к взморью. Небо совсем расчистилось, всюду грело солнце. В открытые окна салона врвался жаркий южный ветер. Лето уже вступало в свои права. Буйно зеленели придорожные посадки, сквозь которые проступал берег моря. Спокойно урчал мотор. Покрытие трассы на этом участке было достаточно ровным и Павел шел под сотню. Обогнал белый «Фиат», плотно упакованный семейством — за стеклами виднелись детские мордашки и коричневый спаниель. Детишки дружно замахали Павлу руками. Он посмотрел на Татьяну. Она закатала до локтей рукава своей кофточки, расстегнула две верхние пуговицы. Полулежала на сиденье, положив голову на подголовник и подставляя левую руку ветру. Мурлыкала вполне музыкально, подпевая без слов битлам. Глаза у нее были полуприкрыты. Ей явно было хорошо, она отдыхала после утомительного дня. Вдруг глаза у нее приоткрылись и она легонько тронула Павла за плечо.

— Посмотрите туда, у вас нет желания пообедать?

Впереди, на обочине трассы торчал большой рекламный щит, закрепленный на металлическом каркасе. С него гостеприимно улыбался толстый кавказский человек в папахе и с шампурами в руках. За его спиной высились заснеженные соплеменные горы, которые пересекала широкая надпись, гласившая: «Шашлычный дворик! Остановись — не пожалеешь! Внимание, дорогой водитель! Впереди — 2 км — только у нас пять видов вкусных горячих шашлыков!!!» дальше еще шел какой-то телефон более мелким шрифтом, видимо для отзывов о качестве продукта. Слово «дорогой» было написано через «а», неизвестно, намеренно или по неграмотности. За аляповатой рекламой в духе незабвенного Остапа Бендера угадывался грунтовый съезд к виднеющейся вдали приземистой хибаре, полыхающей неоновой вывеской.

— Можно полюбоваться? Сбавьте скорость, Павел. — улыбнулась Татьяна. — В шашлычный дворик они приглашают! Кавказская кухня! — Тумасов сбросил скорость и произведение искусства медленно проплыло мимо них.

— Попробуем? — предложила Татьяна.

— Почему бы и нет, — согласился Павел.

Из сверкающих хромом динамиков корейского стереокассетника популярная российская и европейская музыка вырывалась и смешивалась с ароматным шашлычным дымом типичной кавказской придорожной забегаловки. Магнитофон стоял в углу под потолком узковатого помещения на подставке. Дверь на кухню была открыта, где виднелся длинный мангал, у которого шустрили двое черноусых молодых людей в грязноватых белых куртках. Бизнес у шашлычного дворика развивался: возле кафе было припарковано несколько легковушек и стояла мощная фура с киевскими номерами. Кто-то пил пиво рядом со стойкой, другие сидели на свежем воздухе на раскладных стульчиках за пластмассовыми столиками, уминая шашлыки с помидорами и свежей зеленью. Из кухни доносился веселый смех черноусых красавцев, бармен отпускал комплименты всем посетительницам без

исключения.

Майское солнце жарило безжалостно, в сухом, душном воздухе плавал тополиный пух, белыми лохмотьями катаясь по асфальту. Однако под широким тентом было вполне уютно.

Павел с Татьяной расположились за столиком в дальнем углу и стали уплетать с картонных тарелочек куски сочного мяса. Павел взял себе минералки, а Татьяна запивала шашлык яблочным соком. От кока-колы, которой торговали красавцы, она отказалась, с презрением в голосе заметив, что от этого мерзкого пойла можно только целлюлит нажить. Татьяна рвала мясо большими белыми зубами. И у Павла настроение теперь было отличное. Неизвестно, что именно так на него повлияло: может быть то, что он встретился с симпатичной женщиной, которая, к тому же могла что-то знать о Наталье. Трудно сказать, но Павел ощущал приближение к какой-то цели, пока еще очень расплывчатой и смутной.

Глава четырнадцатая

Да, Татьяна имела отношение к миру искусств. Вечной студенткой АГУКИ еще никто не назывался...

— Дома, наверно, муж ждет, семья?

— Я не замужем, если хотите знать. Живу с братом. В одной половине дома живу я, в другой — он. Правда брат почти не бывает там, по специфике работы он вынужден большую часть времени проводить в городе, там и снимает квартиру. Так что я одна веду хозяйство. А вы не местный, я вижу?

Павел помедлил с ответом, делая вид, что чрезвычайно занят процессом наливания минералки в пластиковый стаканчик. Вопрос был для него слегка неожиданен.

— Я родился и вырос в Москве, — наконец ответил Павел. — а в Баку приехал к родственникам.

— Интересно! Ну и как сейчас в белокаменной? Здорово?

— Не то слово.

— А чем вы занимаетесь в Москве? — не отставала она.

— Строительным бизнесом.

Павел не хотел распространяться о своих столичных делах и попытался побыстрее свернуть разговор на другую тему. Но Татьяна не унималась:

— И что вас привело ко мне на выставку?

Павел процедил сквозь зубы себе в горло остатки сильно газированной минералки. Татьяна оказалась весьма любопытной особой.

И тогда он решил сделать шаг вперед, словно прыгнуть с вышки в холодную воду.

— Я одно время работал с человеком по имени Денис. Он тоже местный, бакинец. Он мне рассказывал, что знаком с очень талантливым художником, портретистом. А мне как раз хочется заказать себе к дню рождения хороший, качественный портрет. Вот я и набрел на вашу выставку, — неуклюже пошел напролом Павел. — мне очень понравилось.

По лицу Татьяны прошло заметное облачко, которое впрочем тут же растворилось.

— Я многое могу... — пробормотала она. — что ж, ну спасибо, Павел. Вы радушный хозяин, — Татьяна допила сок и положила локти на столик. — думаю, мы можем ехать.

«БМВ» неслась по шоссе вдоль моря, плавно вписываясь в повороты.

— Поверните вот там направо. — указала Татьяна.

Павел, следуя указателям, аккуратно свернул направо. Татьяна направляюще махнула рукой:

— Туда, в гору.

Тумасов свернул с шоссе на проселочную дорогу, сбросив скорость аж до пятидесяти — качество дороги было не ахти.

— Прямо? — спросил он.

— Пока да. — протянула Татьяна, потягиваясь на заднем сидении. Она достала из сумочки крошечные наушники и вставила кассету в аудиоплеер «Сони». Затем надела широкие темные очки, потом наушники и отвернулась к окну.

Тем временем Павел заехал в лесопосадки из кипарисов и сосен, в район, где находились бывшие ведомственные санатории, в том числе КГБ. Теперь большая часть из них была полуразрушена и пребывала в запустении. Через пару километров показали и

дачи местных жителей — от покосившихся убогих строений середины века до роскошных вилл новых хозяев жизни. Навстречу иногда попадались легковушки.

Тумасов посмотрел в зеркало. Глаз Татьяны не было видно за непроницаемо-черными стеклами очков. Она немного сползла на сиденье. В ушах все так же торчали наушники «Сони». Судя по всему, она невозмутимо смотрела вперед.

Мимо проплывали чахлые сосенки, образовавшие жидковатый перелесок. Павел прибавил скорость и быстро взобрался по довольно крутому подъему. Теперь море фактически было под ними.

Дома потихоньку растаяли из виду. На узкой плохо заасфальтированной дороге, обрамленной кизилом и ореховыми деревьями машина вела себя непредсказуемо и Павел стал бросать взгляды в зеркало на свою спутницу — уж не сбились ли они с пути?

— Вот здесь тормозните! — наконец донеслось сзади.

Павел остановил машину. Выйдя из душного салона он осмотрелся по сторонам. Дом, где жила Татьяна с братом, находился несколько на отшибе, в предгорье. Дорога здесь оканчивалась тупиком, за которым начиналось сумрачное ущелье, сплошь заросшее кизилом и диким виноградом. Само жилище словно прижалось к достаточно крутой горе. Хотя море было видно словно на ладони, Павел прикинул, что до него больше километра.

— Спасибо, что подбросили, — Татьяна тем временем вылезла из машины, потянувшись, подошла к Тумасову. — а то мне пришлось бы на автобусе пилить, а потом еще пешком по жаре в гору.

— Здесь разве ходит автобус?

— У него конечная остановка внизу, километра полтора отсюда, где бывший санаторий нашего совмина располагался.

— И вы так каждый день по полтора километра ходите?

— Ну я же не на каблуках хожу, — рассмеялась Татьяна. — к тому же меня порой брат подбрасывает на своей машине, да и велосипед у меня есть на крайний случай.

Павел бросил внимательный взгляд на Татьяну. Да, ей где-то двадцать шесть — двадцать восемь. Очевидно, значительную часть времени она проводила на свежем воздухе, и это отразилось на ее лице — обветренном и загорелом. Волосы ее были даже не столько светлые, сколько выгоревшие, а серые глаза откровенно оценивали его. В ее голосе присутствовал некий оттенок величия, будто она была кем-то более важным, чем выглядела.

— Ваши картины. — Павел открыл багажник и отдал сумку Татьяне.

— Спасибо. И давайте в следующий раз называть друг друга на «ты».

— Не возражаю. Когда мы с тобой увидимся в следующий раз? Я все же хочу у тебя заказать портрет и возможно не только свой, а пары своих коллег тоже.

— Да можно хоть завтра, тем более это воскресенье, я совершенно свободна.

— Тогда давай в семь вечера... — Павел задумался, решая, куда отвести Татьяну приятно провести вечер. — в ресторане «Караван». — наконец принял решение он, вспомнив о приятно проведенном вечере с друзьями по прилету в Баку. — Устроит?

— Это который недалеко от драмтеатра?

— Именно тот.

— Хорошо, я согласна.

— За тобой заехать?

— Это было бы неплохо.

— Тогда я примчусь к тебе на своем «БМВ» как принц на белом коне, — улыбнулся

Павел. — а потом у нас будет небольшой «сейшн».

— Значит, до завтра. — выжидающе посмотрела на Тумасова Татьяна и дважды повернув длинным ключом в замке, открыла достаточно тяжелую кованную калитку. Помахав рукой Павлу, она скрылась за ее мощным четырехугольником. Было слышно, как каблуки ее летних босоножек ровно отстукивают по каменной дорожке.

Павел оглядел жилище художницы. Оно показалось ему похожим на бункер, не слишком гостеприимным. Высокий забор, увешанный плющом и диким виноградом, из-за которого виднелся двухэтажный приземистый дом с плоской, покрытой кованным железом крышей. Нестандартные маленькие окна только усиливали впечатление крепости. Собаки, однако, у хозяев не было.

«И как ей тут не скучно одной жить» — подумал Павел и не спеша выкурив сигарету, завел мотор. От изнуряющей летней жары лучшего лекарства, чем купание в море, нельзя было придумать.

Он поехал на чудесный песчаный пляж.

Глава пятнадцатая

Вечерело. В этом месте пляжа на берегу было пустынно и тихо. Оставив машину в зарослях неподалеку, Павел, искупавшись, сидел на вполне еще горячем песке. Стояла тишина, только слышны были крики чаек и возгласы компании, игравшей в волейбол вдалеке. Но тишина, казалось, тоже имела свою мелодию: все явственнее Тумасов даже не слышал, а словно ощущал всеми фибрами своего тела легкий прозрачный звон, проникавший в его сознание. Он облокотился на разложенное полотенце и стал смотреть вдоль берега вдаль. Воздух там, казалось словно сгустился и приобрел форму спирали. Спираль непрерывно вращалась и медленно двигалась в его сторону.

«Что за ерунда», — подумал Павел.

Вихрь неуклонно приближался к нему. И все увеличивался, набирал силу, густел, отдавая водяными бликами...

«Странно,» — пригляделся Тумасов. — «здесь, на берегу...»

Смерч был уже метрах в десяти от него. Он бешено крутился песчаным облаком, втягивая в себя разный сор, валявшийся на берегу.

Павел вскочил. В следующую секунду ему показалось, что внутри вихря есть что-то еще, кроме песка и мусора. Он присмотрелся... Неясный силуэт в воздушной трубе стоял, не двигался — словно статуя.

Тумасов, отбросив предосторожность, подошел поближе.

Но тут раздался легкий хлопок — и вихрь исчез. Перед ним стояла Наталья. В каком-то бесформенном буром странноватом одеянии от горла до пят, словно в коконе, но это была она, племянница.

— Это ты? — Павел протянул руку к ней. — Что ты здесь делаешь?

Но в этот момент смерч снова закрутился, вобрав в себя Наталью целиком и стал стремительно удаляться от Павла, обдав его только струей горячего сухого песка, набившегося Тумасову в глаза и носоглотку.

— Стой, Наташа! Подожди! — Павел бежал за загадочным вихрем, на бегу протирая слезившиеся от песка глаза. — Подожди, Наташа, куда ты!

Но вихрь все ускорялся и расстояние между ним и Павлом все увеличивалось, пока странная песчано-воздушная конструкция не растаяла в сумерках.

Запыхавшийся Павел добежал до волейболистов, лениво перекидывавших друг другу желтый покрытый влажным песком мяч.

— Эй, — окликнул он того, кто держал в руках мяч. — вы не видели тут девушку?

Тот пожал плечами.

— Девушка, тут пробежала только что, понимаешь?

— Да никого тут не было.

— Какая дэвушка, ты что, перегрэлся дарагой?

Этот вопрос был задан загорелым парнем в цветастых шортах, таким тоном, как если бы парень с мячом спросил: «Ты что, идиот?». Павлу стало не по себе. Он не хотел признавать, что пал жертвой галлюцинации.

Поэтому он не сдавался.

— Да тут мимо пробежала.

Игроки переглянулись между собой.

— Ми дэвушэк никогда не пропускаем. — волейболист подал на соседа мяч, что означало продолжение игры.

Павел потер слезящиеся от песка глаза и вгляделся вдаль.

— Где же она...

Вдали ничего уже нельзя было толком разглядеть.

— Искупись, дорогой, все пройдет! — один из парней сильными, мускулистыми руками подкинул мяч.

Павел, не желая вступать с ними в споры, побежал дальше вдоль берега, но никого вокруг не было, хоть сколько-нибудь походившего на Наталью. Павел упрямо бежал вперед, пока наконец не увидел стоящую на каменном моле женщину в накидке, кормившей чаек.

— Наталья? — подбежал он к ней и схватив за плечи, развернул к себе.

Но вместо хорошо знакомых черт увидел неприятное испитое лицо женщины предпенсионного возраста со следом маленького ожога на подбородке.

— Извините, обознался. — пробурчал он, быстрыми шагами уходя прочь.

Утро выдалось на удивление пасмурным. Павел едва смог оторвать голову от подушки и сонными глазами глянул в незашторенное с вечера окно. Дым из трубы над заводским корпусом, находившемся неподалеку, изгибаясь чёрно-белой петлей, уходил в облака.

А из головы все не шел дурацкий сон, приснившийся ему этой ночью.

И вправду, очень странный сон...

Тумасов проснулся с тяжелой головой, словно вечером напился, и было такое чувство, будто он вовсе и не спал в эту ночь, будто всю ночь он где-то пробродил, прошлялся — а где, и не припоминается теперь, — отчего-то тупо смотрел в одну точку, потом упорно размышлял, в общем, вел себя как человек, пытающийся поймать за хвост смысл чего-то ускользающего, и виной всему — сон с повторяющимся из раза в раз с сюжетом, разве что с небольшими отклонениями.

Племянница вертелась, танцевала перед ним, грациозно и легко, как пушинка. Улыбалась ему ровными белыми зубами. А затем — растаяла словно снежинка.

Зато Павел очутился вновь в комнате с цементированным полом. Неяркая одинокая лампочка над потемневшим от времени столом... он явственно слышал за спиной чье-то хриплое дыхание, а потом доносившийся оттуда глухой звук, словно где-то выбивали ковры.

По полу волокли нечто довольно тяжелое... И опять эта рука с топором. Рука мужская, крепкая и мускулистая. Длинными сильными пальцами она умело управлялась с топором, обмотанным широкой синей изоляционной лентой.

— Кр...рак! — опустился топор. И под ноги Павлу с низкого широкого стола свалился большой кусок розового мяса. Снова, как и в предыдущие разы, мясо... но! Не поросенок, не барашек, не дичь какая-нибудь, а именно — человек.

Когда Павел наяву ощутил то, что он видел во сне, дрожь пробрала его с головы до пят, хотя он считал себя очень бывалым и многоопытным человеком, побывавшим во многих переделках. Он видел, явственно видел в своем сне татуировку на белой шкуре окорока — саламандру, узкую сверху и более широкую внизу.

Вот эдакий буквальный вздор уже не в первый раз привиделся ему нынешней ночью.

Будучи человеком отнюдь не мнительным, Павел тем не менее чувствовал, что даже эта татуировка ему уже где-то встречалась.

Он поднялся нехотя с постели и взглянул на часы. Они показывали восемь утра, хотя за окном уже всюду светило солнце и улица гудела насыщенной восточной жизнью, — да, часы

показывали только восемь утра и Павел этому не поверил.

Павел подошел к телефону и взял свои «Сейко».

Десять часов двенадцать минут.

Что ж, решил Павел, пора заняться личными делами.

Он оделся, протопал на кухню и заварил кофе для вдохновенного старта нового дня, который должен был увенчаться «сейшеном» с Татьяной.

Закурив, Павел стал рассматривать фотографии, найденные им на квартире Дэна.

Дэн с Натальей, Дэн с другими людьми, Павлу совершенно незнакомыми...

Его внимание привлекла самая первая фотография, которую он обнаружил засунутую под табличку с номером его квартиры на двери на второй день после его приезда в город.

Наталья с Дэном на пляже. Может быть, даже там, в Загульбе. Дэн приобнимал Наталью за талию. Фигура племянницы выглядела весьма гибкой — недаром она всегда любила спорт, — вспомнилось Павлу. И природная гибкость позволила ей максимально приблизиться к замыслу фотографа.

Стринг — бикини выгодно подчеркивало ее фигуру. Было в этой стройной и привлекательной фигурке племянницы еще кое-что необычное — то, что подчеркивалось позой. Зрительское внимание притягивала большая необычной формы родинка пониже спины. Снимок, кстати, был достаточно художественным.

Павел выпил чашку кофе, заварил еще. Что-то было в этом глянцево-квадратике, запечатлевшем одно из мгновений бурной жизни Натальи — но только что?

Они приблизил фотографию к глазам — ничего необычного. Если только...

Павел наспех оделся, натянул тесноватые кроссовки, купленные пару дней назад в местном магазине и спустился во двор. Машину он вчера припарковал неудачно, и ему пришлось потратить почти десять минут, чтобы выбраться со стоянки. Фотоателье «Феникс» разместилось на Николаевской улице. Было видно, что хозяин «Феникса» любит свое дело — на витрине красовались любительские кинокамеры, кинопроекторы, увеличители, длиннофокусные объективы и многое другое, столь же интересное и соблазнительное.

Он вошел в помещение, раздвинул портьеру и появился в фотопавильоне. Стук по прилавку и оклики результата не принесли и Павел отправился на экскурсию по всему ателье. Отыскать хозяина Павлу удалось далеко не сразу: только в каком-то закутке за туалетом тот был найден. Им оказался благообразный худой старичок, который склонившись над столом с фотографиями, фантазировал с ножницами в руках; он невнятно напевал под нос какую-то незнакомую песенку.

— Вы — мастер Зельцерман? — нетерпеливо проговорил Павел, изображая раздраженного клиента.

— Я Зельцерман, я, — почему-то встревожился старичок. — а что такое? Если вы насчет лицензии, то Александр Анатольевич сейчас в Стамбуле, но все бумаги, вся отчетность, я вас уверяю... У нас серьезная фирма. У нас даже депутаты фотографируются...

— Я не по поводу лицензии, — сильно смягчил голос Павел. — я клиент. Хочу у вас увеличить одну фотографию...

Он достал фото с изображением Натальи и Дэна.

— Покажите пожалуйста, — с интересом протянул Зельцерман. — о-о, молодой человек, я вам сделаю любой размер, какой вы пожелаете! Я в свое время фотографировал людей из окружения Ахундова и Алиева, а уж всяких лауреатов и передовиков производства — не счесть! наших спортсменов снимал для газет и журналов, Гарри Каспарова, в том

числе. Ваше фото я обработаю в лучшем виде. Кстати, рядом с очаровательной дамой стоите как-будто не вы?

— Ближе к делу, — одернул пустившегося в воспоминания старого фотографа Тумасов. — какие у вас есть размеры? Можете сделать десятикратное увеличение фото?

— Э-э, вам для плаката, иллюстрации, постера? — блеснул знанием современных терминов старичок. Он одной рукой вытянул ящик стола, повозился там и сказал с торжеством: — Вот, пожалуйста! У меня заказали для одного научно-популярного журнала. Формат а-два, можно на стенку вешать. Устраивает это вас?

— Разрешите. — Павел протянул руку и взял одно из фото. — Ну, что же, качество хорошее, но мне хотелось бы еще побольше фото, понимаете? Мне очень нужно.

— Думаете, формат бэ-два подойдет? — вопросительно уставился на фотографии Зельцерман. — Маловероятно, слишком размытое изображение получится. Размеры исходного фото, знаете ли...

— Сделайте несколько вариантов, а я выберу понравившийся. — нашелся Павел. — Вас устроит такое предложение? Расходы будут оплачены.

— Вы имеете дело с профессионалом, — неожиданно гордо сказал старикан. — я и более сложными вещами занимался. Зайдите-ка часиков этак в три.

Проводимый воспоминаниями старого фотографа о его несомненном мастерстве в увековечивании партийных бонз разного калибра, Павел вышел из душного ателье.

Время до выполнения заказа он даром не терял, заказал столик в ресторане, решил проблему с транспортом, найдя действительно хорошую охраняемую стоянку для «БМВ» неподалеку от театра и сгораемый нетерпением, поехал к Зельцерману.

Старичок разложил на выбор перед ним пять или шесть увеличенных изображений принесенной Павлом фотографии. Надо отдать должное старому мастеру — резкость, контраст, яркость — все это очень гармонично сочеталось практически на всех экземплярах фото. Павел повертел несколько из них в руках и после непродолжительного раздумья указал на наиболее удачный на его взгляд вариант.

Расплатившись с фотографом и аккуратно упаковав свернутое трубочкой фото, Тумасов сел в свою машину, где разорвав целлофан, внимательно еще раз изучил увеличенный снимок. Работа была проделана настолько мастерски, что можно было обойтись даже без лупы, но тут Павла прошиб холодный пот. На упругой ягодице Наташи четко вырисовывалась отнюдь не родинка, а татуировка в виде саламандры. Длинная, узкая сверху и постепенно сходящая к бедру... татуировка из его сна!

Глава шестнадцатая

Какое-то время Павел отрешенно сидел за рулем и курил. Никакие комбинации в голове не выстраивались. Так дальше дело не пойдет. Он выкинул недокуренную сигарету в окно и протянул руку к рычагу переключения скоростей.

Кто-то постучал сбоку в стекло.

Павел медленно, очень медленно повернул голову.

Перед ним стоял смуглый милиционер. Лейтенант. За ним виднелся мотоцикл с коляской. Тумасов даже не услышал, как он подъехал!

— Вы что, не видели знака? — спросил он по-азербайджански.

— Нет. — растерянно покачал головой Павел.

Он мотнул головой назад:

— Нэт, — он перешел с азербайджанского на русский. — стоянка тут запрещена. Покажите ваши документы.

Павел брился тщательно, обильно намыливая щеки. Проводя в очередной раз по подбородку новыми «Жиллетт», он зашипел, пена приобрела розоватый оттенок.

— Ну что за дела, блин! — заорал Павел на свое отражение в зеркале.

Дневная разборка с гаишником его изрядно вывела из равновесия. И хотя все обошлось, — десятка баксов, которые он с жадностью заглотил, не в счет, — но нервы совершенно не хотели слушаться Павла, все валилось у него из рук.

Павел чувствовал, что ничего не складывается именно из-за этого фото, изображения его сестры с татуировкой на ягодице, которое странным образом переключивало к Павлу в его сны.

Наконец Павел побрился, изрядно сбрызнув себя одеколоном, и облачился в более чем приличный финский костюм Николая («Как влитой сидит! Дарю!» заявил еще в первый день Столяров) — «клубный» пиджак, брюки с бритвенной стрелкой. Московская пара туфель пришлась как раз в тон. Ну и галстук — не проблема: с Николаем комплекция у Павла была одна.

Ну теперь можно и в ресторан. Не посраим! Верно!

Когда Павел подъехал к дому Татьяны, она его уже ждала. Синяя блузка с широким воротом, и мини-юбка весьма сильно в обтяжечку по моде, да... поехали.

А веселиться Павел умел. И официанты, и музыканты в курсе. Он свое дело знал обещание держал: цветы, шампанское, шоколад, кофе, ликер. Татьяна вертела белокурой головкой на длинной изящной шее. По-моему, она чуть обалдела от новизны впечатлений и обстановки — ребятки-официанты обслуживали ее деликатно и уважительно, не подпуская перебравшего хамья.

Павел сам чуть обалдел — за последние дни на него свалилась такая уйма событий и информации, что ресторан явился отличной отдушиной от всего этого. Ну и стоит надыхаться полной грудью!

— Эту песню мы посвящаем нашему гостю из Москвы Павлу! — рывкнул звонким голосом в микрофон солист.

И поскакали! Что ж, сейшн так сейшн! Расслабленный Павел, обалдевая Татьяна — она очень трогательно «поплыла», ликерчик «Куантре» ей впервые преподнесли, мягенький, апельсиновый, французский, и почти сорок градусов абсолютно незаметны... поначалу. И

«Кюрасао»! И «Кяпаз»! Павел тоже уже немного «поплыл». Чего уж тут уж!

Стюардесса по имени Жанна! — доносилось со сцены.

А потом Саша, зам администратора, приятель Рустама, ловил «мотор», строго-настрого втолковывал водиле: «Шеф, ты понял?! До самых ворот! Танечка, какой у вас адрес?», махал рукой вслед. А Павел ему, в ответ.

А потом их кидало друг к другу на поворотах. Потом кинуло друг к другу уже без всяких поворотов. И она в ликеро-коньчном полузабытьи шептала ему на ухо всякую ерунду...

А потом они остались вдвоем у калитки и Павел ловко управился с ключом, распахнув тяжелую дверь.

— Прошу.

А потом уже Татьяна набирала на входной двери код и они наконец оказались в доме.

Однако! Очень недурственно даже по московским меркам. Уже с порога Павлу показалось, что вся обитель Татьяны была обставлена «по последнему слову техники», и вокруг просто витало неуловимое ощущение достатка.

В ее комнате был некоторый беспорядок, но даже он не мог скрыть роскоши.

Пол был устлан великолепно расшитым ковром. В одном углу компьютер, на стене корейский телевизор с плоским экраном, видео, на письменном столе музыкальный центр с колонками. Еще есть финская секция, куча картин на стенах и зеркало в красивой раме. В такой обстановке можно было принимать гостей самого высокого ранга.

— Тебя мучает жажда?

— Как и тебя.

— Ты пьян?

— Немного.

— Тебе не кажется, что хватит с тебя?

— Не волнуйся, пока у меня в глазах не двоится и я не начал читать стихи... мебель разваливается. Как будто я... пожалуй нужно еще выпить. Ты будешь?

— Разве что... шампанского.

— Шампан-н-нсква!!!

— Любовное письмо? — спросила Татьяна, когда из кармана пиджака Павла выпал конверт с фото Натальи и Дэна.

— Всего лишь опись мебели в квартире, арендуемой одним превосходным джентльменом с безупречной репутацией. — нашелся Павел, резким движением подняв конверт. — Холост, гражданин двух государств, бизнесмен по профессии, соблазнитель женщин по призванию.

— Сложное объяснение! — усмехнулась Татьяна и начала раздеваться перед зеркалом.

— А сейчас что ты делаешь? — спросил Павел.

— Я одинокая эротичная королева любви. Королева магического стриптиза. — повернулась к нему Татьяна.

— Старомодно и скучно. — изрядно захмелевший Павел разлегся на кровати.

— Ты не понял, я колдунья, мне нельзя сопротивляться. — Татьяна кошкой забралась на кровать и вопросительно посмотрела на Павла.

— Иди. Иди сюда. Иди.

Та-ак, пошла очередная бессонная ночь...

Заиграла музыка вместо будильника. Павел недовольно заворочался и поднял голову. Мелодия из популярного клипа волнами расходилась по комнате.

— Подъем, как там у вас в армии говорят. — выйдя из ванной, Татьяна в пестром бело-розово-черном халате прошла по комнате. Да, женщины не зря считаются выносливей мужчин.

— Говорили. — потянулся Павел.

— Вставайте граф, вас ждут великие дела.

Павел слушал музыку и рассматривал картины на стенах. Стиль был точь в точь, как на выставке, поэтому не было никаких сомнений, что это Татьянины картины.

— Таня, а это чего, все твои картины?

— А тебе чего, не нравится?

— Да нет, почему. Просто мне более яркие цвета нравятся, да и чтоб реалистичнее было.

— Ну и тогда чего ты здесь сидишь? — уставилась на него Татьяна.

Давай двигай, мне некогда, надо курсовые у моей группы проверять.

— Да ладно, не обижайся.

Павел, надевая туфли, обратил внимание на картину, на которой по мутным волнам широкой реки плыл бесконечный плот, только вместо бревен он состоял из мертвецов. На самом переднем плане стоял, высоко подняв голову, паромщик. Высокая, закутанная в пурпурную мантию фигура, с бледным тощим лицом. Абсолютно безумный взгляд его был тупо устремлен вперед. Он вонзал в речное дно мощный багор и гнал свой ужасный дредноут вниз по течению.

— Просто там такие сюжеты не поймут. Они не настоящие.

— Где там?

— На войне. — глянул ей в глаза Тумасов.

— На какой войне, Паш? Здесь мир, здесь другие законы. И я эти картины рисую, понял?

— Знаешь, ты мне очень понравилась. И не из-за этого. — Павел, стоя зеркала, заправил рубашку в брюки, поправил ремень, уложил с помощью расчески свою длинную шевелюру.

— Я тебе подарю несколько альбомов с репродукциями известных мастеров, чтобы ты не думал, что живопись это только картины в духе соцреализма, отображающие достижения народного хозяйства. — фыркнула Татьяна.

— Мы сегодня увидимся? — уже в прихожей Павел надевал пиджак. — Тебе ведь все равно в город надо.

— Не раньше четырех, когда жара спадет. Но где мы с тобой пересечемся?

— Может посетим старый город? Погуляем по набережной?

— Старый город? Сто лет там не была. Действительно, почему бы и нет.

Они начали прогулку с осмотра Девичьей башни, затем пройдя через восточные ворота, вошли в старый город. Прогулялись по базарной площади. Азербайджанский июнь изнурял их непроходящей душной жарой. В воздухе у земли висело марево. На узеньких улочках народу почти не было. После посещения дворца Ширваншахов Татьяна предложила посидеть в каком-нибудь кафе.

— Тебе нравится Баку?

— Этот уголок Баку напоминает мне Париж. Это красивый город.

— Была там?

— Да, с братом. Отдаленные воспоминания, слишком сумбурные.

— Что еще тебя привлекает?

— Драгоценности. — Татьяна резко отмахнулась от назойливой толстой чайки, едва не опрокинув бокал с вином.

— Ты боишься птиц?

— Немного.

— Почему?

— У них есть перья. — отряхнула юбку Татьяна.

— Ты всю жизнь прожила здесь на побережье и ты не любишь чаек?

— Не-а.

— Сердца! Предлагаю сердца! Бывшие в употреблении! Дешево! Очень дешево! Сердца на продажу! Хорошие сердца! Почти не ношенные! Дешево! Очень дешево! — донесся голос. Взору Татьяны и Павла предстал старик с небольшим прямоугольным деревянным ящиком, который он нес на плечах, шедший по противоположной стороне улицы. Это был обыкновенный нищий полуидиот, какие довольно часто встречаются в южных городах. Тем не менее Татьяна вздрогнула и изменилась в лице.

— Давай Паш, пойдём отсюда. Здесь слишком жарко и шумно.

Глава семнадцатая

Павел удивился столь переменчивому поведению своей спутницы, но ничего не сказал.

Он вел «БМВ» на небольшой, километров в шестьдесят, скорости, по узкой, плохо заасфальтированной дороге. Несмотря на то, что окна в машине были открыты, это не спасало от жары, не думавшей отступать. Татьяна в этот раз сидела рядом. Павел включил радио. Потом «БМВ» нырнула в поворот, идущий в гору, выехав на грунтовку.

Диктор зачитывал последние известия: ядерные испытания Пакистана, грузино-абхазский конфликт, обострение обстановки в Косово — все как всегда.

— Я как-то рисовала портрет одного военного, — Татьяна размышляла вслух. — его глаза сияли... горели огнем. В этой изнуряющей жаре Пандора открыла запретный ларец... и все люди были прокляты... все вместе... молодые красавцы продолжают умирать в бессмысленных войнах...

— Знаешь, Тань, нам не в силах изменить этот мир, — Павел сверялся со знаками, чтобы не проехать нужный поворот. — нужно просто жить.

Когда они подъехали к дому Татьяны, то увидели джип, припаркованный на подъездной дорожке, это был «Гранд чероки», окрашенный в черно-зеленые цвета.

— Брат приехал! — оживилась Татьяна.

Она отстегнула ремень безопасности и потянулась за сумкой, лежавшей на заднем сидении.

— Как брата зовут? — тихо поинтересовался Павел.

— Эрик. — отозвалась Татьяна.

— Так Эрик Белявский, хирург, твой брат?

— Да, — Татьяна открыла дверь машины. — а вы что, знакомы?

— Да так, — туманно ответил Павел. — виделись разок.

— Пошли. — поторопила его Татьяна.

Отворив калитку, они вошли во двор. Пройдя по дорожке, увенчанной по обеим сторонам густыми кипарисами, Павел увидел Эрика, возившегося с мясом — он готовил шашлыки.

— Привет, Эрик... — Татьяна обнялась с братом.

— Уже семь часов, — отметил тот. — могла бы и позвонить.

— Это мой новый знакомый, Павел. — представила она Тумасова брату.

Эрик оглядел Павла преувеличенно безразлично.

— А-а-а! Подстреленный! Долечиваться явился?! Что беспокоит? — он показушно разминал пальцы и отбрасывал ими на стену дома карикатурную жуткую, как в мультфильме, тень. — Что беспокоит, то немедленно удалим! Ну так что нас беспокоит?!

— Сны... — задумчиво ответил Павел.

— Я не лечу души, — почесал подбородок Эрик. — вот уж это не моя специализация. Я лечу тело.

— Эрик, переверни шашлыки! — вмешалась в разговор мужчин Татьяна. — Ты останешься на ужин? — взглянула она на Павла.

— Оставайся! — махнул рукой Эрик, отправляясь на запах пригорающего мяса. — У нас не так часто бывают гости.

— Ладно, я пока переоденусь. — Татьяна скрылась в доме.

Что ж, посидеть можно, — решил Павел. — и с Таней и с ее братом и вообще...

Татьяна тем временем выглянула из окна.

— Паш! — позвала она Тумасова. — Иди в беседку, ужинать мы будем там.

— Куда идти?

— Просто обогни дом слева и увидишь.

Оказалось, что «Беседкой» называлась площадка в углу двора, огороженная с двух сторон забором и примыкавшая к дому. Стол, две широкие скамьи по обе стороны, все обнесено по периметру трельяжем из декоративно отделанных металлических прутьев. Вверху прутья сходились, создавая этакий купол. Беседку буйно окаймлял сверху и по бокам дикорастущий виноград, что позволяло ее обитателям не особенно опасаться дождя.

Тем временем Татьяна облачилась в немного широковатые для нее светло-синие джинсы, плотную майку с короткими рукавами и банальные домашние тапки, украшенные рисунком в виде забавных утят на каждой. Она разложила тарелки на столе, ножи, вилки, положила в центре пару бутылок, которые дополняли нехитрые закуски — огурцы, помидоры, зелень.

— Садись сюда, — указала она на место, где вечернее солнце оставляло свой яркий след. — сейчас брат придет.

А тем временем Эрик уже вносил аппетитно пахнущие шашлыки на широком блюде.

Татьяна уселась рядом с Павлом, Эрик напротив них.

— Ну что, по первой? Павел, тебе что — он показал на бутылки — коньяк или виски?

— Я за рулем вообще-то.

— Да ладно?! — улыбнулся Эрик. — По одной можно! — он разлил виски по рюмкам.

После первого тоста Эрик спросил:

— Как нога? Не болит уже?

— Абсолютно. — Павел рассматривал виноградную лозу, обвивавшую высокий забор.

— Что я говорил! Там не ранение, а царапина! Я же говорил — через неделю бегать будешь!

— Что за ранение? — встрепелась Татьяна.

— Да наехала на меня одна местная команда, пришлось разобраться. — Павел не горел желанием раздувать эту тему. — В Москве конечно, покруче разборки, но и тут не скучно.

— Ну да, ты же работал с Дэном, — вспомнила Татьяна. — ну так тогда неудивительно. Хорошо, что нога только.

— А откуда ты знаешь Дэна?

— Это долгая история, давай в другой раз.

— Еще по одной? — спросил Эрик. — Тань, ты можешь не волноваться, Павел со своей царапиной выживет!

— Обижаешь! — Павел тоже перешел на панибратский тон Эрика. — Вчера уже пришлось побегать. — И он демонстративно осушил вторую рюмку качественного продукта: — Я бизнесмен и мне нередко приходится работать и с клиентами из криминальной среды...

— Да мне тоже, — захрустел огурцом Эрик. — бывало, приходилось и под дулами пистолетов оперировать.

Он закивал головой, не сводя с Тумасова глаз, словно стремясь придать себе значимость. Тоже мне герой, подумал Павел, вспомнив свое боевое прошлое. И он принялся за шашлык... вкус специфический. Наложили туда специй — чересчур много, отбивает весь

вкус. Кавказская кухня кавказской кухней, но...

— Ну как? — спросила Татьяна, думая о чем-то своем.

— Многовато приправ, но вкусно. Брали готовый?

— Зачем? Брат сам отлично умеет готовить шашлык.

— Баранина?

— Ага. — Татьяна выпила свою порцию виски, запила минералкой. — Барашки беленькие...

— Надолго к нам? — Эрик норовил плеснуть очередную порцию спиртного.

— Думаю, еще недельку здесь побуду. — Павел накрыл ладонью свою рюмку. — Не, не стоит больше. Так вот, я вообще приехал к племяннице, до меня дошли слухи, будто она в автокатастрофу попала. — Павел решил несколько приоткрыть карты. — А оказалось, что она жива и здорова. Жаль только, не смог ее найти по старому адресу.

— Попала в аварию, но осталась жива? — уточнила Татьяна.

— Да нет, я так понял, что вообще никакой аварии не было, просто меня ввели в заблуждение.

— Тем лучше, — Татьяна отложила тарелку в сторону. — кстати, а как зовут племянницу? Просто порой пострадавших в автоавариях отвозят в нашу центральную клинику, где Эрик в частности...

— Наташа. — бросил пробный шар Павел. И попал.

Татьяна смолкла внезапно, на полуслове. Словно онемела. И тут повисла глухая тишина. Каждый из троих присутствующих, услышал эту тишину. Эрик, Татьяна. И — Павел.

— Раз аварии не было, значит все отлично! — очнулся Эрик после паузы, длившейся всего несколько секунд, но показавшейся всем троим вечностью. — Выпьем, Паша? За здоровье! Тебе коньяк или виски?

— Нет, мне больше не надо. Хватит на сегодня... — Павел отставил рюмку. — иначе меня первый же гаишник сцапает.

— Какой гаишник? — скривился Эрик. — Нас с сестрой здесь все знают! — скажешь, что приятель Эрика Белявского, и никакой гаишник к тебе не пристанет.

— И все-таки нет, Эрик. Спасибо, не стоит, — засмеялся Павел. — а то еще элементарно свалюсь в ущелье или врежусь в дерево на скорости. — Тань, ты мне лучше минералочки налей.

— Ой, тут уже закончилась. Сейчас принесу новую. — Татьяна вылезла из-за стола, взяла пустую бутылку и скрылась за углом дома.

— Она всегда так прекрасна, на ней блестящие волосы, цвета надежды, сестра... — мечтательно произнес Эрик, стоило Наталье скрыться из виду. — Она идеальна. Человек, который воплощает меня самого. Мы ведь росли все время вместе, учились в одной школе. Просто я поступил потом на медицинский, а она спустя четыре года решила, что ее призвание — живопись.

— А сколько ей сейчас?

— Двадцать семь.

Татьяна вернулась с запотевшей бутылкой «Боржоми».

— Пожалуйста.

Остаток вечера прошел в непринужденных, пустых разговорах. Солнце уже скрылось за горизонтом. По выражению лица хозяев Павел вычислил, что пришла пора заканчивать посиделки. И действительно! Пора заканчивать. На данный момент, во всяком случае. Но

еще надо доехать до города.

На обратном пути Павел выбрал кратчайший вариант и съехал к морю. Он припарковал машину прямо на сыром песке, не выключая фары. Затем неожиданно для себя жадно закурил, потом бросил сигарету в песок, не суетясь разделся, оставшись в бордовых плавках, пробежался в свете фар до кромки воды, остановился на секунду, выдохнул шумно и ступил в воду.

Он плыл быстро и уверенно, стремясь все дальше, дальше. Подул ветер, довольно злой и колкий, с готовностью вынырнули «барашки» волн, что означало, что надо плыть к берегу. Теперь ветер дул Тумасову прямо в спину. Он вскрикивал, отфыркивался и истово вспенивая вязкую воду, короткими сильными гребками толкал себя вперед к берегу.

Освежило, полегчало. Теперь еще одна сигарета и можно снова за руль.

Конечно, Татьяна знает Наталью, — думал Павел, уже лежа в кровати, обернувшись одеялом, словно коконом. — и Эрик, наверное, знает. Ну и что из того? У меня слишком мало информации на руках, чтобы выстраивать какие-то версии. Лучше уснуть до завтра. И видеть сны... Какие сны приснятся... Отстаньте все. Сплю я, сплю. — сон уже путал его мысли.

Глава восемнадцатая

А ближе к полудню Павел проснулся... И почувствовал себя неожиданно скверно. Только наглотавшись активированного угля, чтобы придти в себя, последовательно восстанавливал — что же вчера такое было? Надо переломить себя, дотащить до кухни и заварить кофе.

Задумано — сделано. Павел включил телевизор. И первая же услышанная новость ударила его словно обухом.

— Следственным отделом по приморскому району города Баку устанавливается личность мужчины, подозреваемого в совершении тяжкого преступления... Приметы преступника: рост сто восемьдесят-сто восемьдесят пять сантиметров, на вид тридцать-тридцать пять лет, среднего телосложения, волосы черные, волнистые, глаза темные, нос прямой, под левым глазом небольшая черная родинка... — далее высветился фоторобот, действительно имевший немалое сходство с Павлом. — Всем, кому что-либо известно о месте нахождения этого человека, просьба сообщить в отдел криминалистики по телефону... — безучастно вещал диктор.

Павел с минуту помолчал, обдумывая полученную информацию. Кто его мог сдать? Скорее всего бармен, именно бармен вполне мог запомнить внешность Павла во время его первого визита в бар на Водонасосной. Это осложняло поиски племянницы, хотя изменять внешность Павел умел. В любом случае, решил он, найдя Наталью, лучше всего будет уехать, хоть с ней, хоть без нее.

После пятой «Мальборины» Павел решил позвонить Татьяне.

— Это я.

— Привет! Откуда мой номер знаешь?

— Ты же мне сама позавчера дала.

— Правда? Совершенно вылетело из головы.

— Какие планы на сегодня?

— Я сегодня занята. Заказ надо выполнять.

— Какой заказ?

— Картину рисую для одного француза, кстати большого почитателя моего творчества.

Гонорар хороший обещали.

— Что за картина?

— Древнегреческая мифология. Гарпии там, горгоны. Мне самой жутко интересно взяться за это, но нужно вдохновение. Так что сегодня я дома.

— Ну, так я... может сам приеду? Понаблюдаю за творческим процессом, так сказать, изнутри. Буду вести себя тихо-тихо.

— Какой ты настойчивый... вообще-то можно, только у нас будут гости.

— Договорились. К которому часу приезжать?

— К семи, нет, лучше к восьми... Только все это долго будет. Для терпеливых личностей.

— Я никогда не видел, как ты рисуешь, это будет для меня честь. — улыбнулся Павел.

— Тогда я выложусь сегодня по полной, обрадую тебя. Но имей ввиду — жди сюрпризы. Я брата предупрежу о твоём приезде, чтобы он все организовал.

— Отлично! Значит к восьми?

— К восьми!

— Договорились! Ладно, пока!

Без пятнадцати восемь Тумасов на своем «БМВ» подрулил к Татьяниной резиденции. Так: судя по припаркованным у дома машинам, Татьяна с Эриком не одни. Оставив машину напротив на широкой гравийной площадке, Павел пошел вдоль забора к дому.

— Заходи! — окликнула его, открыв калитку Татьяна.

Павел зашел во двор.

— Пошли. — она повела его направо. Так как резиденция Татьяны и ее брата стояла фактически на склоне холма, то с правой стороны, из-за разницы высот, первый этаж получался вторым. А под ним располагался просторный гараж на несколько машин. Перед гаражом находился небольшой забетонированный пяточок, частично прикрытый навесом, где под лучами вечернего солнца стоял джип Эрика.

— Войти в мастерскую можно и через гараж. — объяснила Татьяна. Она спустилась в подвал, открыла дверь и пригласила Тумасова войти. В помещении ощущался запах краски и растворителя, как полагается. И посетители там тоже были. Был в мастерской брюнет в очках лет сорока, который рассматривал альбомы и беспрестанно курил. Были в помещении две незнакомки, блондинка и брюнетка, лет двадцати, которых норовил по-домашнему, по-свойски подщипнуть Эрик. Татьяна включила дополнительное освещение: просторная мастерская выглядела как апартаменты творческой натуры. Высокий потолок, оштукатуренные стены, цементированный пол. Посередине мастерской зачем-то был расстелен небольшой ковер. Окон в помещении не было. Дальний угол был завешен тяжелой непрозрачной тканью. На стенах висело множество картин Татьяны, в основном портреты разной стилистики. В центре мастерской стоял мольберт. У противоположной стены можно было видеть стол, раковину, широкий стеллаж с красками и прочими инструментами художника.

— Это Света, а это Айнур. — по очереди представила девушек Татьяна. — Студентки из медицинского. Проходят практику у брата.

Девушки на этой Татьяниной фразе стрельнули взглядами и весело посмотрели на Тумасова. Только что не прыснули. Блондинка вообще смахнула со своего колена назойливую ладонь Эрика и поприветствовала:

— Здравсьте!

— Добрый вечер. — Павел решил пока держать относительную дистанцию.

— Артур. — с достоинством представился брюнет, выпустив в потолок густое облако сизого дыма.

Татьяна включила стоявший на полке переносной вентилятор.

— Так, все в сборе... — улыбнулся Эрик. — Ну, что же, начнем. — и обращаясь к сестре: — Ты подготовила материалы? Помочь натянуть холст?

— У меня все подготовлено, — Татьяна тотчас засуетилась возле стенки, где были прислонены рулоны холста. — девочки, хватит отлынивать, скорее натягивайте холст!

Через несколько минут в помещении кипела работа — Эрик готовил громадную раму с натянутым холстом, Айнур перебирала кисти для написания тончайших мазков, а Татьяна возилась с подготовкой свежих красок.

Наконец все приготовления были позади.

— То, что ты увидишь сейчас, может тебе показаться очень странным, — вполголоса сказал Тумасову Эрик. — но имей ввиду: ты можешь в любой момент отказаться и уйти.

— Все, хватит! — захлопал он в ладоши. — Пора начинать.

Эрик вытащил из сумки небольшую картонную коробку и открыл крышку. Там оказалось множество упаковок с таблетками на разных языках.

— Дай им вот это. — негромко приказал он сестре.

Татьяна принесла бутылку минеральной воды без газа и несколько пластиковых стаканчиков.

Она подошла к девушкам и протянула им таблетки. Первой три маленьких желтых кружочка выпила смешливая блондинка Светлана, закатив глаза.

Затем настал черед брюнетки Айнур. Она тоже выпила три желтенькие таблетки, задумчиво глядя на Татьяну. Ее примеру последовал Артур, медленными движениями, в два захода, проглотивший сразу пять, забавно дергая острым кадыком.

— А ты, Павел? — Татьяна поднесла поднос с водой и таблетками к Тумасову. — Хочешь уйти в мир грез и нарисовать его нам?

— В своё время я прошёл искус марафета, — Павел сразу просек ситуацию. — и из всей кучи мне пришлось по душе галлюциногены.

— Грибы, что ли? — поморщилась Татьяна. — Но у нас их нет. Да и зачем, когда есть чистый и безопасный продукт.

— Нет, ты не угадала, — Павел обвел взглядом горсть таблеток. — но пожалуй, в другой раз. Если у тебя есть в закромах коньячок или виски, это будет прекрасный вариант.

— Да? — разочарованно взглянула на него Татьяна. — Ну, как знаешь. Эрик, дай мне вон те. — Взяв плоскую красного цвета коробочку, она достала из нее упаковку с шестью крупными зелеными таблетками. Вытащив две, она не проглотила их, а положила под язык. Все остальное она сложила назад с подноса в коробку. — Принеси ему коньяк.

Эрик вышел, прихватив коробку с собой.

— Чтобы нарисовать классную картину, порой надо перейти на более высокий уровень восприятия не только действительности, но и своих мыслей, желаний, фантазий. — Татьяна подошла к мольберту. — Мне сегодня нужна гениальная работа, мне нужен успех.

Эрик принес коньяк. Павел расположился в кресле у стены, откуда был прекрасно виден холст. Молдавский коньяк. Отличный коньяк, но только Эрик его принес в графине, а не в бутылке. Мало ли какую дрянь можно влить заодно. Расслабься, это не та компания, — осадил свои мысли Павел.

— Паучьи лапы, туловище слона, мозг лисицы. — Татьяна стала наносить первые мазки. — К сожалению, таких животных не существует. Но есть слова, чтобы описать их. Прогуляйтесь поутру по полям, запах травы опьянит вас, наполнит свежестью. Что это, праздник жизни или только видимость? Жестокая иллюзия? Кто знает. Что скажешь, Павел, да?

— Сейчас они постепенно начнут раскручиваться. — тихо сказал Павлу Эрик.

— Света, что ты видишь? — спросила Татьяна, рисуя эскиз обнаженной женщины.

— Ящерицу на спине у женщины. — пробормотала та.

— Айнур?

— Над моей головой летают утята.

— Вот как? Ну хорошо. Сколько их?

— Четверо.

— Какие они?

— Красно-синие. — протянула брюнетка.

— Прекрасно! — Татьяна сделала еще пару взмахов кистью.

— Артур, как вам кажется, чего еще не хватает?

— На плече у нее красный осьминог. Нет, оранжевый. Он переливается. — у Артура закатились глаза, он немного откинул голову назад и порывисто дышал.

— Где мои куклы... мои куколки... Джульетта... Ромео... они бы вечно любили друг друга... — в полузабытьи стонала Светлана, уткнувшись в подлокотник кресла.

Павел пил коньяк не спеша. Пить он умел, не отнять, да и написание картины под кайфом его не шокировало. Больше его волновали утренние дела: его разыскивали. Пусть не помнили его имя, но внешность запомнили хорошо. И голова у Павла оставалась ясной. То есть был туман, но не пьяный, а трезвый. Словно мозги обложили ватой, а сквозь нее, известно, не искажение, а просто приглушение. Все было под контролем.

Час проходил за часом. Татьяна прекрасно знала свое дело. Рисунок на холсте смотрелся очень эффектно, а изображенная на нем девушка выглядела нереально красивой.

— А кто она? — внезапно спросил Павел.

— Вопрос кто это, излишен. Ты не слышал легенду о Горгонах? — Татьяна стала покрывать фон картины каким-то темным порошком, равномерно распределяя его новой кистью по холсту.

— Да-да, Медуза Горгона.

— Нет, на картине не она, а общий такой, собирательный образ. — Татьяна нарисовала девушке вместо волос щупальца многочисленных маленьких осьминогов.

— Это дьявол, поедающий живых, дабы исполнить свои земные желания. Это дьявол, пожирающий мертвых, чтобы удовлетворить свою адскую похоть. — отозвался Артур.

В какой-то момент Павел от изрядной дозы алкоголя и духоты немного поплыл. Когда он снова открыл глаза, картина была уже готова.

— Если эта дама хоть в половину была так же хороша, как на портрете, — рассуждал Эрик, с пристрастием разглядывая полотно, — не мудрено, что смотревшие на нее мужчины обращались в камень.

— А мне кажется, что Таня ее здорово приукрасила. — возразила Айнур. — Посмотри, насколько проще она смотрится на изображениях в альбоме. На картине Таня ей сильно польстила, а согласно мифам Горгоны те еще 'красотки'.

Девушки дружно засмеялись, представив, как могла бы выглядеть Медуза Горгона в реальности.

— Таня всегда знает, как сработать гениально. — вытирая капельки слез от продолжительного смеха, подвела итог сказанному Светлана.

— Ладно уж, хороши шутки шутить, — положила кисти Татьяна. — Эрик, дай еще одну шпучку, я сегодня это заслужила.

...Татьяна медленно легла на ковер, разложенный на полу в центре мастерской. Она начала гладить его, затем стала плавно сучить ногами и руками.

— А-ах, — стонала Светлана, закрыв глаза. — посмотрите на нее... где кончается женщина и начинается змея...

Эрик подошел к сестре, присел на корточки и заглянул ей в глаза. Затем он отошел.

— Я приготовлю ей постель. Все в порядке. — он вышел из мастерской, тихо прикрыв за собой дверь.

Тем временем Светлана и Айнур слезли с дивана и ползком по цементированному полу добравшись до нежащейся в своих фантазиях на ковре Татьяне, начали играть и

забавляться вместе с ней, словно котятка. Артур в полубессознательном состоянии со странной улыбкой на устах сидел в кресле, будучи где-то далеко от реальности.

Вошел Эрик. Было похоже, что увиденное ничуть его не удивило. А по выражению его лица Павел понял, что вечер написания шедевра подошел к концу. Пора заканчивать. Даже сквозь пьяную вату Павел уловил: пора заканчивать.

— По последней? — Эрик подсел к Павлу и разлил коньяк по рюмкам.

— По последней! — автоматически поддакнул Павел, замороженный зрелищем на ковре, где девушки уже начали целовать и ласкать друг друга.

Эрик ничего не ответил, помолчал, вылил рюмку себе в горло. А Павел, обернувшись, неожиданно ясно увидел его трезвые глаза. Трезвые, изучающие, «хирургические» глаза, направленные прямо на него.

Ничего себе делишки!

— Павел, отведи Таню к себе. Там открыта дверь, увидишь. — Эрик направился к девушкам на ковре. — Вставай, мы уходим отсюда. — он буквально вырвал сестру из жарких и цепких объятий подруг и перенес ее на руках через мастерскую, поставил в вертикальное положение рядом с Павлом, уже стоявшим у дверей.

— Идти сможешь? — тихо спросил он у сестры. Татьяна произнесла нечто нечленораздельное и утвердительно качнула головой.

— Значит, положишь ее отдыхать, а сам ляжешь на диване в гостиной. Это с сестринской стороны, там, направо. — Эрик обвел взглядом мастерскую, где Светлана и Айнур, хихикая, катались по ковру.

— Спокойной ночи. — Павел с Татьяной поплелись наверх.

Глава девятнадцатая

А поутру Павел открыл глаза... И с больной головой, наглотившись «антиполицая», чтобы придти в себя, последовательно восстанавливал — что же вчера такое было? Заснул, кстати, он на декоративном диванчике. Умудрился ведь поместиться на таком! Это при его-то габаритах.

Ни Артура, ни Светы с Айнур не было. И Татьяны не было — постель измята, а ее нет.

Павел принял душ, оделся и вышел во двор. Эрик готовил еду. Он был раздет до пояса, в джинсах и сандалиях. На низком широком пеньке он рубил примороженное мясо топором и швырял на раскаленную сковороду, стоявшую на переносной жаровне. Солнечные лучи, чистые и яркие, светились на блестящем лезвии топора с обмотанной синей изоляцией рукоятью.

— Все в порядке? — спросил Эрик застывшего в задумчивости Павла. — Сейчас обедать будем.

Топор... тот самый? Нет, нельзя быть таким мнительным, — подумал Павел.

Мясо пахло жирной сырцой, пахло раной. Тяжёлое и распадающееся, подмороженное оно выглядело аккуратно и чисто. Эрик легко управлялся с ним.

— Иди в беседку, — он длинными сильными пальцами переворачивал куски. — сейчас Таня придет.

Павел уселся на скамейку в беседке, налил себе крепкого чая, выпил залпом. Странное было послевкусие. Явилась Татьяна, одетая в обрезанные сиреневые лосины до колен, голубую майку с разрезанным на веревочки низом, украшенным бусинками и тапки. Волосы ее были растрепаны. Она села напротив.

Эрик принес тарелку с жареным мясом, обложенным крупно нарезанным луком, картофелем и яблоками.

— Голова как? Болит? Сейчас все поправим! — балагурил он, доставая из-под стола двухлитровую бутылку в плетеной упаковке.

— Голова не болит. У меня ее нет! — Павел положил себе мясо на тарелку. — Ничего не помню!

— Я вчера себя прилично вела? — отозвалась Татьяна.

Павел пожал плечами.

— Неприлично! — подал голос Эрик.

— Смотря что считать... — протянул Тумасов.

Эрик налил сестре жидкость из бутылки в стакан. Павел определил по запаху — что-то типа домашнего вина. Он положил себе мясо на тарелку.

Только они с Эриком выпили по чашке ароматного зеленого чая, как у того зазвонил мобильный телефон.

— А-а, черт!.. — раздосадованно воскликнул Эрик. — Пора мне! Тань, где чистые рубашки лежат?

— Вызов? — угадала Татьяна.

— Да! Тут привезли одного мотоциклиста... Без меня никак!

Эрик даже не встал, а вскочил из-за стола, забежал в дом и уже через пять минут было слышно как за забором ревно заурчал мотор джипа.

— Специфика профессии, — отметила Татьяна, поглощая яблоко. — в любой момент

могут выдернуть на срочную операцию.

Покончив с трапезой, Павел предложил Татьяне поехать к морю.

— К морю? Тогда в Мардакяны, если ты не против.

— Я не против, можем заодно и местный дендрарий посмотреть.

Они неслись по приморской трассе, Татьяна не отрывала глаз от сверкающего моря справа по борту. Но времени как следует насладиться плавной скоростной ездой и меняющимися картинками полными просторной синевы, цвета и воздуха было до обидного мало — показался алюминиевый завод, а там и поворот направо вниз, к намеченной цели.

В дендрарии было пусто и спокойно. Они бродили вдоль маленького запущенного озера, наслаждаясь тишиной.

— Да, признаю, я любила много раз. А ты?

— Слишком много.

— Не хочу об этом слушать.

— Ты мне кажешься авантюрной и увлекающейся.

— Была такой. А теперь больше нет. Все по-другому.

— Неужели? Что по-твоему изменилось сейчас?

— Я раньше никогда подобного не чувствовала. Появилось ощущение, что человек, находящийся рядом, тебя дополняет.

— Да, я понимаю, о чем ты.

Гуляя по залитым солнцем дорожкам дендрария, Татьяна прижалась к Павлу своим молодым крепким телом.

— Здорово, что ты предложила сюда приехать. Идеальное место.

— Я знала, что тебе понравится.

— Я очень давно не был здесь. Жаль только, сейчас так все не ухожено.

— Все равно красиво.

Проходя мимо громадной, поражавшей своими размерами, четырехгранной башни, обнесенной зубчатой крепостной стеной, также с круглыми башнями по углам и полубашнями по серединам стен, Павел остановился и решил ее сфотографировать.

— Интересно, когда построили эту крепость?

— У этой башни странная история. Думаю, большей частью выдумка. Она похожа на сказку. Однажды жил-был принц. Он влюбился в прекрасную девушку, которая потеряла память. Он предложил ей свою жизнь и состояние. Они поженились. Принц приказал возвести дворец, она сама спроектировала его и сама следила за ходом постройки. Как-будто сверяла каждую деталь дворца с образом, существовавшим в ее памяти. Прошел год, они жили счастливо, пока на берегу реки, в саду, она не заколола принца кинжалом. Как-будто она была одержима дьяволом. Умирая, принц спросил ее, зачем она это сделала. Она не могла ответить, но снова в ее сознании пробудились смутные воспоминания. Она где-то видела дворец и этот сад, она склонилась над мужем, чтобы поцеловать его в последний раз, и вдруг смутные образы предстали перед ней со всей ясностью, это было частью ее прошлой памяти, она не сомневалась, дворец был построен в другом мире, она вспомнила, где видела все это раньше — в глубочайших пучинах ада, принадлежащих Люциферу, дьяволу.

— Что за ерунда? — спросил Павел, подойдя к стенду с информацией. — Тут написано, что историки датируют башню четырнадцатым-пятнадцатым веками. Построена она была для защиты поселения от кочевников и пиратов.

— Да? — весело уставилась на него Татьяна. — Но признай, Паш, что в моей трактовке

история постройки этого здания звучит значительно эффектнее!

У Павла вертелось на языке, что это могло быть побочным эффектом приема вчерашних препаратов, но он промолчал.

Прогуливаясь по узким улочкам на окраине поселка, в тени раскидистых деревьев и нависающих балконов домов, они натолкнулись на странную похоронную процессию. Плачущие женщины в черных одеждах протягивали какие-то фотографии — видимо прижизненные изображения покойного, и приглашали в дом, у nastежь открытых дверей которого стояли люди, видимо родственники.

— Входите! Отдайте дань уважения покойному! — протяжно зазывали они. — Входите!

— Кто это? Кто это такие? — удивленно спросила Татьяна, вертя в руке абсолютно ненужную ей фотографию.

— Понятия не имею, — пожал плечами Павел. — сектанты, а может, друзья какие-нибудь.

Из интереса они поднялись по замызганным деревянным ступенькам и очутились в просторном помещении, где на высоком постаменте в гробу лежало тело, с ног до головы накрытое белым саваном. Нельзя было определить, мужчина это или женщина. Люди подходили к гробу, приподнимали ткань, снова закрывали лицо покойного и уходили. Подошла очередь Павла. Он откинул ткань савана и в ужасе отпрянул — в гробу лежала его племянница! Глаза ее были закрыты, на лице виднелись шрамы.

— Наташа! — Павел дернулся. — Ты? — прошептал он.

Кто-то тронул его за плечо.

— Ты?! — закричал он на все помещение. — Кто это сделал?!

Но его уже кто-то отталкивал от гроба, и изумленный Павел увидел, что перед ним стоят полукругом несколько разгневанных мужчин разного возраста.

— Держи его! — закричал кто-то по-азербайджански.

— Держи!

— Вы чего... — пробормотал Павел, уже осознавая, что там лежит не Наталья.

Он попытался вырваться из цепких рук родственников умершего. Расталкивая жирных кудахчащих бабок, заехав с левой в ухо какому-то сунувшемуся под руку усачу и сбив с ног старуху с длинной клюкой, стоявшей на лестнице, он вырвался из странного дома и бросился в ближайшую подворотню. Остановившись у старого платана, Павел достал сигарету. Предпоследнюю в пачке. Прикурил, машинально отметив, что руки у него все еще слегка дрожат. Он затянулся и тупо уставился перед собой. Словно издали доносился глухой шум города.

— Павел! Что случилось с тобой? — совсем скоро услышал Тумасов татьянин голос.

— Я ничего не понимаю. Мне показалось, что я ее знаю. Что это моя племянница. — качал головой Павел.

— Какая племянница, там старик семидесятилетний лежал.

— А шрамы на лице? — Тумасов поднял голову и выдохнув, попал табачным дымом в лицо Татьяне.

— Да нет у него никаких шрамов. Одни морщины. Глубокие. Старый он совсем, понимаешь? — по голосу было видно, что Татьяна недовольна.

Павел промолчал.

— Может ты мне все-таки расскажешь, что происходит? — спросила она после паузы.

Павел докурив сигарету, бросил окурки на землю, притоптал его слегка.

— Расскажу. Но не здесь. Поехали на пляж. — он обнял Татьяну за плечи.

Они сидели на песке и смотрели на море. Дул ветер, и море резвилось и играло, как живое, то притворно отступая, то накатывая и разбиваясь волной о песчаную насыпь, обдавая холодными солеными брызгами. Солнце жарило не так беспощадно, как в предыдущие дни.

И Павел как мог кратко, но емко изложил Татьяне содержание своих снов и про странные звонки по ночам. Он не упомянул только о разборке с Дэном и его бандой. Он сомневался, насколько все прозвучало убедительно. Скорее рассказ больше походил на плохой комикс — три-четыре картинки, много бессвязных реплик, а по сути — бред.

— Бред... — заключила после некоторого раздумья Татьяна. — но почему ты считаешь, что с Натальей что-то произошло?

— Не знаю, — пожал плечами Павел. — слишком все реалистично как-то. И потом — если она звонит и просит приехать, то почему когда я здесь, она до сих пор не пришла ко мне?

— Ты кому-нибудь еще рассказывал об этом? — Татьяна вновь стала смотреть на море.

— Нет. — волны прибоя накрывали его ступни, переливаясь, одавали холодком, и он все глубже зарывался в песок, погружался в этот запах моря, в ее волосы...

— И давно это у тебя?

— После близкого знакомства с темпераментными потомками Шамиля. — отстраненно ответил Павел.

— Расскажи.

— Это было в девяносто шестом. Вся моя группа погибла. Они думали, что убили всех. Но я остался жив. Для верности, они скинули все тела в пещеру. Меня забросали телами убитых. Все, что мне оставалось, это лежать, не шевелясь и слушать, как они потешаются. Затем они решили бросить гранату. Она разорвалась в нескольких метрах от меня. Вход в пещеру завалило камнями. Я не знал, сколько времени я там находился. В абсолютной темноте, среди тел моих убитых товарищей. Мне стало нехватать воздуха, я задышался в этом каменном мешке. И вот тогда появился Голос. И он указал, словно путеводная звезда, путь к выходу. Я стал разбирать каменный завал час за часом, час за часом... Чем дольше я работал, тем больше у меня было воздуха... Наконец, под вечер я вылез из пещеры. Потом я отправился на их поиски. Ночью я прокрался в их лагерь, он оказался недалеко, в паре километров, и стал убивать... Часового я задушил. Затем я взял автомат и стал стрелять... одного, второго, третьего, четвертого! Когда я пришел в себя, я обнаружил, что уничтожил своими руками девятерых. Я был весь в крови, к оружию прилипли человеческие мозги. По сей день я помню это...

— Судьба, — тихо сказала Татьяна, глядя на волны. — судьба... судьба...

Павел молчал.

— И как часто ты слышишь этот Голос?

— Очень редко, — буркнул Павел. — обычно когда сильные переживания, стресс. Сны эти только сейчас появились. Тань, а ты в вещи сны веришь?

— Не-а! — Татьяна мотнула головой. — Я материалистка.

Тумасов вздохнул, приподнялся на локте и посмотрел на Татьяну. Она лежала ничком, распластавшись на песке.

— А вот есть какая-нибудь практическая польза от твоего Голоса? — Татьяна сняла кофту, оставшись в маечке с короткими рукавами, подчеркивавшими ее спортивное, крепко сбитое тело.

Павел помнил, как недавно напрягался под любопытными взглядами, шагая рядом с ней по пыльным и кривым улицам старого города. Граждане мужского пола оборачивались вслед Татьяне с однозначным интересом.

А может... прямо здесь — в безлюдном уголке дикого пляжа? Но... вспоминал Павел про топор, разрубающий кожу с татуировкой и — возбуждение гасло. Эх, море, море, прилив-отлив...

— Пользы? — задумался он. — Да никакой. Я как-то раз попросил его назвать выигрышные номера в ближайшем тираже «Русского лото», это лотерея в России есть такая. И что ты думаешь? Получил в ответ длинный ряд замысловатых формул, разгадать которые оказалось совершенно невозможно.

— Да ну тебя! — Татьяна встала, закатала широкие джинсы повыше колен, явно собираясь насладиться волнами прилива. — А не обратиться ли тебе к Балашову?

— Кто это?

— Это психиатр наш местный. Вместе с Эриком работает, в центральной горбольнице. Хороший специалист, между прочим.

Павел покосился на нее:

— Ты считаешь меня сумасшедшим?

— Сумасшедшим? Вовсе нет. Просто ты принимаешь все близко к сердцу.

Некоторое время они оба молчали. Потом Павел сказал:

— Давай пойдем купаться!

Татьяна стянула джинсы, оставшись в трусиках и маечке, Павел разделся до плавок. Они пробежали пару метров, ввалились в воду и поплыли в сторону от берега. Татьяна была прекрасной пловчихой, и в воде Павел ей, пожалуй, уступал.

— Никому тебя не отдам! — хрипло кричала Татьяна и щурилась сквозь соленые брызги.

Идеальная! — подумал Павел, зарываясь в горячий песок. А Татьяна улеглась на рядом на спину и раскинула руки. Павел уселся на песок и стал смотреть на нее. Он просто смотрел на Татьяну, и на душе у него становилось спокойнее. А она лежала на песке и глядела в небо. Павел поднял голову и тоже посмотрел на него. Небо было ясным, спокойным и бесконечно умиротворяющим.

А вечером они уже сидели в мастерской.

Татьяна поднялась со стула и подошла к ширме.

— А как тебе нравится вот это? — она вытащила довольно большое полотно в подрамнике, поволокла его за собой и подягла на мольберт так, что картина была обращена к Павлу задней стороной. Она заботливо смахнула с нее пыль кусочком марли, затем встала сбоку около картины и провозгласила хвастливым тоном, словно ведущий аукциона:

— Здесь ты видишь картину «Посетитель кафе».

С этими словами она повернула мольберт к Павлу. Картина представляла портрет мужчины, сидящего за столиком. На рубашке мужчины в районе сердца можно было видеть инициалы «Д.А».

Картина поразила Тумасова непосредственностью и реализмом. Отображенный на ней человек был словно живой. Павел восхищенно всматривался в картину и не находил слов.

Но Татьяна сама подскочила к нему и наступая на него, приставала:

— Ну? Ну как, именно?

— Блестяще! — произнес Павел.

— Bravo! — улыбнулась Татьяна. — Bravo! Прекрасно! Я и сама того же мнения. Твой комплимент заставляет меня работать еще лучше.

— А когда ты мой портрет нарисуешь? — спросил Павел.

— Твой? Всему свое время. — уклончиво ответила Татьяна, разводя краски. — У меня сейчас еще несколько достаточно срочных заказов, потом можно и тобой заняться.

Затем они пили кофе, разговаривали, и Павел рассматривал портреты, облепившие стены комнаты. Люди на портретах были изображены разного возраста и пола, а сами же портреты в большинстве своем были сработаны в красной цветовой гамме. Павел бросил взгляд на портрет девушки, висевший справа, у стеллажа, и оторопел — на него смотрела Наталья.

— Кто эта девушка и когда ты нарисовала этот портрет? — Павел подошел вплотную и взгляделся в полотно. Классический женский портрет, молодая девушка на фоне открытого окна... Вдали — прибрежный ландшафт. По-видимому, художник пытался подражать старым мастерам. Пейзаж за окном — довольно тусклый, темноватый, а сама дама была изображена очень ярко, что отчетливо были видны малейшие черточки лица.

— А в чем дело?

— Эта девушка и есть моя племянница Наталья, о которой я тебе говорил сегодня! — Павел возбужденно снял картину со стены и поднес к себе.

— И что? — равнодушно бросила Татьяна.

— Где ты писала ее портрет? Неужели она приезжала сюда?

— Так, покажи. — Татьяна подошла к Павлу, держа в руках намоченную кисть. — Да это я нарисовала около года назад. Дэн приезжал к нам в Загульбу вместе с какой-то девушкой. Я и нарисовала ее портрет, она сама попросила. Мне же надо тренироваться, набивать руку. Разве плохо получилось?

— Все-таки, откуда ты знаешь Дэна? Встречалась с ним?

Беззаботность сползла с лица Татьяны.

— Павел! Ну нельзя быть таким Отелло! — воскликнула она. — Нашел, к кому ревновать!

Она вернулась к мольберту и стала нервно размазывать краски по палитре.

— И все же? — Павел повесил картину на место.

— Я встречалась с Дэном четыре месяца. Ты понял?! Всего четыре! Это было как увлечение, года полтора назад. Он конечно производил впечатление, подарки дарил, рестораны, все такое. В общем, как полагается. А потом у него началась эта... ну в общем, борьба за влияние в городе. Ты же работал вместе с Дэном, понимаешь, что к чему.

— Ага. — Павел осматривался в глубине мастерской.

— Я у него тогда жила, на квартире. И как-то раз — звонок, побежала открывать, думала — Дэн, а ворвались трое... такие черные, небритые, громадные...

Один из этой троицы схватил меня за шею, зажал рот. Двое других по квартире стали рыскать, всюду нос совали, даже в туалет. А тот, который держал, все допытывался, где Дэн. И нож перед глазами вертел. Очень большой и острый. А они, никого не найдя, вкололи мне что-то и увезли. Очнулась я в каком-то доме, прикованная к стояку центрального отопления.

— Что было дальше? — пробормотал Павел, облокотившись на стену.

— Двое суток я пробыла там, меня даже не кормили, а снова кололи какую-то гадость, от которой у меня крыша поехала. Когда они пытались у меня узнать, куда подевался Дэн, я ничего толком и сказать-то не могла, мозги у меня отшибло от их поганых препаратов так, что я на время даже забыла свое настоящее имя.

— И чем все закончилось? — Павлу откуда-то сильно подуло в спину.

— Наконец в один действительно прекрасный день в прихожей раздался грохот, будто повалилась дверь и в комнату влетело четверо верзил в масках. По мою душу. Все четверо новоприбывших были вооружены.

— Милиция? — Павел обернулся на стену, закрытую плотной тканью. — Спецназ?

— Какая к черту, милиция? — фыркнула Татьяна. — Наша милиция себя бережет. Это были друзья Дэна, кто меня вытащил оттуда. Самый счастливый момент был, когда я лежала на заднем сидении машины, потирая саднившее запястье, свободное от «браслетов».

— А с этими что? — поинтересовался Павел.

— Перестреляли их всех, да и не только их. Дэн хвастался, что того, кому пришла в голову идея меня похитить, в бетон закатали. Ты представляешь? — Татьяна повернулась к Павлу.

— И не говори. — отозвался Тумасов.

— В общем от пережитого стресса я лечилась у Балашова, психиатра, про которого я тебе говорила. А потом Эрик достал путевки в Европу и мы три недели отдыхали во Франции и Португалии, отходили от всего этого. А когда вернулись, у Дэна уже была новая пассия.

— Наталья?

— Да, она.

— Ты не жалела?

— Нисколько. Не хотелось снова пережить что-нибудь подобное. Драгоценности и прочее только живым в радость.

— Понял. Извини, если я заставил тебя пережить в своих воспоминаниях все это снова.

— Пустое. — Татьяна закрыла пластиковые бутылочки и тюбики с краской, сложила кисти на полку и накрыла холст клеенкой. — Пошли в дом, все равно я сегодня уже больше ничего не нарисую.

— Тань, а там что такое? — Павел постучал костяшкой пальца по стене — явная пустота — еще одно помещение? Что-то вроде каморки?

— Ничего там нет. — отмахнулась Татьяна. — Там ледник, мы с братом используем. Я там храню растворители, замазки. Химию всякую, чтобы краски лучше держались на холсте. Растворители, лаки, смолы, даже кислота есть, кажется. Все огнеопасно, летуче и токсично. Так что без толку лучше туда не соваться.

— А зачем дверь заколотили тканью?

— Так вход со стороны брата, здесь стена, ничего нет. Пойдем ужинать. — Татьяна поманила Павла за собой.

— А Эрик приедет?

— Он остался на ночь в своей городской квартире. Звонил, говорит надо понаблюдать тут одного важного пациента, далеко не стоит отлучаться.

Они ограничились легким ужином, а затем Татьяна отправилась в ванную. Павел пытался «переварить» полученную информацию, но абсолютно без толку.

Плеск воды в ванной внезапно прекратился, и вскоре в комнату впорхнула Татьяна. На

ней был розовый пышный узорчатый халат.

Тумасов присмотрелся к ней... При мягком свете бра казалось, что Татьяна распространяет какое-то едва заметное сияние. В любом случае, выглядела она очень хорошо и соблазнительно.

Художница уселась к лежавшему Павлу и легонько провела своими тонкими пальчиками по его торсу. Павел аккуратно приблизил ее к себе...

А дальнейший «процесс» напоминал цепь ослепительных вспышек, чередовавшихся с провалами в бездонные черные глубины. Ничего подобного Павел ни разу не испытывал. Сознание полностью «выключилось», вместо него образовалось что-то нереальное, из смеси мрака и острейшего невероятного наслаждения. Порой Тумасов испытывал приступы удушья, словно очутился в вакууме. Он пытался вздохнуть полной грудью, но вместо воздуха ощущал лишь обжигающую пыль на губах, словно он попал в самый центр раскаленного смерча, бушующего посреди безводной степи. Вихрь поднимал его ввысь, куда-то уносил, а потом снова опускал на землю.

Сколько все это продолжалось, Павел не знал, в этих новых реалиях не существовало времени. И вдруг все кончилось, оборвалось, прекратилось. Восторг, боль, наслаждение — все исчезло. Остался лишь мрак, и он сам, без сил лежащий в этом липком мраке. А вместе с наступившей прохладой пришло странное беспокойство, не отпускавшее его...

Глава двадцать первая

Павел проснулся. Было восемь часов утра. Он взглянул на Татьяну, лежавшую рядом. Она что-то шептала с закрытыми глазами, ее лихорадило. Тумасов положил ей руку на лоб: у Татьяны явно был жар. Павел аккуратно потрогал ее за плечо.

— Что с тобой?

Она открыла глаза.

— Тебе плохо? Воды принести?

— Не, не нужно. — слабым голосом произнесла она. — Я сейчас пойду... приму лекарство.

— Давай, я сам принесу.

— Ты не найдешь... я сама...

Татьяна кое-как встала с постели, Павел придерживал ее за руку. Пошатываясь, она накинула халат и неряшливо-незаметным, но не оставшимся без внимания Павла жестом скинула ключи от мастерской со столика себе в карман халата. Босая, она вышла из комнаты.

Что-то на инстинктивном уровне кольнуло Павла и он крайне аккуратно, словно находясь в разведке на вражеской территории в зарослях под Сухуми, направился за ней.

Татьяна пошла по коридору прямо, свернула направо, спустилась вниз по лестнице и проскользнула в неприметную дверь под ней, закрыв, судя по звуку, ее изнутри.

Так вот где находится вход в мастерскую непосредственно из дома, отметил Павел.

Буквально через минуту раздался странный резкий сигнал, вроде зуммера, а затем какой-то скрежет.

Очень интересно, — подумал Павел и тихо удалился назад в комнату.

Через пару минут вошла Татьяна. Павел изумился разительной перемене — теперь это была веселая жизнерадостная женщина, безудержно скалящая белые зубки, ровные, один к одному.

— Я не слишком долго заставила ждать? — она плеснула в него ехидным смешком.

— Тебе уже лучше? — поинтересовался Павел.

— Намного. — она взглянула на него широкими коричневыми зрачками и, мягко-бесшумно переступая босыми стройными ногами юркнула назад под одеяло.

Павел впервые ощутил, что желание может возвращаться так многократно... словно кто-то переворачивал склянку песочных часов и все начиналось сначала...

Наконец в десять он приподнялся на кровати и спросил:

— Кофе будешь, Таня?

— Буду. Не вставай, лежи.

...Жара к полудню усилилась. От Татьяны он выехал как-то совсем незаметно. Машина мчалась по автостраде к морю. Ветер со свистом задувал в полуопущенное окно, но, несмотря на это, было нестерпимо душно, словно кто-то нарочно откачивал из «БМВ» воздух.

В салоне звучал Майкл Джексон. В сторону города шли редкие машины. Навстречу же — целые вереницы — начало лета, начало каникул. Казалось, все жители столицы, во всяком случае, те, кто имел автомобили, сорвались с места и рванули за город.

«Какой сегодня день? — попытался вспомнить Павел. — Видимо, суббота... Вот все и

устремились на природу». Он принялся считать дни недели, прошедшие с начала его знакомства с Татьяной, но никак не мог сосредоточиться. Выходила или среда, или четверг, но отнюдь не суббота. «Ну и хрен с ним!» — плюнул Павел и еще сильнее вдавил в пол педаль газа. Машина понеслась с такой скоростью, словно это был не «БМВ», а спортивный «Ламборджини».

«Опять этот поворот, — отметил он малозаметный съезд с автострады, выведивший на прямую дорогу в город. — водители вынуждены вцепляться в руль, а руль в свою очередь, вцепляется в водителя».

Тумасов неплохо водил, но сейчас удивлялся сам себе, проявляя невиданное ранее мастерство.

Он въехал в город и задумался: а что дальше? Павел припарковал машину у газетного киоска и вышел из кабины. Горячий ветер сразу с силой ударил в грудь, словно пытался сбить его с ног. По асфальту гуляли маленькие пыльные вихри.

Он купил пачку сигарет. «Дни начинаются очень рано. — размышлял Тумасов. — Я ложусь слишком поздно. Я устал. Солнце бьет в глаза. После многих часов нахождения в темноте это раздражает. Наташа... где ты сейчас? Почему я до сих пор думаю о ней? Почему сейчас? Я должен быть терпелив. Мне нужно время, чтобы все понять. Всем людям нужны периоды уединения».

Павел снова сел за руль и тронулся в путь. И вскоре увидел телефон-автомат, одиноко притаившийся под жестяным навесом, охватывавшим не только его, но и почтовое отделение. Он набрал номер Столярова.

— Коля? Привет, это я, Павел.

— О, привет! Куда пропал?.. погоди секунду, я тут... выключу...

— Что слышно в городе?

— Видел по телику твою физиономию! Тебя всюду ищут.

— Да ладно тебе! Надо думать, и без эмоций. Следы Нататьи нашлись, но нужна твоя помощь.

— Слушай, Паша, как это все получилось? Вы что, с Дэном по пьянке разобрались?

— Ты что?! — просипел Павел, даже голос у него сел от волнения. — Ты рехнулся, что ли?! Я его не убивал, етит вашу! Там было все совершенно не так!

— Ну мало ли... ты же «на взводе» был порядочно. Дэн с тобой разобраться хотел. Вот и... мало ли...

— Это меня хотели убить. Встретиться можем?

— Можем... Но вечером, не ранее восьми. Ты же знаешь, что мое место — лаборатория. Что верно, то верно. Работа у Николая всегда была на одном из первых мест.

— Так где встречаемся?..

— Где обычно...

— Давай...

«Может пообедать? — вяло размышлял Павел, сидя в машине. — Выпить пару кружек пива, посидеть в холодке, а потом — домой...»

В баре действительно было прохладно и совершенно пусто, видимо, цены мгновенно снимали жажду. Тумасов заказал кружку, сел за столик и отхлебнул глоток. Пиво было холодное, вкусное, но Павлу оно как-то не пошло. «Чего это мне так скверно? — удивился он. — импортное пиво, и вдруг такая реакция...» все же он влил в себя две кружки и кое-как осилил куриную отбивную. Тошнота и слабость его не отпускали. Проторчав в зале около

получаса, Павел поплелся из бара к машине.

Солнце стояло в зените. Он сидел в своем душном «БМВ» в полнейшей прострации. Такого с ним еще никогда не случалось. Головокружение, взявшееся ниоткуда?! Да что с ним стряслось? Он взглянул в зеркальце заднего вида. Вроде как всегда. И все же... С ним явно происходит неладное. Может, стоит отдохнуть денечек-другой дома? Встретаться сегодня с Николаем или отложить все на завтра? Раздумывая таким образом, он просидел в машине, может, полчаса, а то и час; казалось, он спал с открытыми глазами. Наконец слабость отступила и словно что-то подтолкнуло — надо ехать...

Прибыли! Павел припарковался за несколько домов до своего жилища. Прошелся не спеша. Нырнул в подъезд соседнего дома. Неспешно, обстоятельно поднялся до самого последнего этажа, потом спустился.

Нет, не было хвоста.

Павел настежь открыл окно, вставив журнал, чтобы не закрывалось, не спеша выпил чашку кофе и улегся на кровать. Все же не было обычного состояния — несмотря на кофе, накатывали сонливость и вялость. Тумасов закрыл глаза.

Зазвонил телефон.

Телефон?

Трень-брень. Нет, звонок. Точно звонок.

Трень-брень. Не унимались.

Павел медленно, неуверенными движениями поднялся и обнаружил, что находится в спальне. Он лежал на диван-кроватьи полностью одетый. Почти не отдавая себе отчета в собственных действиях, он подошел к входной двери и глянул в глазок.

На пороге стояла Наталья.

Павел попытался открыть входную дверь, но та не подавалась. Ноги его стали словно ватными: состояние прострации достигло апогея.

И тут из ниоткуда появился Голос. Тот самый.

— Что это значит? — сурово спросил Голос у Натальи.

— Я больше не могу.

— Почему?

— Я до сих пор люблю его.

— Ох, люди, люди... ты уже погибла. Неужели ты хочешь, чтобы это произошло и с ним?

— Делайте все что хотите, но помогать я вам больше не буду.

— Будешь.

— Нет.

— Будешь, я сказал! Будешь!

Павел тихонько застонал, не в силах отвести взгляд от глазка, в который можно было наблюдать, как Наталья вжалась в стену, словно Голос был материальным и угрожал ей.

— Ах вот оно что... — раздалось у Павла в ушах, словно на них были надеты наушники. Теперь Голос явно обращался к нему. — я давно чувствовал, что здесь есть кто-то еще. Напрасно ты влез сюда. Игра продолжается, а в каждой игре, запомни, всегда есть побежденный. Кем ты хочешь пожертвовать — собой или Натальей? Тебе придется сделать свой выбор, потому что игру нельзя остановить! Нельзя, иначе нужно изменить все мироздание. И признать за человеком право свободной воли. Но ты ведь не пойдешь на это, не пойдешь! Вот так-то. Прощай, надеюсь, ты меня больше не услышишь!

Голос пропал так же внезапно, как и появился. Но самое странное произошло с Натальей — она стала пятиться назад и словно просочилась сквозь стену, не оставив и следа. Павел захрипел и повернувшись, сполз по двери вниз на пол.

Глава двадцать вторая

Он пришел в себя, когда уже начало смеркаться. Павел бросил взгляд на часы — двадцать минут восьмого. Стараясь отвлечься от беспокоивших его мыслей, он забрался в ванну. Павел врубил практически сплошной кипяток, так что ванная комната быстро наполнилась паром. Он мылся энергично, словно выскребая из себя дневную вялость. Когда он более-менее пришел в себя то услышал, как дверной звонок настойчиво, с короткими паузами, дребезжал в прихожей.

Павел медленно поднялся из ванны и с наслаждением вытершись, натянул джинсы и майку. Наконец он протопал к входной двери и осторожно глянув в глазок, увидел Николая.

Павел отворил дверь и без единого слова вернулся в комнату.

— Извини, мне было неудобно открывать своим ключом. — ставя чемодан и увесистый пакет на пол в коридоре, ответил Столяров.

— Привет. — сказал Павел.

— Ты что-то уж очень исхудал, — сказал Николай. — я тебя даже и не узнал в первую минуту. Уж не заболел ли? Живешь, вижу, только на кофе и сигаретах.

— Надо поговорить. — пригласил приятеля на кухню Павел.

— Ты лучше расскажи, что с тобой случилось.

— Ладно, — сказал Тумасов. — слушай...

И он подробно, со всеми деталями, изложил произошедшее с ним за последние дни. Хотя рассказ получился достаточно длинный, Николай ни разу не перебил Павла, лишь изредка молча кивал.

Наконец Павел умолк. Несколько раз кашлянув, он достал сигарету.

— Да-а, дела! — воскликнул Николай. — Естественно, если нужна моя помощь... — он разлил чай по чашкам.

— Рации нужно достать.

— Не понял?

— Даму нужно на некоторое время вытащить из дома...

Вежливая улыбка сползла с лица Николая.

— Ты в своем уме? Зачем?

— В своем! — воскликнул Павел. — Я хочу подробно изучить мастерскую.

— А чего ты там хочешь найти? — спросил Николай с добродушной улыбкой. — Выдвигаешь какие-то нелепые версии...

— Я, конечно, не утверждаю наверняка, — пробормотал Павел, — но там, похоже еще одно помещение... и я надеюсь его осмотреть... — он замолчал, обдумывая, как объяснить поточнее, что же именно ему показалось.

Николай ждал.

— Короче, я думаю, что там что-то есть. — выдавил наконец Тумасов.

— То есть?

— Странный дом... странная пара...

— Почему?

— Обстановка суперская, при этом он обычный врач — хирург, а она...

— Да брось! Когда ты стал считать чужие деньги? — отмахнулся Николай. — Вот я гостил у Али Хамраевича на даче год назад — там вообще палаты Аладдина!

— Ничего я не считаю... ты лучше скажи — рации сможешь достать?

— Чего их доставать — купить можно в том же «Электроне», продукция нашего СП.

Сделано по японской технологии. Или тебе что-нибудь фирменное надо?

— Не знаю, — задумался Павел, отпив глоток. — главное, чтобы техника не подводила.

— Завтра будут. И что дальше?

— Ты завтра свободен?

— Я вообще с понедельника в отпуске.

— Я собираюсь ехать снова к ней, тебе тоже надо будет. Не вместе, конечно.

— Как выглядит наша дама?

Павел положил на стол журнал «Мольберт» с интервью и фото Татьяны.

— Какая прекрасная дама. — Николай с интересом разглядывал фото.

— И очень загадочная.

Павел выпустил облако дыма в потолок.

— Она художник-портретист? — Столяров вчитывался в статью.

— Да, притом высококлассный.

— Так почему ты ее в чем-то подозреваешь?

— Она знала Наталью, — налил себе еще чаю Павел. — она тоже встречалась с Дэном.

Я попробую еще навести справки у своих знакомых.

— Как знаешь... А где она живет?

— В Загульбе, на самом краю поселка. Это если от санаториев ехать направо, в сторону гор. Я тебе сейчас нарисую... ручка есть?

— Не надо, — задумался Николай. — я примерно знаю, где это.

— Послушай, тебе всего лишь надо изобразить из себя заблудившегося туриста, отдыхающего. Скажешь, заблудился, расспросишь ее, как проехать в какой-нибудь из санаториев, ну это ты сам придумай, удержи ее минут на пять-семь хотя бы и спокойно уезжай.

Николай сочувственно посмотрел на Павла и вздохнул.

— Послушай, — сказал Николай неожиданно, — а если брат ее заявится?

— Не заявится.

— Уверен?

— Маловероятно, он же оперирует постоянно. Рабочий день ненормированный.

— А если не выгорит?

— Значит в другой день, ты же все равно в отпуске. Кстати, как там твои?

— Детей к бабушке отправили, жена на даче постоянно пропадает, там у нас садик необльшой, она за ним тщательно ухаживает, старается. Я, откровенно говоря, к этим вещам равнодушен, так что есть время заняться своими делами.

— Вот и славно. Тогда завтра созвонимся насчет раций и всего остального. Будь завтра у телефона в течение дня.

— Да без проблем. Журнал можно взять?

Тумасов молча кивнул.

Часы показывали одиннадцать.

— Ну что, по домам? — спросил Николай.

— Пожалуй, — задумчиво отозвался Павел. — значит, будь готов завтра выехать, так сказать, на природу.

— Это точно, — согласился Николай. — интересная женщина... — добавил он.

— Вот и применишь все свое обаяние. Ты его еще не растратил за эти годы?

— Обижаешь! Как говорят классики, нет такого мужа, который хотя бы на час не мечтал стать холостяком!

Они расхохотались. У Павла начала пробуждаться уверенность в успехе завтрашнего мероприятия.

Когда за Николаем захлопнулась дверь, он докурил последнюю сигарету из пачки и пошел в комнату. Он полагал, что заснет мгновенно. Не получилось. Предвкушение завтрашнего дня! Племянница, растворяющаяся в стене... Голос...

«Я разберусь. Я обязательно разберусь», - думал Павел. Игра продолжается... только какая игра?

Глава двадцать третья

Забибикали часы — восемь утра. После душа Павел с удовольствием выполнил свой обычный утренний комплекс силовой гимнастики, включающий в себя отжимания, приседания и работу с прессом. Он совершал упражнения с удовольствием и максимальной отдачей, разгоняя кровь.

После душа он позвонил Татьяне.

— Ну ты даешь! — слышно было, как она рассмеялась. — А еще раньше не мог позвонить?

— А что, набиралась сил после создания шедевра?

— Набиралась, набиралась.

— Я сегодня приеду к тебе?

— Не знаю, не ранее четырех. Работы много.

— Купить что-нибудь? Мне все равно надо на рынок ехать.

— Фрукты, черешню, вермут, вино, сыр.

— А еще? Брат же тоже будет.

— Нет, Эрик может приехать самое раннее в понедельник. Плановые операции, все такое...

— Значит к четверем?

— Ага...

Теплым июньским утром, щурясь от яркого солнца, Павел сел в машину, вышел у городского рынка и бодрым пружинистым шагом отправился по месту работы Николая. Буквально через десять минут Павел уже оказался возле знакомого двухэтажного здания, с окнами, на первом этаже закрытыми прочными стальными решетками.

Павел поднялся по широким ступенькам крыльца и вошел внутрь. На этот раз охранник был другой — молодой худощавый шатен в камуфляжном костюме с черной треугольной эмблемой.

— Вы к кому?

— Здравствуйте. Моя фамилия Костин, я к Николаю Петровичу. Мы вчера договорились о встрече. — вежливо ответил Павел, наклонившись к окошку в будке охранника и вертя паспорт в руках.

После небольшой паузы охранник заявил:

— Проходите.

Павел поднялся на второй этаж, постучал в дверь указанного вчера Николаем кабинета, услышал приглашение войти и немедленно им воспользовался, одев на лицо самую широкую дружескую улыбку.

— Привет!

— Привет.

В просторной, хорошо отремонтированной и обставленной современной техникой, в основном японской и немецкой, лаборатории, окна которой выходили во внутренний двор, на углу большого письменного стола сидел Николай и просматривал какие-то бумаги. Поздоровавшись с Павлом, он положил их на стол.

— Проходи, садись. — он кивнул ему на стул, стоявший рядом.

— Коля, мы вчера с тобой говорили по поводу раций.

— Да, да, я прекрасно помню, — Николай наклонился, открыл ключом ящик стола и достав две коробки, открыл их, положил на стол и подвинул к Тумасову. — вот, посмотри, это как раз то, о чем я вчера упоминал.

Павел вытащил рации из коробок и с интересом принялся их рассматривать.

— Рации собраны у нас, по технологии «Сони». Товар очень качественный. — хвастался довольный Николай.

— Хорошо, с этим все понятно. — Павел, удовлетворенный осмотром представленного ему образца, включил и выключил обе рации, положил их обратно в коробки. — Так вот, Татьяна пригласила меня к четверем.

— Понял. — Николай положил свою рацию в чемодан. — После обеда я уже буду фактически совершенно свободен. Напомни мне, пожалуйста, какой у нас план.

— Я приезжаю к ней к четверем. Ты подъезжаешь следом за мной, останавливаешься неподалеку и ждешь. Получив от меня сигнал, подъезжаешь к дому и звонишь. Объясняешь, что ты турист, не местный и заблудился. Твоя задача — задержать ее хотя бы на пять-семь минут. Но если удержишь на десять, я не буду против.

— Ну, с такими блондинками я всегда находил общий язык. — хитро прищурился Николай.

— Вот и славно.

Павел открыл сумку, положил туда коробку с рацией.

— Ну, все. — сказал он.

— Давай, Паша. — улыбнулся Николай.

Тумасов, покинув прохладный кабинет, окунулся в жаркое бакинское лето. Он сел за руль и захлопнул дверцу. «БМВ» плавно развернулась, и, вздымая облако пыли, набирая скорость, поехала по направлению к центру города.

«Точность — вежливость королей»: это изречение вполне подошло бы к Павлу, без десяти четыре надавившего серую пуговку звонка у Татьяниного дома. Через несколько минут изучения гостя в специально сделанную прорезь в цельной металлической калитке послышался скрежет отпираемого замка.

— Привет, Паш. — прошелестела она. — проходи в дом.

На ней был надет длинный, не подходящий ей по размерам толстый черный резиновый фартук, словно у мясника на скотобойне. Он весь был в каких-то затертых пятнах и разводах. От фартука шел запах краски и смолы, вроде олифы.

— Я купил все, что ты сказала.

— Отлично. Тогда бутылки положи в холодильник, а виноград помой и сложи в емкость на кухне, там есть такая... пластиковая.

— Может тебе его сразу в мастерскую принести?

— Нет! То есть да... не сразу. Лучше принеси выпить.

— Вино?

— Пожалуй.

— Ладно, захочешь-придешь. Я тогда на кухню.

Проходя по внутреннему коридору на кухню, Павел снова услышал странный зуммер, удививший его накануне. Это определенно не был звук открываемой мастерской. Тогда что? Гараж? Но двери в гараж были и так открыты. Снедаемый любопытством, Павел стал тщательно мыть виноград.

Он принес бутылку и стаканы прямо в мастерскую. На Татьяне уже не было уродливого

резинового фартука, она облачилась в просторный старый джинсовый комбинезон, повсюду заляпанный краской.

— Принес?

— Угу. — Павел поставил бутылку на столик, открыл, наполнил стакан на две трети и протянул Татьяне. — Много еще осталось?

— Достаточно. — она выпила залпом и повернулась к мольберту. — Хотя в академии отстрелялась — сегодня последний экзамен по своему предмету принимала. Теперь я могу сосредоточиться на картинах. — Что скажешь, кстати? — она указала кистью на холст.

На картине был изображен седой старик в колпаке с горбатым носом, поедающий дыню. В руке у него был старинный загнутый наружу нож с длинным лезвием, которым он отрезал куски от дыни.

— Неплохо. Мне нравится. Хотя она немного старомодна. — подумав, отметил Павел.

— Старомодна?

— Немного.

— Почему?

— Таня, ну здесь один только цвет доминирует. У тебя картина похожа на кусок сырого мяса.

— Все красное? Что из того? Вот это типично дилетантский подход. На самом деле у красного есть множество самых разных оттенков — бургундия, малиновый, бордо, терракота и так далее вплоть до лилового. Я просто использую полную палитру оттенков, смешивая разные компоненты.

— Ты права, чтобы угодить зрителям, нужно меняться каждый день.

— Это не так трудно. Спроси меня. Я рисую все что угодно — от портретов до графики.

— Например, фильмы не успевают выйти на экраны и уже устаревают.

— Классики не устаревают. Каждый раз, когда я смотрю их фильмы, например Феллини, они кажутся мне новыми. В них что-то есть. Они раскрывают иные грани. В свок очередь эта картина написана не в старомодном, а в классическом стиле. Пащ, принеси виноград. У меня от созерцания этого старика с дыней самой есть так захотелось! — расхохоталась Татьяна.

— Сейчас схожу. — Павел потянулся и вальяжно отправился на кухню. Открыв кран, он положил гроздь в дуршлаг для промывки, а сам достал из внутреннего кармана джинсовки рацию.

— Внимание, начинаем. — негромко, но отчетливо произнес он.

— Держи! — принес он Татьяне полную тарелку.

Она взяла с тарелки гроздь и стала шустро ее ощипывать. — Какой сладкий. — отметила Татьяна, положив в рот сразу несколько ягод.

Раздалась мягкая трель звонка, совершенно не похожая на услышанный Павлом ранее сигнал.

— Кто это еще? — скривилась Татьяна, жуя виноград.

— Без понятия. Может, кто-нибудь из твоих студентов? — пожал плечами Павел.

— Да какие там студенты, — Татьяна необычно решительно направилась к выходу. — сейчас посмотрим.

Уже на пороге она повернула голову и окинула оценивающим взглядом вверх Павла мастерскую. И скрылась за дверью.

Какое-то мгновение Павел стоял на месте, переводя дыхание и прислушиваясь, а затем

рванулся в дальний конец мастерской, неряшливо завешанный тканью, где он ощутил в предыдущий раз непонятный холод из стены. Ткань держалась снизу на петлях, которые были закреплены на вмурованных в стену металлических штырьках. Павел снял петли с них — ткань моментально съехала вверх, под потолок, обнажив стену, выложенную крупными синими и белыми плитами в шахматном порядке. Ничего себе обивка, подумал Павел.

Время!

Время!!

Время!!!

Павел взглянул на часы — у него в запасе не более трех минут, несмотря на весь артистизм и обаяние Николая. Искать нужно, искать!

Павел стал стучать по квадратам — там пустое пространство. Он постучал правее — уже глухая стена. Где-то должна быть дверь. Но где золотой ключик от этой двери?

Время!

Время!!

Время!!!

У него осталось пара минут, не больше! Он осмотрелся по сторонам. Голые выкрашенные стены, ничего подозрительного.

Это должно быть что-то простое. Что-то одновременно сложное и простое. Чтобы можно было попасть к тайнику в любом состоянии. Чтобы не забыть путь к нему.

Искать нужно, искать!

Он обратил внимание на странно расцарапанную обычную электрическую розетку внизу напротив декорированной стенки. Люди не любят нагибаться?

Он подскочил к розетке, нагнулся на корточки. Действительно, вся в странных царапинах, словно ее ковыряли. Павел достал перочинный нож и поддел розетку. Та неожиданно поддалась. Выдвинув ее вперед, Павел увидел крохотный выступ, вроде рычажка.

Он двинул его. Один из синих квадратов на стене автоматически сдвинулся немного в сторону и обнажил прямоугольную металлическую планку с ярко-красным пятнышком на нем.

Ничего себе!

Павел знал, что это такое. Биометрический замок. Замок по отпечатку пальца.

Глава двадцать четвертая

С улицы донесся веселый голос Татьяны.

Сколько у Павла было времени? Да не было у него времени вообще! Но за эти... семнадцать мгновений он успел броситься назад к розетке, переключить рычажок — панель въехала на место, розетку затолкнуть назад в гнездо... ну и он чуть не забыл — прыгнул и притянул ткань назад. А затем воспользовался старым как мир приемом — переключением внимания человека на другой объект.

Поэтому, когда Татьяна снова вошла в мастерскую, она увидела Павла, держащего кисть в одной руке, бокал вина — в другой и деловито смешивающего краски на палитре.

— Павел! — возмущенно воскликнула она с порога. — Кто позволил?! Немедленно прекрати!

— А почему? — залихватски обронил Тумасов. — У меня тоже есть идеи по поводу этой картины...

Татьяна подошла к Павлу и решительно отобрала у него кисть и краски.

— Если хочешь порисовать, есть у меня акварель, есть гуашь, могу принести. Но не лезь, пожалуйста, в работу мастера.

Она кинула в него виноградиной. Павел, смеясь, отошел к столу и налил себе вина.

— Не вмешивайся в работу своими лапами. — видно было, что она еще не успокоилась.

На мольберте быстро появлялись новые мазки. Темные тона искусно перемежались со светлыми. Наконец картина была закончена.

— У тебя нет еще выпить? — спросила Татьяна.

— Конечно. — Павел разлил вино по стаканам. — Кто это там был?

Они чокнулись с легким звоном.

— Какой-то долговязый чудак заблудился. — улыбнулась Татьяна. — Ему надо в бывший санаторий КГБ, а он сюда приперся. Просто проехал поворот. Забавный мужик.

— Да...

Они перешли в гостиную. Татьяна начала быстро распаковывать принесенные продукты, накрывать стол. Павел был задумчив. Жевал сыр, не ощущая вкуса, пил вино, не чувствуя букета. Анализировал. Что может храниться в помещении, доступ к которому защищен биометрическим замком?

— Что-то случилось, Паша? — вернула его в реальность Татьяна.

А вот тут нельзя было дать промашку. Поэтому Павел совершенно безразличным, спокойным тоном ответил:

— А давно вы купили этот дом?

— Давно. — задумалась Татьяна. — Эрик масштабную перестройку затеял, на месте подвала мастерскую сделали, гараж расширили, забор сделали новый.

— А я бы наверное, не смог так. — Павел оглядел дом. — Ухаживать все время за домом, улучшать что-то. Лентяй я наверное. Я же родился в обычной московской многоэтажке, в этом блочном гетто, жил на съемных квартирах...

Татьяна поставила стакан на стол и обхватила руками свои колени.

— Знаешь, Паша, у каждого человека должен быть свой дом, куда он мог бы всегда вернуться. Там должно быть комфортно...

Летний вечер был полон длинных, извилистых теней. Наконец сумрак опустился на

землю; прохладный ветерок нежно дул в открытое окно. Жара спала, уже дышалось легко, воздух был напоен запахами прибитой к земле пыли, близкого дождя, цветущих диких трав. В такие минуты кажется, что мягкий свет июньского вечера пришел навсегда.

Павел потянулся на кровати и спросил:

— Тань, мне надо позвонить тут по одному небольшому делу. Где у тебя телефон?

— На полке, там сверху. — лениво пробормотала Татьяна.

Тумасов прошлепал в гостиную и плотно закрыл за собой дверь. Подойдя к столу, он осторожно взял стакан, из которого пила Татьяна, за верхний и нижний срез и упаковал его в полиэтиленовый пакет, вылявшийся под стулом. Вытащив из посудной горки другой, он плеснул на его доньшко вина и поставил на стол вместо взятого. Затем он вышел в коридор и положил упакованный стакан во внутренний карман куртки. Вернувшись, он набрал номер Гасанова. А телефон-то мобильный, «Нокиа-5810». Шик!

— Добрый вечер, Хамид-ака, это я, Павел.

— Здравствуй, Паша! Как я рад, что я дома, что никуда не уехал! А ведь могло быть — не застал бы меня! Как бы я жалел и казнил себя!

— Хамид-ака, мне нужна ваша помощь.

— Моя? — на том конце провода возникла некоторая пауза. — Впрочем, если ты звонишь так поздно, значит на то есть серьезная причина. Я тебя слушаю, Паша.

— Я хочу, чтобы вы мне оказали помощь по своей прежней деятельности. Нужно сделать слепки отпечатков пальцев с одного предмета. И только.

На другом конце снова возникла пауза.

— Ну это не телефонный разговор. — наконец послышалось в трубке. Деловитости в голосе сразу прибавилось. — Приезжай ко мне завтра к полудню и привози свой предмет. Там посмотрим.

Когда Павел нырнул под одеяло, Татьяна прижалась к нему, закинула на него ногу.

— Какой мужчина! — прошептала она и словно горячим утюгом погладила своей ладонью его сухощавое мускулистое тело. Спросила невпопад:

— А в Москве у тебя кто-то есть?

— Сейчас-нет, — бросил Павел. — там даже не знают, где я. Поехал к морю и все. Чтoб не беспокоили по работе. Могу я в кои-то веки отдохнуть?

— А родственники у тебя есть?

— Старший брат в Польше живет. Но мы уже лет десять не поддерживаем отношения.

— Так ты сейчас совсем один, да?

— Какой там один! — с интересом посмотрел на нее Павел. — А ты? Ты у меня есть.

— А ты у меня!

Ее рука полезла вниз и они, не в силах более сдерживаться, не отрываясь друг от друга, словно боясь потеряться, с радостью приняли друг друга...

Утро красит нежным светом... Павел совершал пробежку вокруг резиденции Татьяны и Эрика. Куртка на всякий случай была положена на заднее сидение «БМВ».

— Я в душ. Принеси, пожалуйста кофе на кухню. — попросил Павел.

Уже скрываясь в дверях, он увидел приближающийся джип Эрика.

Выйдя из душа и переодеваясь, Павел через окно увидел, как между Эриком и Татьяной происходит какой-то разговор, причем, похоже, резкий.

Павел решил спокойно подождать окончания диалога и ехать к Гасанову.

Допив кофе, он вышел из дома. Татьяна с Эриком стояли на дорожке. Вид их был не то

чтобы встревоженный, скорее взбудораженный.

— Привет. — он крепко пожал руку Эрику, улыбнулся Татьяне:

— В котором часу мне сегодня приехать?

— Да когда хочешь, — ответил вместо нее брат. — кстати, Таня собирается в Ленкорань поехать. На натуру.

Сказано это было весьма безапелляционным тоном. Павел сильно встревожился, хоть и не подал виду: неужели ему так и не удастся узнать тайну загадочной двери?

— Да, собираюсь через несколько дней... — задумчиво произнесла Татьяна.

— Я думаю, тебе лучше поехать раньше, там у наших общих друзей дача освободилась. — заметил Эрик.

— Один-два дня не играют особой роли. — ответила Татьяна и эта фраза предназначалась Павлу.

Он наспех попрощался с ними и направился в Новханы.

Глава двадцать пятая

А вот и знакомый дом. Мордоворот — охранник в роли привратника.

Гасанов сидел во дворе на скамейке под навесом, в застиранном тренировочном костюме, выпятив вперед живот, в черных кроссовках и темных очках с тонкими стеклами. Ни дать ни взять — Корлеоне на пенсии.

Он кормил бойцового петуха и сам завтракал кусочками вяленой дыни.

— Аллах акбар! Кто же это к нам пожаловал! А, Заур? — спросил он петуха. — Не Паша ли Тумасов, сын уважаемого Бориса Ильича?

Из глубины двора мгновенно подскочивший бодигард бережно принял у него из рук петуха Заура.

— Какой гость! — В приветствии Хамида Вахидовича не прозвучало ни одной лживой ноты неискренности — было невозможно устоять, особенно в первые мгновения, против волны обаяния, непритворности, радушия и гостеприимства, которые источал этот уважаемый в определенных кругах человек.

— Я очень рад вас видеть. — сказал Павел.

Они перешли в беседку. Гасанов налил ему ароматного чаю:

— Ты принес то, о чем говорил по телефону?

Павел осторожно достал пакет со стаканом. Хамид заметил:

— Смотри, Паша, опять ты в какие-то мутные дела ввязываешься...

Тумасов отпил из пиалы, придвинулся вперед:

— Меня и так ищут, Хамид Вахидович. Но я сам хочу разобраться в своих делах.

— Прямо не знаю, как тебе помочь...

— Не прибедряйтесь, пожалуйста, Хамид-ака! У вас же остались связи, во всяких техотделах. — Павел допил чай и откинулся на деревянную скамью.

— Да ладно... — улыбнулся Гасанов как ни в чем не бывало. — Давай сюда свой пакет.

Видишь ли, это может занять несколько дней.

Павел налил себе еще из пузатого чайника, заел чай изюмом и покачал головой.

— Нету у меня этих нескольких дней, Хамид-ака. День-два, не более.

— Что так? — поинтересовался Гасанов.

— Обстоятельства. — загадочно ответил Павел.

— Обстоятельства! — Гасанов налил в пиалу чай, возвратил его обратно в чайник, снова повторил эту процедуру, только после этого налил себе и Тумасову. — Обстоятельства нами играют, как хотят. А тебя ищут, я же знаю. — он сложил руки на груди.

— Выкручусь. — Павел захрустел грецким орехом.

Хамид Вахидович прищурился и негромко сказал Павлу:

— Сюда пока больше не приезжай. У меня самого сейчас кое-какие проблемы. Отпечатки тебе передаст мой помощник.

— Хоть звонить-то вам можно?

Гасанов промолчал, подлил себе чаю. Подтянул мешковатые штаны.

— У нас общие враги. Они стреляют настоящими пулями. Подумай об этом. Сейчас у меня некоторые трудности. Звони... но лучше не из дома. А тебя я сам найду.

Он привстал.

— А сейчас пей, ешь! Впереди ведь у тебя дальняя дорога...

Приехав домой, Павел вышел на балкон покурить. Долой эмоции. Потому, обнаружив биометрический замок в мастерской Павел изумился, но и все, не более того. Он думал-считал, мысленно оглядывая мастерскую Татьяны, обращая внимание на каждую мелочь.

Обстановочка в доме — шикарная. Явно все это приобретено на левые доходы. Видимо, не всегда Эрик отказывается от денег, оперируя подстреленных бойцов Дэна, Хамида и других. Произведения Татьяны же вряд ли пользуются таким уж большим спросом; Павел вспомнил плот из мертвецов. Но собственно говоря, что из того?! Не ему разбираться. «Кто бы собственные грехи отпустил, — вспоминал Павел разлетевшуюся словно спелый арбуз, голову Зазы. — Теперь — что за той дверью? Что им скрывать? Вряд ли только растворители и лаки.

Тогда что еще?!

Наркотики. Вряд ли. Татьяна непохожа на наркоманку, никаких признаков Павел не увидел за все время. Не говоря уж об Эрике. Скорее те же психотропные вещества, возможно в больших количествах. Та же разительная перемена в Татьяне после посещения мастерской. Да, это возможно. Но какое это имеет отношение к Наталье? В его снах наркотики никак не фигурировали. Бесперспективно...

Кстати, сны. Голос сказал, что Наталья погибла. Тем не менее, могила была пуста. Так! Дэн наверняка знал, что на самом деле случилось с Натальей, правда сейчас этого было уже не узнать. Тогда что произошло на самом деле?»

Очередная сигарета обратилась в дым. Павел жадно затянулся новой.

«Татьяна... она конечно обволакивает, засасывает. Обоятельна, умна. Она могла убить Наталью из ревности? Бред. Когда, где? Смешно даже предположить, что одна бывшая любовница Дэна убила другую. Тем более, что Дэн наверняка бы не дал Наталью в обиду и от Татьяны с братом остались бы рожки да ножки. А если... Дэн убил Наталью и Эрик с Татьяной в курсе дела? С какой целью? Столь агрессивная реакция Дэна на попытку узнать о судьбе Натальи... А кто вообще сказал, что она погибла? Рустик в ресторане в первый день! Но он услышал это скорее всего от кого-то из людей Дэна. Голос... А при чем тут разделяемое тело в моих снах? Эти сны вывели меня на Татьяну и ее брата...»

Глеющая сигарета обожгла пальцы. Павел резко отбросил окурок.

«Нехватает какой-то детали. Какого-то важного пазла из общей мозаики, отсутствие которого мешает составить полную картину. И эта деталь находится у Татьяны и ее брата. Все события последних дней ведут его именно к ним. Игра продолжается... чужая игра.

И кто сможет помочь? Обращаться в местную милицию — себе дороже. Уже несколько дней в криминальной хронике крутят его фоторобот. А сегодня на вокзале и лист с его физиономией повесили. Так что местный усатый мусор выслушает все версии, подумает и скажет: «...Ц-ц-ц, дарагой, перегрэлся!». А то и скрутят его самого, если сличат с разыскиваемым фигурантом, — рассуждал Павел. — Остается другой вариант — проникнуть самому в мастерскую, узнать что в этой кладовке и в случае необходимости обратиться к Хамиду за помощью. Если, конечно, действительно будет найдено что-то серьезное.»

Павел кинул окурок вниз и вернулся к себе в комнату.

Когда он приехал к Татьяне, она снова была в мастерской. Картина, которую она рисовала, представляла собой двух мужчин, которые стояли друг напротив друга.

Они были в костюмах своего времени, в красно-черных кафтанах, красных сапогах, в меховых шапках. Но у каждого из них вместо головы на плечах был череп, обтянутый пергаментной кожей. В их движениях было что-то звериное, собачье, но в виртуозно

нарисованных фигурах и костюмах — человеческое. Общий же фон, как отдельных частностей, так и всей среды, был тусклым, грязно-желтым. Эта странная смесь жизни и смерти, представляла такое гармоническое созвучие, что картина произвела на Павла потрясающее впечатление.

— А кто это? — спросил он.

— Картина называется «Борис и Глеб». Я начала ее писать около полугода назад, затем забросила и наконец нашла в себе силы закончить. Ты шокирован? Твоя немая критика в высшей степени удовлетворяет меня.

— Борис и Глеб те самые?

— Да. Русские князья.

— Я нахожу эту картину по меньшей мере странной! — промолвил Павел.

Татьяна улыбнулась.

— Скажи лучше — тошнотворной, отвратительной! Одним словом, андеграунд.

Потом она вдруг сделалась серьезной:

— Поверь мне, Паша, мне стоило неслыханных мучений дописать эту картину. Ты спросишь — почему черепа? Просто с убийства этих двоих и началась кровавая междоусобица на Руси.

— Рабочий день, я вижу, у тебя закончен. На взморье не хочешь съездить? — спросил Павел.

— Да, я уже практически закончила. — отозвалась Татьяна. — Так, палатка — в гараже. Кстати, не забудь бар опустошить.

Они выбрались на тихое, уединенное место. Вечернее солнце еще грело. Павел быстро и ловко установил палатку, а Татьяна накрыла импровизированный стол.

— Ты не представляешь, Паша, как радуется художник, когда его замысел воплощается в жизнь! — Она чмокнула его в щеку и протянула бутылку шампанского, которую он с шумом открыл и разлил в фужеры.

— За что пьем? — с улыбкой спросил Тумасов.

— За наши успехи! — она звонко чокнулась и быстро выпила.

Уже потом, когда они гуляли неподалеку от санаториев, по аллеям среди посаженных чахлах сосенок, Татьяна нежно прижалась к нему. Павел остановился и обнял ее:

— Не могу поверить, что все так сложилось.

— Многие об этом просили, тебе повезло.

— Ты останешься здесь или все же поедешь в Ленкорань?

— Я останусь до конца.

С моря подул сильный ветер, зашумели сосны. Быстро набежали плотные облака.

— Кажется, скоро дождь начнется. — заметила Татьяна. — Наверное, пора домой.

Они вернулись около десяти. Насчет ужина можно было не беспокоиться — Эрик приволок с базара всякой всячины. Татьяна вернулась из кухни, и Павел вообще забыл обо всех этих разносолах. Он вообще перестал соображать, где находится. Татьяна принесла с собой все запахи соснового леса. И они вновь и вновь погружались в глубину древнего, никому не ведомого до них ритма сплетенных тел...

— Нет, я так не могу. — уселся на кровать Павел. — Из-за того, что твой брат находится в соседнем крыле, мне все время кажется, что нас трое.

— Какие глупости! — отмахнулась Татьяна. — Знал бы ты, как Эрик устает за смену. Он приезжает домой и с порога заваливается спать. А потом — новая смена или срочный

вызов. И так день за днем. Выбрось это из головы.

Она обняла его и они продолжили заниматься сложной любовной игрой под шум расбушевавшегося ливня, когда капли с неистовством били в стекло. В какой-то момент Павел поднял голову и увидел, как на оконном стекле прозрачные капли дождя сменяются другими, более тяжелыми, темно-красными, набухшими... медленно стекающими вниз, оставляющими багровые разводы... Но через некоторое время, присмотревшись, он понял, что это всего лишь причудливая игра лунного света и тени...

...Павел проснулся внезапно, что-то разбудило его. Дождь кончился и вокруг была полная тишина, прерываемая шуршащими по ветру листьями. Татьяна мирно спала. Павел скинул ее руку с себя и тихо направился в ванную.

Проходя по коридору, он посмотрел в узкое окно, выходящее во двор. Двери гаража были открыты, и на ярко освещенной закрепленным над гаражом фонарем забетонированной площадке стоял джип. Рядом находился Эрик. Свет фонаря не полностью высвечивал его мощную фигуру, он стоял в полутьме. Он смотрел вверх, в окна второго этажа, на Павла.

Тумасов почувствовал, что их взгляды встретились.

Он отвернулся и скрылся за дверью.

Выходя из ванной, он снова бросил взгляд вниз, в окно. Ни Эрика, ни машины уже не было.

Павел завалился в постель и уснул глубоким сном. Во сне он пытался что-то вспомнить, но никак не мог.

Глава двадцать шестая

Он открыл глаза, когда июньское утро было в самом разгаре. Ярко светило солнце. Еще чувствовалась утренняя свежесть, но жара наступала быстро и необратимо. Павел взглянул на часы. Без десяти десять. «Ничего себе, продрых», подумал он, потягиваясь.

Татьяны рядом не было. Дверь в мастерскую и гараж был закрыты. Павел совершил легкую утреннюю пробежку, выпил кофе, и только тогда увидел Татьяну, появившуюся откуда-то со стороны дома, принадлежащей брату.

— А где Эрик?

— Уехал рано утром. Его сегодня не будет.

— Какие планы на сегодня?

— Да никаких.

— Я только съезжу в город и вернусь.

— Я может быть, тоже. Так что если вдруг приедешь и меня не будет, не удивляйся.

— А ты на чем поедешь?

— На автобусе.

— По такой жаре километр с лишним пешком до остановки тяжеловато... — протянул Павел. — может тебя лучше подвезти?

— Не надо, справлюсь. Езжай. — улыбнулась Татьяна.

Тумасов сел в «БМВ» и машинально сунул руку в бардачок. Пистолета не оказалось.

Павел провел рукой под сидением — пистолета не было.

Куда же он делся?

Он включил рацию, лежавшую рядом, на пассажирском сидении.

Тишина. Рация была испорчена.

Не подавая виду, он завел мотор и помчался в город.

Неподалеку от дома, в застроенном старыми домами квартале Павел вскоре нашел подходящее место. С улицы, густо обсаженной деревьями, он свернул в тупичок, словно специально прикрытый от посторонних глаз раскидистыми каштанами. Напротив находились какие-то складские помещения.

Он тщательно осмотрел машину — никаких следов подаренного Хамидом «ТТ».

Дома Павел сразу принял душ и из-за изнуряющей жары переоделся в классические футбольные шорты, открывающие мощные ляжки, и застиранную футболку. Пройдя на кухню, он заварил ароматный чай.

«А все-таки зря они пистолет украли. — думал Павел, маленькими глотками потребляя обжигающую жидкость. — Тем самым, они выдали себя, признав, что есть что-то такое, чего они опасаются».

Вскоре раздался звонок.

Тумасов осторожно прошел к двери и поднял дверной глазок. На пороге стоял Расул, помощник Хамида.

Он молча вошел в квартиру и вытащив из барсетки небольшую пузатую коробочку, положил ее на стол.

— Хозяин просил передать. — равнодушно произнес он.

Вот оно. Отпечатки.

— Спасибо. Что-нибудь еще?

Но Расул ушел по-английски, не попрощавшись и была слышна только дробь его шагов на лестнице.

Павел открыл коробочку. Там было четыре кружка из какого-то мягкого вещества, вроде пластилина, на каждом из которых был виден четкий отпечаток пальца. Каждый кружок был искусно упакован в полиэтилен от случайной порчи.

Значит, отпечаток одного из пальцев Татьяны им не удалось переснять, — подумал Павел. — что же, играю четыре против одного. Хорошие шансы.

Он поехал к Татьяне почти сразу после этого, близость разгадки манила его.

Когда он приехал в поселок, Татьяна еще не было. Он обошел дом по периметру, внимательно осмотрев его, насколько позволял мощный забор.

— Как ракушка, — подумал Павел. — с захлопывающимися створками...

Ход его мыслей нарушил скрип колес. Как оказалось, Татьяна приехала на велосипеде.

— Привет. — она слезла с двухколесного транспорта. Широкая юбка ей весьма шла. — А я к подруге ездила.

Она открыла полностью ворота. Павел аккуратно заехал на площадку.

— Зачем сюда? — удивилась она. — Давай прямо в гараж, не стесняйся, Эрика все равно нет.

Пока Тумасов загонял «БМВ» в гараж, Татьяна успела переодеться по примеру Павла в шорты и футболку, на горловине которой висели темные очки.

— Поможешь мне картину упаковать? — спросила она. — А то брат уехал, а мне нужно для покупателя оформить посылку.

Гремя ключами, Татьяна открыла мастерскую. На мольберте стоял готовый холст — старик с дыней, полотно, которое Павел видел позавчера.

— Вместе с подрамником снимаем, — отметила Татьяна. — осторожно.

Она взяла со стола рулон пищевой пленки, расстелила ее. Вместе с Павлом они сняли картину с мольберта, обернули ее в пленку. Затем она притащила два листа вспененного полиэтилена и положила их попеременно с толстым картоном в два ряда на красочный слой, создав нечто вроде защитного бутерброда.

— Закрепляй. — приказала она Павлу, кидая ему широкий рулон скотча.

С немалым трудом и осторожностью картина наконец была упакована.

— Хорошо поработали — досрочно освободились. — подмигнула Татьяна Павлу.

Обедали они в беседке. Жара стояла изнурительная, солнце, хоть уже и не находилось в зените, жарило беспощадно.

— Это что? — спросил Павел, когда Татьяна принесла дымящуюся тарелку.

— Мясо с овощами. — уклончиво ответила она.

— По такой жаре — тяжеловато. — отвечал Павел, наливая холодной воды со льдом из графина.

— Сейчас вина принесу. — Татьяна вышла из-за стола и вскоре вернулась с кувшином, полным кислого домашнего вина. — Угощайся.

Павел ел сравнительно мало, вино с холодной водой было в самый раз по такой жаре. Перебрать он не боялся, экстремальность ситуации мобилизовывала.

Татьяна в темных очках вяло ковыряла вилкой. Павел улавливал фальшь, наигранность, но виду не подавал.

Так прошло около часа. Они перебрасывались ничего не значащими фразами.

— Пойдем на кухню, здесь слишком жарко. — предложила Татьяна. — тарелки оставь

здесь.

Они перешли на также изрядно раскаленную летним солнцем кухню. Татьяна включила вентилятор и телевизор. Павел продолжал подливать ей напиток, пока не заметил, что дама начала «плыть по течению».

Татьяна пультом переключила программу. Пошла криминальная хроника. Камера оперативной съемки высветила хорошо знакомый дом Хамида Вахидовича. Роскошный двухэтажный дом. Возле калитки стояли с автоматами наизготовку двое парней в зеленых комбинезонах.

По дорожке от дома к зашторенному «рафику» шла группа людей. Вернее, парни в масках и пятнистых комбезах с руганью волокли к калитке двоих верзил с закрученными назад руками, подгоняя их пинками и ударами прикладов. А за ними двое плечистых смуглых молодых людей в светлых костюмах вели, придерживая за руки, низкого мужчину лет пятидесяти пяти. На бледном лице мужчины отчетливо выделялась окладистая черная борода. Руки у бородача были как-то неестественно сцеплены перед собой. Бородатый был Гасановым.

За кадром голос важно верещал по-азербайджански. Произошли аресты ряда «авторитетов» в рамках антикриминальной операции... Павла прошиб холодный пот. Он остался без помощника.

Больше Павел ничего не успел разглядеть — на экране уже показывали следующий сюжет о задержании банды наркоторговцев на азербайджано-турецкой границе.

Стараясь произвести впечатление, что последняя новость не произвела на него никакого впечатления, Павел залпом выпил вино и растянулся на стуле. Татьяна нетвердыми шагами направилась к двери.

— Ладно, я пойду передохнуть. Ну и жара. — протянула она устало, опершись о стену.

Тумасов осторожно подошел к дверям спальни и приоткрыл дверь — Татьяна крепко спала. Темные очки съехали на кончик носа, рот был по-детски приоткрыт. Вид у Татьяны был совершенно мирный и очень домашний.

Павел взял с полки секретера ключи и стараясь ступать как можно тише, направился в мастерскую. Сейчас нужно было действовать быстро. Пройдя по коридору, он открыл дверь в мастерскую и запер замок изнутри. Затем он проделал все процедуры, что и в прошлый раз — с помощью шила вытащил фальшивую электророзетку и решительно нажал на рычажок. Квадрат в стене отодвинулся в сторону, и показалась заветная панель. Павел достал из поясной сумки коробочку со спецсоставом и осторожно освободил образцы от полиэтилена.

Он приложил первый отпечаток к панели — без результата. Приложил следующий — красное пятнышко сменилось зеленым, раздался знакомый зуммер и прямоугольник в стене, украшенный плитками, со скрежетом давящегося стекла отодвинулся в сторону, освободив вполне просторный вход.

Включив заранее припасенный фонарик, Тумасов прошел вперед, в темноту, обдавшей его холодом; да, это был ледник. Он задел ногой, судя по звуку, какую-то жестянку, которая упала и покатила по полу. Павел провел фонариком по стенам — справа от двери обнаружился выключатель.

Да будет свет. Тумасов прошел вперед по цементированному полу и осмотрелся по сторонам.

Просторное помещение с низким потолком. Цементирован не только пол, но и похоже, стены, крашенные поверх темно-зеленой краской. Тусклая лампочка, одиноко висящая над

ПОТОЛКОМ.

Это было то самое помещение из сновидений Павла.

Повсюду стояли всевозможные емкости. В основном пластиковые. Канистры, банки разной величины, в том числе жестяные, с надписями на разных языках, бидоны. Много емкостей. Павел откупорил одну из канистр, опустил палец, лизнул его — кровь.

Открыл одну из банок без этикетки-тоже кровь. Открыл стоявший в углу бидончик — тот же результат.

Ничего себе! Так, а что у нас тут?

Стеклянные литровые и трехлитровые банки с маринованным мясом на полу и на широких полках, закрепленных с помощью штырей, вмурованных в стену. Лежащее в углу в пузатых деревянных бочках, обильно пересыпанное солью мясо. Разрубленные куски мяса.

Даже не надо было быть экспертом, чтобы определить — человеческого мяса.

Если бы у Павла были бы нервы послабее, не доведись ему пройти горячие точки — от Приднестровья до Чечни, приступ обессиливающей тошноты был бы ему обеспечен. Вглядевшись, он обнаружил поодаль на узком длинном деревянном столе разделанную человеческую ногу со срезанным на бедре до кости мясом. Тут же валялся и уродливый резиновый фартук. Все это перемежалось с тяжелыми запахами ацетона, спирта, каких-то лаков.

«Бежать, — проносились мысли у Павла в голове. — добраться до телефона и позвонить. Да нет, сообщить на ближайшем посту местным гаишникам. Но они этому не поверят. Нет, не так — просто сказать им, что в доме труп. Пусть приезжают и разбираются. Кстати, по-моему, я видел пост автоинспекции рядом с выездом на шоссе. Хотя нет, проще надо. До ближайшего частного дома добраться и позвонить от хозяев. Или отсюда, с Татьяниного телефона? Не стоит, только внимание привлеку. Тем более что у нее может быть мой пистолет. Так что следует тихонько выехать и подальше от этого домика».

Он сделал шаг назад и споткнувшись, едва не упал — какая-то жестяная банка опрокинулась с глухим стуком. Непредвиденным препятствием оказался маленький холодильник, незамеченный Павлом. Полумрак в кладовой был связан не только с относительно тусклой лампочкой, не дававшей достаточно света. Просто по сравнению с ярко освещенной мастерской там казалось сумрачно. Тумасов открыл дверцу холодильника. Какие-то реактивы, баночки, скляночки с непонятными названиями. А вот в морозильной камере лежало два серебристых контейнера.

Тумасов достал оба и открыв, оцепенел.

В каждом из них, щедро обложенное льдом, лежало человеческое сердце.

Все предохранители, выручавшие Павла годами в критических ситуациях, отказали. В обычном частном доме в пригороде Баку творились вещи похлеще, чем в крутом фильме ужасов.

Павел закрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Полегчало. Открыв глаза, он мог уже нормально оценивать ситуацию. Оглядев контейнеры, Павел подумал — а не взять ли с собой один из контейнеров как вещественное доказательство? «Брось, — решил он через несколько секунд. — ничего здесь лишний раз трогать не стоит, а лучше поскорее выбираться отсюда и сообщить в милицию. Пусть органы разбираются с этой сладкой парочкой».

Павел вышел из жуткой кладовой, приложил снова отпечаток к биометрическому замку — дверь поехала назад с тем же звуком скрежета оконного стекла. Он задернул занавес и

задвинул розетку назад в стену. Затем Павел направился к выходу из мастерской, напряженно вслушиваясь. Теперь осталось только отпереть гараж, открыть основные ворота и выехать на свободу. Он осторожно открыл дверь мастерской, осмотрелся и выйдя, стал запирать ее на ключ...

...И все же нападение было неожиданным. Чья-то сильная рука схватила его сзади за ворот майки. Раздался треск электрошокера. Трах! — в шею Павла словно врезался электропоезд и все поплыло у него перед глазами...

Глава двадцать седьмая

Павел очнулся в почти абсолютной темноте. На противоположной стене помещения, в котором он находился, выделялся большой прямоугольник двери, сквозь узкие щели в косяке внутрь едва пробивался свет. Голова его просто раскалывалась от боли. Он висел на холодной каменной стене, его руки сильно затекли. Они были подняты вверх, запястья каждой из них охватывал холодный металл. Напрягшись и попытавшись ощутить онемевшие кисти, Павел понял, что он прикован стальными наручниками к массивной трубе, идущей вдоль стены.

Первым сильным чувством Тумасова стала злость на самого себя за то, что он так глупо попался. Он подергал закованные руки и понял, что там все серьезно. Тогда пленник постарался пошевелиться всем телом — вроде бы цел, только шеей вращать было тяжело. Он посмотрел себе под ноги.

Павел с колоссальным трудом разглядел, скорее ощутил, что он подвешен к трубе таким образом, что он стоял фактически на цыпочках, ногами едва касаясь пола. — Блин, профессионально все сделали! — мелькнула мысль.

Тумасов не знал, сколько прошло времени с тех пор, как его вырубил в гараже. Откуда-то сбоку до него доносился звонкий перестук падающих капель воды. Он расслабил тело, чтобы было легче дышать и попробовал размышлять о причинах произошедшего.

Здравый смысл и элементарная логика подсказывали ему, что Эрик на самом деле никуда не уехал в город, а оставался в доме все это время. Джип, конечно был заблаговременно куда-то отогнан.

Поразмыслив, он стал склоняться к тому, что Татьяна и Эрик ожидали, что он сунется в подвал в мастерской.

«Наверное, я где-то прокололся, когда общался с Татьяной, — лихорадочно думал Павел. — возможно она увидела, как я взял стакан и положил его в пакет. Тогда они и решили разделаться со мной. Интересно, что они будут делать... какой же я осел, что не сказал Гасанову или хотя бы Николаю, куда я иду».

От этих невеселых мыслей Павлу стало страшно, он почти запаниковал, но усилием воли сумел взять себя в руки. В этот момент прозвучал зуммер и лениво отворилась дверь напротив.

Включился свет. Вошли Эрик и Татьяна. Эрик на вытянутых руках нес кресло из мастерской.

— А вот и наш пленник. — спокойным ровным голосом произнес он, ставя кресло посередине каморки. Татьяна уселась в него, закинув ногу на ногу.

Сам же Эрик встал сбоку от Тумасова, присев с краю на стол, стоявший в углу. Растерзанная нога была уже убрана.

— Зачем вам это всё понадобилось? — пробормотал Павел.

— Кое-кто лезет в совершенно не свои дела! — воскликнул Эрик. — А мы с сестрой этого очень не любим.

— Что это все значит, — Павел старался говорить ровным тоном. — меня будут искать.

— Не будут, — бросил Эрик, разворачивая на столе газету. — твоего Гасанова арестовали, — он пробежал глазами абзац в местной газете. — в рамках антикриминальной операции, — добавил он, снова поворачиваясь к Павлу. — так что ты в наших руках, —

добавил он, глядя на Татьяну.

— Ну почему моего... — проронил Павел.

— А кто два дня назад звонил отсюда? Ты забыл номер стереть из памяти телефона, следопыт.

— Кто вы такие, черт возьми? Где моя племянница? — собравшись с силами, рывкнул Павел.

— Племянницы твоей действительно нет в живых, — Эрик отложил газету. — но представь себе, мы не имеем к этому ни малейшего отношения.

— А кто имеет? Дэн?

— Ты знаешь, Паша, — Эрик слез со стола и подошел к Павлу. — я предисторию знаю только со слов Дэна, так что сам понимаешь, за достоверность не могу ручаться. Так вот, примерно год назад Дэн с Натальей ехали из города к Дэну на летнюю фазенду. Тут сзади показался грузовик. Это были враги Дэна. Они специально подстерегали его в горах, чтобы устроить катастрофу. Началась погоня. Потом, когда Дэн понял, что уйти от них не сможет, он просто бросил машину на дороге. А сам спустился от них вниз по насыпи. Бандиты развернулись и сбросили машину с твоей племянницей в пропасть.

— Мразь. — Павел сплюнул.

— Когда Дэн вернулся на то место с друзьями, они вытащили Наталью из искареженной машины и доставили ко мне.

— И что дальше?

— Я тебе скажу так, Паша. Поверь моему опыту хирурга с десятилетним стажем, а я кроме того уже на последних курсах института и ассистировал при операциях, ее состояние было совершенно безнадежно. Да-да, именно без-на-деж-но! — последнее слово Эрик утверждающе растянул по слогам. — Ей оставалось жить менее часа.

— И что ты предпринял?

— Я не знаю, когда Дэну в голову пришла эта мысль. Может быть тогда, когда я ему сообщил, что Наталья безнадежна... Здесь большие семьи, сам знаешь. В общем у Дэна была больная сестра, которая очень нуждалась в пересадке печени. Там уже срок шел на дни. И Дэн потребовал, чтобы я пересадил печень Натальи его сестре...

— Ты конечно, согласился. — процедил Тумасов.

— Ты меня слишком низко ставишь, Паша. Если бы я считал, что существует хотя бы один процент того, что Наталью можно спасти, я бы не пошел на это. Но в той ситуации... В общем, я решил, что лучше спасти хотя бы одну жизнь.

— И что было потом?

— Я убедил Дэна во избежание различных проблем оставить тело у нас в больнице, пообещав лично организовать похороны. Дэн не скупился, оплатил все расходы. Правда захоронить пришлось пустой гроб, все равно Дэн не пришел на похороны.

— Но почему пустой?

— Потому что во-первых, там на очереди был человек, которому была нужна новая почка. А это примерно тридцать тысяч долларов. А у твоей племянницы после аварии одна почка была цела-целехонька. К тому же совершенно здоровая.

Павел по-блатному, с силой, заскрипел зубами.

— Ну а остальное мы использовали по назначению.

— Что? — непонимающе вытаращился на них Тумасов.

— Что слышал, — напомнила о себе Татьяна. — Паш, мы съели твою племянницу.

Вернее, то, что от нее осталось.

Павел прямо осел. Наручники врезались в его запястья.

— Ты хочешь знать кто мы такие, — продолжала она. — это в двух словах не объяснишь, надо будет вернуться на десятилетия назад.

— Но у нас времени много. — рассмеялся Эрик и этот смех Тумасову не понравился, он понял, что они уже решили, что делать с ним.

— Давно это было. — Татьяна откинулась в кресле и полужакрыв глаза, будто вспоминая что-то, продолжала:

— Голод в Поволжье, двадцать первый — двадцать второй годы. Вымирали целые поселки. Сначала съели весь домашний скот, потом собак, кошек, крыс, змей... Потом стали есть солому, траву, кору, листья... Даже прутьями и опилками пытались питаться. Скоро кончилось и это. А потом...

...Кроме массовых самоубийств порой отцы убивали одного из детей, чтобы накормить остальных. Было опасно выходить из дома. Случайные прохожие «исчезали» и когда из какой-то трубы шел «мясной дух», все знали, что там едят. Кожаные вещи разварили и съели еще в начале голода. Наши предки жили в Нижегородской области в то время.

Первое время они еще пробовали есть древесную кору, пить отвар из листьев. Но прекрасно понимали, что долго так не протянут. И когда были они доведены голодом до полубезумного состояния, в ночной час в дверь постучали. У порога стоял огромного роста мужчина. Почти все его лицо покрывала густая черная борода, и только маленькие глазки хищно поблескивали. Его пустили, предупредив, что не смогут накормить.

Скинув с плеча большой тяжелый мешок, он вошел в горницу. Взгляды всех словно магнитом приковало к мешку. Постоялец исчез утром так же внезапно, как и появился. Но он забыл мешок. Изголодавшиеся люди, в надежде найти что-нибудь из пищи, заглянули в него. В мешке лежало расчлененное тело человека. Через некоторое время все окрестные поселения почувствовали серьезную угрозу, так как стали пропадать люди. А по дороге, возле которой эта деревня стояла, и вовсе люди ездить перестали. Зато жители этой деревни и их дети, то есть наши с Эриком бабушка с дедушкой — выжили.

Эрик хмыкнул, вертя в руках карандаш.

— Некоторое время не могли узнать, куда исчезают люди. Лишь случай помог это узнать. Однажды маленький продотряд поздно ночью вышел к деревеньке. Хотели узнать, остались ли живые там. Проходя через двор, в потемках не заметили погребка. Подгнившие доски проломались под ними, и они рухнули в темноту. Когда один из них зажег фонарь и подземелье осветилось, волосы у них на головах стали дыбом.

Весь погреб был забит человеческим мясом и бочками с кровью.

— И что потом?

— Кого-то расстреляли, кому-то, как нашей семье, удалось бежать. Во всяком случае, когда толпа разъяренных жителей из соседних деревень прибыла на место, было поздно. Наши же предки в военное лихолетье перебрались сюда, в Закавказье.

— Так получается, вы уже каннибалы в четвертом поколении? — у Павла затекли кисти рук, он подался к стене, чтобы улучшилось кровообращение.

— Что ты в этом понимаешь! — воскликнул Эрик. — Самая лучшая еда. Мы не можем без этого. Не болеем ничем, это эликсир жизни, считай. Уже не хочется притрагиваться ни к чему другому.

Они все трое переступили черту человеческого понимания жизни, поэтому в голове у

Павла вдруг прозвучала одна странная мысль: «Смерть разрушает фарс жизни».

— А где же вы берете мясо?

— Да, с этим есть проблемы. Мы сдаем на время курортного сезона половину этого дома. Постояльцев ищем одиноких, солидных, которые приезжают отдыхать дикарями. Не местных, по возможности, чтобы не было проблем с родственниками... Обычно подмешиваем в напитки... человек выпивал и превращался в бревно.

— Клофелин? — поинтересовался Павел с интересом. — Обычная история.

— Клофелин оставь своим проституткам, — бросил Эрик. — существуют гораздо более совершенные препараты. Клиента затем мы с помощниками перевозили в больницу, где потрошили на органы — это же валюта — благодаря этому удалось домик обставить, а остальное привозили назад, сюда. Потом мы с сестрой перетаскивали тело в этот подвальчик, разделявали. Мясо засаливаем, маринуем. Нам хватает.

Павел собирался с мыслями. Слишком много шокирующей информации свалилось на него.

Та-ак. Та-ак. Нормальненько. Поедание приезжих туристов. И доказательств никаких нет. Да уж, вурдалаки новоявленные. Эрик и Татьяна...

— Вообще-то проще было бы тебя отшить, чтобы ты не путался под ногами. Тем более, что у тебя, как оказалось, проблемы с законом, — размышлял Эрик, сдвигая руками всевозможные бутылки и банки к стене, оставляя больше пространства. — но потом у Татьяны возникла мысль сделать так, чтобы ты больше никуда не уехал отсюда. Поэтому она начала тебе подыгрывать. Сначала мы к тебе присматривались, проверяли, действуюешь ли ты один или выполняешь чье-то поручение. А потом, когда выяснилось, что ты просто равнодушный родственник...

— А вот меня вам не удастся на запчасти разобрать, — хихикнул Павел, расслабившись, насколько позволяла вынужденная поза. — я в свое время гепатитом переболел и органы мои для пересадки не годятся.

— Да? — с некоторым сожалением произнес Эрик. — Ну что же, ничего страшного, у тебя будет другой финал. Ты, надеюсь, никаких иллюзий не питаешь? Так что оставляем тебя пока так на некоторое время. Не скучай. Пошли, Тань.

Они вдвоем ушли в эту дверь, и по чмоканию, с которым она, дверь, закрылась, Павел определил: тяжелая, солидная, серьезная дверь.

Наступила тишина и темнота. Полная. Абсолютная. Могильная.

Глава двадцать восьмая

В подобных ситуациях человек совершенно теряет чувство времени и пространства. Павел не мог понять, сколько времени он так висит. Болели затекшие кисти рук. Слева от себя под потолком он разглядел огонек датчика противопожарной сигнализации, но как этим воспользоваться, Павел не представлял.

Прошло еще какое-то время и наконец послышался знакомый зуммер. Снова подвал осветился неярким светом. В этот раз Татьяна была одна. И не одна. Она тащила за собой мольберт с натянутым холстом.

Она поставила мольберт справа, напротив прикованного к трубе Павла и подвинула к своему «рабочему столу» кресло. Затем она принесла подставку и поставила рядом с мольбертом. Взяв с полки несколько банок она их вскрыла — пок, пок, пок, и вместе с непрозрачной пластиковой емкостью поставила на подставку, чтобы все было под рукой.

— Какой сегодня день? — спросил Павел, наблюдая за ее приготовлениями.

— Это неважно, — Татьяна накладывала краски на палитру. — тебе тут не холодно? Ты наверное, есть хочешь?

— Ну уж во всяком случае, не блюда вашего рациона, — отозвался Павел. — сердца-то вам зачем? Тоже для пересадки?

— Нет, здесь условия хранения не те. Я ими рисую.

— Чего?

— Все дело в том, — тихо начала говорить Татьяна, глядя прямо в глаза Павлу. — что я при написании своих картин использую человеческую кровь и краски на ее основе. А эти дураки еще часто спрашивают, почему красный цвет так доминирует в моих картинах! Это моя слабость. У наших, так сказать, гостей мы достаем сердца, я их вскрываю и рисую портреты этих людей их сердцами!

— Так ты что, рисуешь картины кровью умерщвленных вами людей?

— Да, разумеется. Как же иначе? Только на это единственно и годны человеческие сердца. Нет, я должна оговориться: в основном для портретов и то далеко не всегда.

— И как ты готовишь краску из сердец?

— Ну просто кровью я бы не смогла писать — она на холсте плохо держится. Поэтому я добавляю смолы, лаки для загустения и закрепления. А уже обескровленные сердца я бальзамирую особым образом — тебе, далекому от химии, процесс ничего не скажет, — и натираю их в краску. Она используется непосредственно при написании деталей картины, но в основном идет на фон. У меня правило — на каждый портрет одно сердце, данного конкретного человека. Я как-то работала над портретом одного фермера из Запорожской области. У него было совсем маленькое, совершенно детское сердце, несмотря на то, что ему стукнуло пятьдесят два года. Хватило на пол-картины. Но я добавила обычной крови и замысел был раскрыт полностью. Портрет отобразил человека и на психологическом уровне, как отображение целой эпохи, можно сказать.

— То есть студентка, посетитель кафе — это реальные люди, которые гостили у вас в разное время?

— Какой ты тупой, Паш. Конечно! Потом они послужили нам пищей, а сердцем каждого из них был написан их же портрет! У меня было достаточно времени. Ужасающе много времени, поэтому изображения получились точь-в-точь!

— А что же остальные картины?

— Понимаешь, я вовсе не какая-нибудь простая сумасшедшая, которая бессознательно подчиняется той или иной безумной грезе, порыву. Нет, я должна была с величайшим напряжением воли искусственно создавать в себе безумные видения. Я должна была употреблять определенные препараты целые недели и месяцы, чтобы блуждать в безднах своих фантазий и воплощать на холсте свои мысли. Рисуя кровью картину, можно уловить самые затаенные уголки души этих людей, разве это не прекрасно?!

Она конечно, была безумна. Сколь прекрасна, столь и безумна. Речь ее завораживала, увлекала, обволакивала собственное «Я» собеседника. Павел забыл о дискомфорте и внимательно слушал эту фанатичную речь.

— Но я испытала с этим своеобразно приятным ощущением нечто совсем иное. Я почувствовала, что души людей, чью кровь я использовала, овладели моим мозгом. Они крепко засели там, прогнали мою сущность в самый дальний угол и распорядились в моем мозгу как полновластные хозяева. И у моего маленького «я» осталось силы и власти лишь на то, чтобы изображать на полотне их самих — краской, добытой из их сердец. И у меня это отлично получается! И эти люди возрождают во мне — и со мной — свои души еще раз в моих картинах. Я — художница! Я являюсь прообразом женщины, которой все они обладали и с которой произвели на свет своих и в то же время моих детей — вот эти картины! Пойми, художник-это женщина. Словно женщина, он привлекает к себе идеи и образы, отдается им и служит им, рождая в ужасных муках свои произведения.

Она налила из пластиковой канистры в стакан темно-красной жидкости и поднесла его Павлу к губам.

— Пей.

— Не буду!

— Ну если хочешь есть, то пей.

— Не буду, я сказал.

— А ты представь, что это вино, как в романе. Пей.

В рот Павлу полилась холодная терпкая жидкость. Вопреки ожидаемому, она не была солоноватой, а скорее кисло-сладкой, вяжущей. Похоже, в жидкость было что-то добавлено. Второй стакан пошел уже легче. В голове у Павла зашумело, пол под ним закачался, запрыгал, ушел из-под ног. И женский силуэт напротив задержался, растекся. Силуэт Татьяны.

— А все-таки я вам не верю, — пробормотал он, равнодушно глядя на Татьяну. — как же эти звонки мне по ночам, откуда взялась фотография в дверях моей квартиры, наконец кто-то же вызвал «Скорую», когда в меня стреляли. А вы говорите, что Натальи уже не было в живых.

— А было ли это все на самом деле? Вспомнивай, Паша, у нас времени много.

Смешав краски, она стала наносить первые мазки на холст. Павел стал погружаться в бездны своей памяти. Его психика разгонялась прямо на глазах, он поднимал целые пласты из своего подсознания...

А был ли действительно этот звонок от племянницы? Словно какая-то невидимая сила подтолкнула его к мысли о поездке в Баку к ней.

— Я тебе помогу, — отвлеклась от рисования Татьяна. — вспомни, когда она в первый раз позвонила?

— Недели две назад.

— Вот. Примерно в это время я вскрыла ее сердце для написания ее портрета. Понимаешь, между живыми и мертвыми безусловно существует какая-то связь. Можно сказать, она позвала тебя на помощь... Вспомни хорошенько, тебе наверное, не звонил никто. Ты сам приехал по этому зову.

Павел погрузился в пучину воспоминаний. А был ли действительно этот звонок? Не померещилось ли ему? Был какой-то толчок, импульс, что он должен проведать свою племянницу.

Звонков не было.

Стоп, а кто же сообщил докторам, что он ранен после перестрелки с бандитами Дэна в баре? Он путешествовал по лабиринтам памяти. Так... он с трудом отпирает дверь, поднимает телефонную трубку, набирает номер, падает на диван... А шкаф?

Не было никакого шкафа. Павел не подпирает им дверь. Он хотел это сделать, но не успел, завалившись от слабости на диван.

Что же это получается — он видел и слышал племянницу только в своем воображении? Не может быть. А фотография в дверях? Память расширила свои двери, стала податливой, услужливой. Да Наташка сама прислала ему эту фотографию в свое время! Павел хранил эту фотографию в своей старой московской квартире и со временем совсем забыл про нее. А потом... когда все это завертелось, он почему-то взял ее с собой. Кто-то или что-то, необъятно могучий по сравнению с ним, простым смертным, руководил им в тот момент. И продолжает руководить сейчас?

— Вспоминается? — спросила Татьяна, продолжая рисовать. — У тебя с племянницей установилась метафизическая связь. Связь между миром мертвых и миром живых. Судьба свела нас всех вместе. Это порой бывает между близкими родственниками. Но вот скажи мне, Паша, не было ли между тобой и твоей племянницей более близких отношений?

Павел молчал. Перед его глазами предстала большая комната, с минимумом мебели, но весьма уютной. Повсюду ощущалась заботливая женская рука, придавшая немного казенному по своему убранству помещению вполне домашний вид. Павел всегда удивлялся способности Натальи обустроить любое, даже самое неприспособленное помещение так, как будто она собиралась прожить там всю жизнь. И ведь казалось, что после всего лишь нескольких незначительных перестановок помещение менялось просто неузнаваемо, приобретая совсем другое состояние и ауру домашнего уюта. Рядом с застеленным мягким пледом широким диваном находился небольшой расписанный под гжель столик, на котором стояла большая ваза с фруктами, бутылка итальянского шампанского и два высоких фужера. Был поздний вечер, и Наталья, задернув плотные шторы, зажгла узкую длинную свечу, стоящую на столике в красивом узорчатом подсвечнике рядом с вазой. Павел медленно подошел к ней, и дрожащий огонек свечи отобразил на стене две тени, которые через считанные мгновения слились в одну... много лет назад...

— Я же чувствую, — Татьяна будто прочла его воспоминания. — женщины всегда чувствуют такое. Так уж мы устроены, есть в нас мембрана какая-то чуткая.

Она продолжила рисовать. Художница-каннибал... Павел смотрел на нее. Да, признался он себе, он испытывал к ней влечение. Однако к этому чувству сейчас примешивалось другое, похожее на тревогу. Тревогу ли? Нет, не совсем то. Это было скорее опасение, страх перед чем-то неизвестным. Но как ни странно, в этом страхе он ощущал что-то пленящее, вызывавшее особое волнение, нечто такое, что отталкивало его от Татьяны и одновременно все сильнее влекло его к ней.

Она стояла у мольберта и увлеченно рисовала. Потом усаживалась в кресло и смотрела на холст. Временами она бросала взгляд на Павла. Потом вставала и продолжала работать. Сколько времени это длилось — неизвестно. Мазки. Длинные, короткие, толстые, тонкие. Из них она создавала полотно, но какое — Павел не знал. Ее тонкие пальцы увлеченно создавали новую картину, работая словно щупальца медузы. Медузы Горгоны.

Глава двадцать девятая

Наконец она положила кисти и палитру на подставку и аккуратно развернула мольберт холстом к Павлу.

Ну что сказать — снова ей все удалось. Тумасов не мог понять, как ей удается создавать эту непередаваемую гармонию, не путая и отображая тончайшие детали. На этой картине, хотя и далекой от реализма, виднелось множество фигур, фантастические звери и страшные лица.

— А как будет называться картина?

— Это будет твой портрет, Павел! Ты же просил нарисовать твой портрет. А последнее желание всегда выполняется.

Последнее... — отозвалось эхом в голове Павла.

— Но где же непосредственно я сам? — с вызовом бросил он. — Я вижу здесь фон, какие-то посторонние фигуры, странные лица по бокам. Меня же нет на этой картине!

— Да, — потеряла руки Татьяна. — тебя, как ты сам сказал, пока нет на этой картине. Но ты обязательно тут появишься. Ты будешь изображен в полный рост. Видишь, я центр холста специально оставила пока пустым, это место для тебя.

— Но почему ты меня сразу не нарисовала? Ты же сейчас имеешь возможность рисовать прямо с натуры. — усмехнулся Павел.

— Да потому что, Паша... — Татьяна взяла кисть. — ты хоть понимаешь, чем я буду писать непосредственно тебя?

Расхохотавшись, она провела кистью у него по груди.

Значит, вот оно каково его предназначение! Вот он каков, этот чудовищный страх. Павел представил, как разделявают пожилого фермера, коренастого крепкого мужчину из кафе и щуплую студентку. Он видел их: одного, второго, третью, а потом всех троих одновременно. Разделанных все на том же столе. И вдруг среди них он увидел себя!

— Это будет прекрасная работа! Жаль, что ты этого уже не увидишь. Но я тебе обещаю — я выложусь по полной! Я буду представлять тебя в этот момент!

В принципе, участвуя в многочисленных войнах на постсовестком пространстве, Павел ни на минуту не испытывал какого-то сильного страха смерти, только боялся бессмысленной смерти. Но погибнуть таким образом... Послужить материалом для картины этой сумасшедшей...

Есть ли предел у храбрости человеческой?

— Жаль, нельзя приступить немедленно, — взгрустнула Татьяна. — брат уехал, а сама вскрывать грудную клетку я не умею. Еще поврежу материал. Так что потерпи немного.

Она чмокнула его в щеку, сложила краски и палитру на полку, подвинула кресло назад к стене, взяла мольберт и тяжело, надрывно его неся, покинула подвал, выключив за собой свет.

Потерпи немного... ее голос отозвался в голове.

И все больше уплывал и уплывал...

Приедет ее брат и двое вурдалаков ласково и нежно, начнут разделявать Павла Тумасова на куски и возьмут его сердце.

А пол уже не прыгал из под ног, наоборот, Павел ощутил необыкновенную ясность мысли. Внезапно ему словно сжала виски чья-то невидимая рука, от резкой боли он чуть не

потерял сознание...однако это ощущение было коротким и пришло оно как бы изнутри. Он снова услышал голос.

— Я видел твое лицо. Ты знал, на что шел. Ты можешь продолжить игру: если не сдашься сам, победить тебя никто не в силах!

— Ты спрашивал, кем я хочу пожертвовать — собой или племянницей, — на мысленном уровне спросил у него Павел. — зачем спрашивал, если она к тому времени была уже мертва?

— А разве это меняет суть происшедшего? Для тебя же она была жива. Будущее многовариантно и ты сам выбрал этот поворот.

Голос пропал так же внезапно, как и появился.

Тишина и темнота.

Да будет свет — и тогда уж для Павла наступит окончательная и бесповоротная тьма.

Надо работать, пока они не вернулись. Надо работать.

Павел начал работать. Он непобедим, если сам не сдастся. На милость. На милость парочки вурдалаков рассчитывать не приходится.

Прежде всего ему следовало успокоиться и войти в нужное состояние. Павел выровнял спину и стал дышать животом, сосредоточив на этом все внимание. Постепенно он сумел опустошить голову от посторонних мыслей и впал в легкий транс. Затем, пару раз наглядно прокрутив в мозгу то, что ему предстояло сейчас сделать, он несколько раз сильно напряг руки, разгоняя застоявшуюся кровь и разогревая мышцы. Потом Павел уперся ступнями в стенку и напряг кисти, скованные наручниками. Представив, что противостоящая ему цепь наручников — это всего лишь тонкая гнилая веревка, он с резким выдохом изо всех сил рванул руки на себя. Резкая боль как током пронзила все тело Павла, но проклятые браслеты так и не поддались.

— Давай, щенок! Работай или сдохни! — от сильной боли Павел пришел в состояние неконтролируемой ярости.

Заводя себя еще больше, он подобрал ноги под себя, уперся в стену и собрав все силы, рванул наручники. Затем он повторил попытку.

В упорных попытках освободиться прошло немало времени. Павел был весь мокрый от пота, майка прилипла к его телу. От мощных рывков сталь наручников сильно впивалась в его запястья, разрывая кожу до самого мяса, но дело было не сделано. В какой-то момент раздался непонятный треск, тем не менее этот звук прозвучал определенной надеждой.

После небольшой паузы Павел продолжил расшатывать трубу. Одна попытка, другая, третья... в какой-то момент раздался резкий скрежет, труба соскочила с резьбы, не выдержав мощного рывка, обдав его струей пара. Горячий пар обжигал макушку головы Павла. Тумасов, приготовившись к приступу сильной боли, снова уперся ступнями в стену и оттолкнувшись, попытался соскочить с трубы.

Жуткая боль пронзила раскаленной струей щеку.

— А-а-а!! — вырвался крик боли у Павла.

Сваливаясь с лопнувшей трубы, Тумасов не устоял на ногах, отлетел от стены и упал на пол. Резкая боль раздалась в спине, возможно при падении Павел сломал ребро. Кое-как он встал на четвереньки. Правая щека дико саднила. Он достал из кармана шорт зажигалку. В свете огня он подобрал с пола смятую газету, свернул ее и поджег, создав импровизированный факел. На запястьях, как диковинные браслеты, болтались наручники, но теперь все это было сущей мелочью.

Павел поднес факел к стене. Вот в чем дело. Оказалось, что своими неистовыми рывками он сильно расшатал трубу и в месте ее соединения с кранчиком регулирования температуры она соскочила с резьбы и выскочила из гнезда.

Став относительно свободным, Павел не поддался захлестывающей его эйфории. Детектор дыма вот-вот должен был сработать и к приходу гостей нужно было подготовиться. Нужно было дожидаться, когда они, уверенные в том, что он все еще прикован к стене, войдут внутрь, а после внезапно атаковать их со всей возможной яростью.

В голове Павла созрел план действий. Он стал открывать банки и емкости, стоявшие в подвале. Наконец в нос ему ударил резкий запах. Он разорвал картонную упаковку в углу и намочив растворителем куски картона, поджег их, устроив импровизированный костерчик. Затем он разбил лампочку под потолком. Картон горел плохо, больше чадил едким дымом. Павел застыл в темноте в ожидании, сжимая в руке кусок стекла. Он был готов наброситься на первого же гостя, вошедшего внутрь.

Наконец за дверью послышался какой-то шум. Дым уже заполнил собой большую часть помещения. Прозвучал зуммер и дверь тяжело отъехала в сторону.

На пороге стояла Татьяна. Свет из мастерской освещал ее, в руке у нее был то ли маленький пистолет, то ли электрошокер, которым «угостили» Павла в гараже, но из-за уже сильного задымления и отсутствия света в камерке это нельзя было рассмотреть. Она настороженно постояла какое-то время, затем сделала несколько шагов вперед, проведя рукой по стене, она тщетно попыталась включить свет.

В этот момент из темноты выскочил Павел и буквально прыгнул на нее, выставив вперед руку с зажатым куском стекла. Татьяна страшно закричала и упала в сторону, по сложной траектории падения задев полку с бутылками, банками.

И Павел воочию убедился, что горючие вещества — не пустое название.

Одна из бутылок, упав с полки разбилась и вылившаяся жидкость соприкоснувшись с тлеющим картоном на полу вспыхнула с такой силой, что огонь как-будто распространился по большей части помещения. Татьяна корчилась и стонала в углу, держась руками за лицо. Загорелось кресло — не было времени искать выпавшее из рук Татьяны оружие. Павел выбежал в мастерскую — ключи были в дверях. Он открыл дверь, ведущую в дом.

Пробегая по коридору, Павел глянул в окно — на дворе был поздний вечер или ночь. Он даже не открыл, а распахнул дверь дома. Его «БМВ» стоял на площадке перед гаражом — вот удача!

Теперь осталось только завести машину и ходу, ходу!

В этот момент кто-то сбоку в стиле американского футбола врезался в него и сшиб на землю своей мощной тушей.

Эрик, по-видимому, только что приехал, поскольку он был в парадных черных брюках и белой рубашке. Судя по всему, он занимался вольной борьбой, поскольку после хорошо выполненного приема он, рыча от ярости как дикий зверь, бил, мял и давил отчаянно сопротивлявшегося Павла, стараясь побыстрее добраться до его горла и задушить. Он был килограммов на десять тяжелее и физически мощнее Павла, изучавшего рукопашный бой только в армии, но все никак не мог сломить его отчаянное сопротивление. По пыльной земле, задыхаясь и хрипя от ярости, катались двое сильных мужчин. Они изо всех сил пытались голыми руками убить друг друга и в своей ярости со стороны мало напоминали людей.

Павел выронил свое импровизированное оружие в виде стекла еще при падении и

теперь отчаянно старался вырваться из мощных лапищ этого взбешенного здоровяка. Атаки Эрика не ослабевали, но Павел и не думал сдаваться. Они катались по прогретой за день солнцем земле и драли друг друга как дикие звери, сцепившиеся в битве за территорию.

В какой-то момент Эрик оказался сверху. Навалившись всей своей мощью, он беспорядочно наносил Павлу удары и яростно пытался прорваться к его шее, чтобы провести удушение. Павел, лежа спиной на земле, уворачивался как мог, закрываясь от сыпавшихся на него ударов и стараясь вырваться из захвата. Защищаясь от возможного удушения, он постарался сильно прижать подбородок к груди.

Пошел очередной замах! Павел отвел руку Эрика блоком, зафиксировал его руку и врезал коленом в пах. Эрик завыл, свалившись с Павла на бок и засучив ногами. А Павел, поднявшись на колени, добавил скрючившемуся вурдалаку сцепленными кулаками в голову. Он кое-как встал и стал наносить удары ногами по лежащему сопернику — один, другой, третий, четвертый...

Наконец ярость Павла улеглась. С трудом переведя бешено частившее дыхание, он сел в свою машину и завел мотор — ключи были на месте. Тем временем из мастерской валил густой дым, Татьяны нигде не было видно. Павел включил максимальную скорость и задним ходом буквально вырвался со двора, прорвав забор из многослойной сетки-рабицы.

Все-таки последствия приема внутрь странного напитка давали о себе знать — машина плохо слушалась Павла, выделявая различные выкрутасы на ночной дороге.

«Сейчас надо будет свернуть направо, — Тумасов вспоминал дорогу назад, далее через несколько километров выезд на шоссе. Там наверняка встретится какой-нибудь милицейский пост».

Внезапно свет мощных фар показался в зеркале заднего вида. Джип!

Однако! Ну и терминатор этот Эрик! Все ему нипочем! Теперь Павел понял, что он спасся буквально минута в минуту, так как Эрик только приехал домой и его машина стояла у входа.

Джип догонял. В какой-то момент Павел потерял управление и заехал в придорожный гравий. Выбираясь оттуда, он потерял драгоценные секунды... почти поравнявшись с ним, джип ударил «БМВ» в бок. Еще раз трянуло. Преследователь пинал сзади, раздирая и сминая обшивку. Потом загремело стекло: аккуратное отверстие с паутиной трещин. Ого! Эрику, конечно, уже нечего терять. Это уже пуля.

Пуля прошла мимо. А вслед за ней прилетела вторая и она уже прошла насквозь, чудом не задев Тумасова. Дырочка в заднем стекле — ерунда. А вот то, что и в лобовом была дыра, усложняло положение. Обзор и так был затруднен: Павел сполз по возможности ниже, а сеть трещин не позволяла много разглядеть, тем более ночью.

Фары дальнего света все-таки здорово помогали. Вот и поворот, точнее развилка, лево-право.

Но вновь голос прозвучал в ушах.

— Будущее многовариантно! И каждый из нас сам выбирает свою судьбу! Ты можешь продолжить игру!

И Павел повернул налево.словно кто-то сильный и могучий, приказал ему это сделать.

Теперь они мчались по горной дороге, которая затем плавно выходила на трассу Баку-Сумгаит. Выстрел, еще один — оба ушли в молоко. Павлу никак не удавалось оторваться от преследователя, но у него возникла одна идея...

Бах! — пуля пробилла шину, «БМВ» занесло, и Павел только лихорадочными усилиями

смог удержать машину на дороге. Тем не менее его автомобиль развернуло, «БМВ» вылетел на каменную насыпь и ударившись боком о здоровенный валун, заглох. Павел приподнялся на сидении, обернулся... А где собственно, джип?

Джип застрял на краю дороги. В азарте погони Эрик на скорости проскочил мимо «БМВ» и сметя заграждения, заехал в гравий. За джипом было еще несколько метров каменистой земли, а далее зияло чернотой ущелье. Ревел мотор, из-под колес джипа летели пыль и камни, бешено, но бесцельно крутились колеса.

Машина банально застряла.

Это был шанс. Неужели Голос подарил Павлу его?

Взревел мотор «БМВ». Павел вырулил на дорогу и со всей силы ударил джип. Он сталкивал его в пропасть, напирая еще и еще... Эрик стрелял. Стрелял в упор со своего водительского сидения.

Трах! Давя на газ, Павел фактически уже лежал на кресле. Бах! — лобовое стекло взвалось стеклянной крошкой и осыпало Павла осколками. В салон ворвался холодный горный ветер.

Бах! Да сколько еще у него патронов? Еще одно, последнее усилие! Полный газ!

У Эрика было вполне достаточно времени, чтобы выскочить из машины. Но он, судя по всему, увлекся, а может охотничий азарт лишил его способности просчитать ситуацию. Джип тяжело завалился в ущелье, ударяясь о массивные камни...

Победа! Победа? Надежда вспыхнула и угасла. Павел не смог удержать «БМВ» и тот по инерции последовал вслед за джипом вниз...

...Павел осторожно затянулся сигаретой. Повело, причем достаточно сильно. Он отложил сигарету на блюдце и откинулся на подушку. Рустам вынул из портфеля увесистый пакет с домашней снедью, положил его на больничную тумбочку, и сам сел на стул рядом с кроватью.

— Ко мне свободно пускают? — неожиданно спросил Павел Рустама, доставшего какой-то список, написанный на вырванном тетрадном листе и читавшего его полупрошепотом, с чем-то сверяясь.

— Меня — свободно, — Рустам хлопнул себя по карману пиджака, где обычно люди хранят бумажник. — Ну и дела, — он стал листать старый газетный номер на последней странице которого в траурной рамке был напечатан некролог о трагической гибели Эрика Белявского. — если бы ты знал, какие в городе сейчас слухи ходят...

— Что и следовало ожидать, — голос Павла был еще слаб. — не хотят предавать огласке случившееся. По их мнению, такого кошмара республика еще не знала и знать не должна. По телевидению тоже сообщили только то, что в автокатастрофе погиб заслуженный медработник республики. И все, никаких подробностей. Значит, так наверху решили, конспираторы хреновы. А по поводу пожара, насколько я знаю, вообще ничего не сказали, так, в районе Загульбы сгорела дача из-за неосторожного обращения хозяев с огнем.

— А эта... Татьяна? — Рустам потушил дымящуюся сигарету.

— Погибла в огне, скорее всего, — размышлял Павел. — там ведь так полыхнуло, что большая часть дома превратилась в головешки. На протяжении нескольких часов не могли потушить. Подвал этот с мастерской выгорели полностью. Там ее шейную цепочку нашли, часы.

— Говорят, там еще что-то обнаружили. — заговорщицки придвинулся к Павлу Рустам.

— Говорят! — Павел приподнялся на кровати. — Теперь из-за этих находок милиция ко мне регулярно приходит. Всю кровь уже из меня выпили. Просто огонь уничтожил одно из креплений, из-за этого частично обрушилась стена в подвале. А в стену кости были замурованы, точнее фрагменты костей. Очень много. В пространстве между слоями кирпича были засыпаны. Затем снова слой кирпичей и все залито цементом.

Рустам хлопнул себя по колену.

— Так-то все эти найденные обгоревшие куски мяса в подвале, почти головешки могли вообще не приобщать к делу, зачем им лишние хлопоты. И никаких каннибалов. Так, обыкновенный пожар из-за небрежного обращения с горючими веществами. А мне они вряд ли поверили бы. А тут такое. Какой-то умной голове пришла мысль после этой находки еще пол проверить, взломали его отбойными молотками и обнаружили еще килограммы костей. Мне сказали потом, что эти двое засыпали черепа и кости негашеной известью вперемежку с еще какой-то химией, а затем дробили чем-то вроде кувалды, особенно черепа. Все закатывалось в цемент. Потом новые трупы, новые скелеты, новый слой костей заливался цементом. Пол у них в этом подвале был как слоеный пирожок. В результате ни одна собака не учует.

— Вай, спаси аллах! — воскликнул Рустам. — Что там Хичкок, да? Страсти круче, чем в ихнем хваленном Голливуде. Ну а ты как?

— Я же у них сейчас «почетный свидетель». Вот и допрашивают меня постоянно.

Поэтому я удивился, что тебя так свободно ко мне пропустили. Они крутят дело таким образом, что чувствую, хотят пришить мне соучастие. Видимо не понимают, как можно полторы недели крутиться вместе и ничего не заподозрить.

— Ну это мы им не позволим! — отбросив газету, протестуяще выбросил вперед руку Рустам. — Денег соберем, следователю занесем, в прокуратуру тоже занесем. Не дадим тебя посадить. Здесь что десять, что двадцать лет назад все решалось и решается одинаково. Мы друзей — он сделал ударение именно на «друзей» — в беде не оставляем.

Они проговорили еще какое-то время.

— Пора мне... — взглянул на часы Рустам и ткнув своим кулаком на прощание Павла в плечо, покинул палату.

Следующие дни проходили для Тумасова на редкость однообразно... приходили медсестры, ставили капельницу, меняли в ней какие-то пузырьки. Делали уколы, от которых становилось тепло и безразлично. Хотелось только спать...

Медсестер сменяли следователи, однотипные, смугловатые, усатые. Вся их разница заключалась в том, что один был уже сильно лысоват, а второй, моложе первого, судя по внешнему виду, примерно вдвое, носил густую угольно-черную шевелюру. Павел избрал примитивную тактику, утверждал, что ничего не помнит, ссылаясь на травму головы и провалы в памяти после аварии, чем вызывал ответную реакцию — еще большую заинтересованность и дотошность сыскарей.

Несмотря на все хлопоты последнего времени, Павла не покидало странное чувство, что главная опасность позади и возможные новые проблемы — допросы, расследование, возможно суд — уже ему не страшны.

В одну из жарких июльских ночей он увидел себя во сне парящим в какой-то невесомости, будто он находится в воде, но может свободно дышать. Он лежал на спине, а где-то высоко вверху ярко светило солнце.

Он ощутил Голос. Не услышал, а именно ощутил, ощутил всеми клеточками своего тела, словно улавливал некую вибрацию.

Голос отпускал его. Павел чувствовал, что некая нить, связывавшая его с голосом, обрывается и он начинает самостоятельно плыть по реке своей жизни. Он возносился вверх, словно всплывал, к солнцу, с распростертыми руками, а принимавшее его солнце было теплым, мягким и дружелюбным. Игра была закончена?

...В тот день под вечер пошел дождь. С моря дул сильный ветер, и капли били в стекло все сильнее. Павел никогда не обращал внимание на перемену погоды, но в тот вечер он лег пораньше.

Сон ему приснился странный.

Он рисовал. Рисовал неумело, но с удовольствием и упорно. А потом Павлу приснилась Татьяна. Она сидела рядом с ним за мольбертом и улыбалась ему. Павел с полной ясностью осознал, что он рисовал то, что она ему подсказывала. Но это происходило так быстро, столь молниеносно, что Павлу казалось, будто воплощается акт его собственной воли. В какой-то момент их роли поменялись. Татьяна делала взмах кистью, а Павел сопротивлялся желанию повторить его, сколько хватало сил.

В конце концов ему пришлось подчиниться, безвольно выполняя то, что угодно ей, и его посетило чувство, что он побежден, эта капитуляция перед ее волей.

Это порабощение Павел не понимал, но при этом оно пугало его своей неизбежностью.

Он открыл глаза.

В этот день после обеда гостем Павла был Николай. Как ни в чем не бывало, он балагурил, будто последний раз они виделись на очередной пьянке-гулянке и вот опять встретились по такому же поводу. Он принес фрукты и домашнюю еду от жены, а затем достал из кармана пиджака плоскую фляжку. Эх, дружище...

— Коля, как дела? Свободно пускают? Мне же, оказывается, отдельную палату выделили, как ценному свидетелю. К чему готовят, не знаю.

— Вот уж без понятия! Я назвался твоим братом, меня и пропустили.

— Ну-у-у, братишка!

— Кстати, какие у тебя ранения-то?

— Пара ребер сломано, травма таза, плюс щека сильно обожжена. Заодно по мелочи — сотрясение мозга, ушибы, царапины. словно судьба хранит меня для каких-то своих целей. Скоро бегать буду!

Вошел полноватый усатый врач с пакетом. Белый накрахмаленный халат не скрывал его внушительное пузо. Из-под медицинской шапочки на затылке пробивался седой ежик волос.

— Какие у вас замечательные родственники! — уважительно произнес он, не обращая внимание на подозрительную фляжку, стоявшую на полке в тумбочке. — То сами навещают, то посылки присылают!

— Посылку? — удивился Павел. — Колян, это ты, что ли?

— Нет.

— Кто передал? — спросил Павел у врача.

— Думаю, родственники ваши, — врач сухо пожал плечами и передал объемный пакет Николаю. — кстати, у вас через полчаса плановый осмотр. — с этими словами он покинул палату.

— Коля, дай, пожалуйста, сюда. — Павел уселся на кровать.

— Держи.

Павел разорвал скреплявшую пакет веревку и развернул упаковку из плотной коричневой оберточной бумаги. Уже по форме посылки он догадался, что там может быть внутри.

Его догадка была верна — там был портрет.

Павел взглянул на него и сразу все понял.

Это был тот самый его портрет. Только он был закончен.

Художник обладал недюжинным матерством — ему удалось запечатлеть на холсте не только внешность Тумасова, но даже отразить силу его характера. Кроме того, портрет словно жил. Например, глаза были так искусно написаны, что в них присутствовал живой блеск. Все черты лица представляли собой набор сложных, мастерски выполненных серий, которые все вместе создавали эффект максимального приближения к оригиналу. Фигура человека словно излучала силу и уверенность. Это было очень выразительно, Павел был похож на Бельмондо в фильме «Профессионал». Загадочный общий фон только усиливал впечатление человека, подчинившего себе окружающий мир. Человек на картине выглядел хозяином всего, самостоятельной планетой, вселенной...

— Ух ты! — восхищенно воскликнул Николай, разглядывая из-за плеча Павла картину. — Вот человеку бог дал таланту...

— Бог? — расхохотался Павел. — Бог? По-моему, в картине чего-то нехватает...

Он взял картину и подошел к окну. Затем он стал со всей силы колотить по оконному стеклу.

— Паша, ты чего? — подскочил к другу Николай, но увидев остановившийся взгляд Павла, остервенело бьющего по стеклу, выскочил в коридор.

— Сестра! Тут больному плохо! — донесся из коридора его голос.

Наконец стекло сдалось и лопнуло с глухим треском. Павел посмотрел на свою руку — она была вся в крови — и засмеялся.

Он по-видимому задел осколками себе вену на руке, поскольку кровь нитяной струйкой потекла вниз, попадая на портрет, лежавший на подоконнике. Капля за каплей пятнышко крови превратилось в миниатюрную лужицу.

Павел намочил в крови палец и не обращая внимания на прибежавших в палату Николая с медсестрой, увлеченно рисовал, рисовал, рисовал...

Больше книг на сайте - Knigoed.net